

Северус Стенін
и
Эмисия крови

Леночок

Северус Снейп и эликсир крови. — С: Народный перевод Гарри Поттера, 2005. — 122с.

ISBN not allocated

Harry Potter, names, characters and related indicia are copyright and trademark of Warner Bros.™ 2000. Harry Potter publishing rights copyright J.K Rowling, 1997. Based on the J.K Rowling book series. English title: Severus Snape and mixture of blood.

This book in part or in whole can not be sold, purchased, rented or distributed on any other commercial basis.

Это произведение написано по мотивам серии книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Данная книга, частично или полностью, может распространяться только бесплатно. Купля-продажа и возмездный прокат запрещены.

Не ограничения по возрасту.

© **Леночок**, elenamariu@list.ru, 2005.

© Оформление. Народный перевод Гарри Поттера, 2005.

Впервые опубликовано онлайн в 2005 году.

Бета ридеры: Элли

Корректор: Андрей

® Вёрстка. Ombro, 2005

Народный перевод Гарри Поттера

www.honeyduke.com или www.yarik.com (официальное зеркало)

Электронная почта: mail@yarik.com

Глава 1. По дороге из Хогсмита.

Мы встретились чисто случайно.

Я даже не помню, где.

Вероятность второй нашей встречи равна нулю.

В. Цой

Тогожим субботним днем самый непопулярный среди студентов Гриффиндора, Равенкло и Хаффлпаффа преподаватель школы магии и чародейства Хогвартс, декан факультета Слизерин, Упивающийся Смертью и, по совместительству, член Ордена Феникса, профессор зельеварения Северус Снейп возвращался из Хогсмита в замок.

Как же он ненавидел визиты в деревню волшебников! Неизвестно, куда профессор отправлялся с большей неохотой — на встречу с Волдемортом или на эти обязательные прогулки, призванные, по мнению директора, вносить оживление в школьные будни. Ученики — да, они были в восторге. Этим тупиц вообще приводит в восторг все, кроме учебы. Да и его коллегам, чего греха таить, нравились неспешные посиделки в «Трёх метлах» за чашечкой кофе, умело приготовленного мадам Розмертой. Но для него, Северуса Снейпа, поход в Хогсмит — бесцельно убитый день. В подземельях, по крайней мере, он мог заняться чем-нибудь более полезным. Не говоря уже о сомнительном удовольствии находиться в компании Минервы МакГонагалл, колючей как чертополох с эмблемы ее ненаглядной Шотландии, и заумного синего чулка, профессора Синистры. Но директор Альбус Дамблдор был, как всегда, неумолим в своей доброте. И мрачный обитатель Хогвартских подземелий, вынужденный повиноваться его просьбе, каждую субботу волочил свои длинные тощие ноги по пыльной проселочной дороге, бегущей от школьных ворот к деревеньке волшебников, замыкая пеструю ватагу школьников, которые торопились очутиться в лавке магических приколов Зонко или среди несметных, восхитительно аппетитных сокровищ Сладкого Королевства.

Ученики, разбитые на пары и выстроенные в ровную колонну неутомимым школьным борцом с беспорядком Аргусом Филчем, едва пройдя десяток метров, нарушали хлипкую гармонию, созданную завхозом. Строй распался, распадался на неровные кучки и растягивался по всей длине пути. Если бы случайный прохожий, ничего не смыслящий в жизни волшебников, мог наблюдать эту картину, то, несомненно, вид толпы возбужденно шумящих подростков в ярких полосатых шарфах и нелепых мантиях, уместных разве что на судье, поверг бы беднягу в шок. Скорей всего, он решил бы, что это выпустили на прогулку пациентов сумасшедшего дома. К счастью для впечатлительных простаков, на дорогу, так же как и на Хогвартс с Хогсмитом, были наложены антимагловские чары.

Школьники радостно галдели, предвкушая многочисленные развлечения, однако, ближе к хвосту движущегося потока, голоса были уже не такими радостными и звучали куда тише. Неудивительно, ведь долговязая фигура в черной мантии, метаящая злобные взгляды, словно дротики, в спины учащихся, высасывала веселье из бедных детишек не хуже азкабанского дементора.

В «Трёх метлах» плохое настроение профессора таки стало отвратительным. Темная поверхность нетронутого кофе отражала одну из самых кислых профессорских мин. Фарфоровая белая чашка с золотым ободком бесполезно остывала в холодных снейповых пальцах. Не надо было обладать Внутренним Оком, как Сивилла Трелони, чтобы понять, что несчастный напиток, прожженный пристальным взглядом двух черных глаз, сулит страшную и мучительную смерть всему живому. Кое-как засунув под возмутительно низкий круглый столик длинные ноги, профессор угрюмо разглядывал остальных посетителей «Трёх метел», вымученно поддерживая с пожилыми дамами видимость беседы. Минерва МакГонагалл, чопорно поджав тонкие губы, высохшей рукой держала чашку напротив лица и, сверля профессора неодобрительным взглядом, в который уже раз пеняла ему на очевидную пристрастность при снятии баллов с ее факультета. В ответ профессор привычно язвил, в тайне наслаждаясь всякий раз, когда удавалось вывести гриффиндорского декана из себя.

Все эти перепалки были настолько предсказуемы и однообразны, что их не могли скрасить даже букеты колкостей, щедро раздаваемые преподавателем зелий направо и налево. Обычно, больше одного часа в обществе коллег Снейп не выдерживал. Вот и на этот раз, сославшись

на якобы срочные дела, он покинул Хогсмит раньше остальных. Скрипучая дверь бара звучно хлопнула за спиной профессора, тускло брякнул на прощанье задетый плечом медный колокольчик, и Северус Снейп облегченно глотнул сентябрьскую свежесть.

Стояла ранняя осень. День был на удивление хорош — настоящая редкость для пасмурной Каледонии. Прозрачный воздух приятно щекотал нос острыми, свежими ароматами трав, запахом грибов и влажной земли. Чистоту нежно-голубого эмалевого неба не портило ни одно облачко. Тишину нарушали лишь жужжание насекомых и переливистые рулады невидимого пернатого певца. Прихотливо изгибающуюся дорогу обрамляли березы и буки в золотистом убранстве. Великолепные корабельные сосны царственно распростёрли янтарные ветви, их густая и такая пушистая на вид хвоя искрилась в ласковых лучах солнца всем богатством оттенков темно-зеленого цвета.

* * *

Северус Снейп, наконец-то, возвращался в любимые подземелья. Он, вопреки обыкновению, не спешил. Профессор радовался возможности побыть одному, забыть на время о долге и долгах; о студентах, Темном Лорде и Упивающихся Смертью. Просто идти и дышать. Впитывать всем существом бесконечную красоту и мудрость природы. Каждой клеточкой тела пронзительно ощущать хрупкость и тоскливую, щемящую обреченность золотого осеннего великолепия, его недолговечность и неповторимость.

Размышления профессора безжалостно оборвал разрезавший тишину отчаянный женский крик. Следом за ним лес огласил громкий гогот. Рука инстинктивно потянулась к волшебной палочке. Снейп свернул с дороги и поспешил на шум. Посреди идиллической золотой рощицы покатывались со смеху, отпуская похабные шуточки, трое студентов-слизеринцев. Профессора они не заметили, так как всё их внимание было сосредоточено на беспомощно болтающейся вниз головой женщине. Она то и дело судорожно всхлипывала, юбка упала на лицо, — зрелище было довольно жалкое.

Профессор отвернулся, чтобы не видеть нелепо дрыгающиеся в воздухе худые, незагорелые ноги, и поморщился:

— Малфой, Крэбб, Гойл. Пять очков с факультета.

Услышав знакомый голос, студенты резко обернулись. Испуг на лицах удивительным образом сочетался с вызовом.

Заклинание, державшее жертву в воздухе, ослабло, и женщина, взвизгнув, с шумом рухнула на землю.

Снейп даже не пошевелился, чтобы ей помочь. Угрюмый профессор никогда не отличался галантностью, кроме того, он тщательно избегал даже намеков на возможность оказаться в комической ситуации. Слизеринский декан, на глазах собственных студентов бросающийся на помощь растрепанной перепуганной девице, которая, к тому же, если судить по одежде, ещё и магла? Нет уж, он не какой-нибудь там странствующий рыцарь сэра Кэдоган! На такое унижение Снейп не пошел бы и под пыткой. Ему, конечно, не составило бы труда воспользоваться волшебной палочкой, но министерские предписания запрещали применение магии в присутствии маглов, а профессору бы и в голову не пришло наживать себе неприятности из-за первой встречной красотки. «Впрочем, до красотки ей далековато», — критично оглядев незнакомку, мысленно подписал приговор Снейп.

— Вы ещё не в замке? — ядовито прошелестел декан своим воспитанникам.

Второй раз повторять не пришлось. Подросткам хватило благоразумия бросится наутёк настолько быстро, насколько это позволяла грузная комплекция Крэбба и Гойла.

Снейп подошёл к женщине и окинул её бесстрастным взглядом. Магла поспешно одернула юбку и, болезненно морщась, принялась массировать ушибленную спину. Она была такая бледная, испуганная, жалкая... О, Мерлин! Неужели он, Северус Снейп, выглядел так же в тот ужаснейший день на пятом курсе, когда Поттеру и Блэку вздумалось пошутить? Он отвлекся от неприятных воспоминаний и снова перевёл взгляд на женщину. Тёмные волосы, лет двадцать пять — двадцать шесть. Длинная широкая темная юбка, зеленый вязаный свитер. «А малыш Драко весь в папашу, гроза маглов, — усмехнулся он про себя, вспомнив чемпионат мира по квиддичу. — Память бы ей изменить». Палочка нацелилась женщине в лоб.

— Не надо! — взмолилась та.

В Снейпе слабо шевельнулось что-то похожее на удивление, а, может, даже сочувствие.

— Не надо, пожалуйста, не делайте этого! Вы ведь волшебник, да?

— Да, — равнодушно процедил Снейп.

Несколько секунд прошло в молчании. Затем профессор произнёс холодным ровным голосом:

— Простите, мисс, это для вашей же пользы. Вам не будет больно. Просто забудете этот неприятный инцидент.

Палочка опять нацелилась женщине в середину лба.

— Но я не хочу ничего забывать, — запротестовала та.

— После всего того, что с вами произошло? — брови профессора поползли вверх. — На вашем месте я бы обрадовался такой возможности.

— Вам-то откуда знать? — возмутилась женщина. — Вы же не на моём месте!

На лице мужчины не дрогнул ни один мускул, но глаза сверкнули ледяным черным пламенем.

— У вас весьма извращённое представление о приятном.

— Разумеется, мне было неприятно! — женщина рассердилась. — Неужели не ясно? Ну, как вам объяснить?.. Сперва, всё было, как обычно... у меня отпуск, решила побродить подальше от города, оставила машину в кемпинге, надела рюкзак и пошла гулять. Тут очень красивые места, мне захотелось их зарисовать. Ну вот, я поставила палатку, перекусила и сразу же отправилась выбирать место для этюдов. Уже довольно далеко ушла, когда услышала, что в лесу есть ещё кто-то. Я спряталась за дерево и увидела три фигуры в балахонах! Вроде вашего, — магла скосила глаза на одеяние профессора. — Я удивилась, естественно. Кто же в здравом уме решится бродить по лесу в таком наряде, словно тень отца Гамлета? — поняв, что ляпнула лишнее, девушка, смутилась, замолчала и с виноватым видом захлопала на профессора ресницами. Но, так как каменное выражение лица собеседника ничуть не изменилось, неловко продолжила:

— Тут эти, в мантиях, меня как-то заметили. Я вышла из-за дерева и поздоровалась, но они мне почему-то сразу не понравились, — лицо незнакомки приняло сосредоточенное выражение, что, вкупе с ее словами, развеселило профессора:

— И вы, наверное, тут же им об этом сообщили? — прошелестел он с неприкрытым сарказмом.

Собеседница недоумевающе уставилась на него. Поняв, что эта тупица не в состоянии оценить его тонкий юмор, Снейп раздраженно буркнул:

— Ваша фамилия, случайно, не Лонгботтом?

— Нет. Меня зовут...

Профессор ее бесцеремонно прервал:

— Ваши паспортные данные меня абсолютно не интересуют. Вы не могли бы побыстрее закончить свой рассказ? Знаете ли, меня ждут дела.

— Да я уже, собственно, всё рассказала. Белобрысый нехорошо так улыбнулся, щас, говорит, здесь будет небольшое представление. Направил на меня указку и заорал какую-то бессмыслицу, вингардиум ливиоса, или что-то в этом духе... Знала бы, что так будет, джинсы бы надела.

Профессор невольно хмыкнул.

— Потом вы меня вызволили, спасибо вам и всё такое... Хм... Вам их поступок не показался возмутительным? Я заметила, что нет, но ладно... — девушка махнула рукой. — Зато я поняла, что эти парни и вы — волшебники! И какая дура захочет такое забыть? Я могу поклясться, что никому не расскажу! Да мне и так никто не поверит! — говорившая попыталась поймать взгляд мужчины, но он ускользал. — Поймите, что мой мир перевернулся... Для меня это важно! — голос звучал взволнованно, лицо покраснелось, глаза блестели.

Незнакомка больше не казалась жалкой, пожалуй, она была даже интересной... Снейп возвышался над ней глыбой чёрного льда. Никаких эмоций.

«Какого черта! Если она этого так добивается... В конце концов, я никому ничем не обязан. Магию при ней я не применял, законов не нарушал. Если министерству надо стереть ей память, то пусть само этим занимается, в мои обязанности это не входит... Этой дурочке, для ее же блага, лучше было бы все забыть». Профессор разозлился: «Почему большинство людей такие безнадежные кретины? Будь у этой девчонки хоть капля мозгов, она бы меня на коленях благодарила... Что тут помнить? Что другие люди обладают силой и возможностями, которые ей и не снились? Зачем? Чтобы считать себя по сравнению с ними ущербной?»

— Вы похожи на наших студентов, — зло бросил Снейп.

Незнакомка, заметив, что черноволосый тип, похоже, передумал махать своей палочкой, расслабилась.

Глава 1. По дороге из Хогсмита.

— Чем же это? — женщина удобно уселась на земле, словно ожидая интересного продолжения, чем привела язвительного профессора в некоторое замешательство: обычно змеиные интонации его голоса вызывали у собеседников немедленное желание поскорее закончить разговор.

— Они тоже обожают делать глупости. И всегда во вред себе.

— Неужели все?

«Она что, издевается? Или, вправду, кретинка?» — подумал Снейп.

— Кроме слизеринцев.

— Слизеринцы? А кто это?

— Студенты моего факультета, — терпение профессора истощилось.

— Уж не те ли, которые отсюда только что, как зайцы, ускакали? — похоже, любительница рисования, и впрямь, не прочь была поиздеваться над мрачным собеседником.

Снейп холодно взглянул на женщину:

— На вашем месте, мисс, я бы здесь больше не появлялся. Желаю удачи.

Глава 2. Ночной костер.

По узкой тропинке
Я шел, упоенный мечтою своей,
И в каждой былинке
Горело сияние чьих-то очей.

Сплетались травы,
И медленно пели и млели цветы,
Дыханьем отравы
Зеленой, осенней светло залиты,

И в счастье обмана
Последних холодных и властных лучей
Звенел хохот Пана
И слышался говор нездешних речей.

И девы-дриады,
С кристаллами слез о лазурной весне,
Вкусили отраду,
Забывшись в осеннем, божественном сне.

Я знаю измену,
Сегодня я Пана ликующий брат,
А завтра одену
Из снежных цветов прихотливый наряд.

И грусть ледяная
Расскажет утихшим волненьем в крови
О счастье без рая,
Глазах без улыбки и снах без любви.

Н. Гумилев

В камине слизеринской гостиной потрескивал огонь. Раскидистая, похожая на перевернутый причудливый куст, медная люстра ярко освещала просторное помещение сотней белых свечей. За прочными столами из тёмного дерева школьники готовили домашнее задание. Скрипели перья, шуршали пергаменты, негромко переговаривались ученики. Некоторые недовольно морщились, воротя носы от резкого удушающего запаха парфюма, исходящего от шестикурсницы Пэнси Паркинсон. Духи были хорошие и дорогие, но вот с количеством девушка явно переборщила. Впрочем, она не замечала реакции окружающих, так как все ее внимание было сосредоточено на хрупком, среднего роста, блондине, с тонкими чертами лица, которое портила спесивая самодовольная гримаса.

— Вы видали? Снейп всего каких-то жалких пять очков вычел, и всё! Он даже подмигнул нам, — парень был не прочь прихвастнуть. — Этому жалкому уроду Поттеру уже бы давно выдали путёвку в Азкабан, — разглагольствовал Драко Малфой перед своими гориллообразными друзьями. — А мне хоть бы хны! Это всё папины связи. Против них даже Дамблдор не попрёт.

Крэбб и Гойл усердно кивали головами.

Пэнси повернулась к Драко вполоборота, чтобы показать себя с лучшего, по её мнению, ракурса. Девушка небрежно скинула с плеч форменную мантию с гербом своего факультета и осталась в весьма откровенном розовом платье из тонкого переливающегося шелка. Последнее время совам часто приходилось потеть, таская объемистые пакеты с одеждой из поместья Паркинсонов. Метаморфоза Пэнси не осталась незамеченной, и, пока девушка жеманно поправляла светлый локон, выбившийся из высокой затейливой прически, многие слизеринки вперили в нее кто — завистливые, а кто — насмешливые взгляды. Реакция парней была иной — многие смотрели на девушку с восхищением, остальные жепросто откровенно тарасились

Глава 2. Ночной костер.

в глубокий вырез платья. За лето Пэнси заметно постройнела и похорошела, чувства к Драко стали для нее серьезным стимулом к самосовершенствованию.

Медленно повернув голову, девушка посмотрела на парня из-под полуопущенных пушистых ресниц. Но Малфой, казалось, остался единственным человеком в гостиной Слизерина, не заметившим её манёвров. Он получал массу удовольствия, разыгрывая пренебрежение.

* * *

Следующим вечером Снейп прогуливался по окрестностям замка Тратить время впустую было не в его правилах. Профессор и в этот раз не отступил от них, поставив себе конкретные цели: проветрить мысли и наложить взыскание на шатающихся по территории нарушителей дисциплины, если они, конечно, не с его факультета. Но ни на берегу озера, ни возле Запретного леса учеников не было. Только Хагрид на огромном пне разделявал коровьи туши для очередных своих монстров. Слышались громкие удары топора и треск ломающихся костей. К общей какофонии примешивался еще и гимн Хогвартса, который Хагрид гнусаво напевал себе под нос. Профессор брезгливо поморщился и направился прочь, в сторону ворот, ведущих из замка, куда в начале учебного года привозили школьников запряжённые фэстралами кареты.

Выйдя за ворота, Снейп, не останавливаясь, свернул с дороги на уводящую в лес тропку, удаляясь от монотонного «тук-тук» и хагридова завывания. Жёлтые и красные листья, похрустывая, шелестели под ногами. Вечерняя прохлада приятно холодила разгоряченный быстрой ходьбой лоб. Тонкий аромат осенних листьев смешивался с запахом прошлогодней прелой листвы. Вместе с блаженной тишиной на душу снизошло умиротворение. Профессор замедлил шаг, любясь ажурной вязью древесных крон на фоне закатного неба. Легкие серебристо-серые перья облаков снизу подсвечивало алое сияние. Над ними сгущалась синева, а чуть ниже бушевало багряно-розовое великолепие. Снейп замер, покоренный магией самой природы. Черты мрачного лица мужчины разгладились, взгляд мечтательно затуманился.

Слабый запах дыма, уловленный чутким обонянием зельедела, разрушил все волшебство момента.словно большая черная охотничья собака, Снейп бесшумно последовал за тонкой струйкой, пока не заметил красный проблеск между деревьями. Заранее негодуя на происки гриффиндорцев, разозленный профессор, похожий в развевающейся мантии на разящего ангела смерти, бросился к крамольному пятнышку.

Между деревьями потрескивал небольшой костерок. Рядом, обхватив руками колени и склонив голову, сидела вчерашняя знакомая. На ней был тот же свитер и синие джинсы. Темные волосы были заплетены в косу. Она глубоко задумалась, глядя на танец огня, и не заметила его появления.

— Кажется, мисс, я предупреждал, чтобы вы здесь больше не появлялись.

Девушка встрепенулась и легко вспорхнула со своего места, как спугнутая пичужка.

— Здравствуйте, — её голос неуверенно дрогнул, и Снейпу почудилась в нём радость.

Будто не расслышав, он продолжал:

— Вы просто вынуждаете меня наложить заклятье.

Девушка неожиданно улыбнулась:

— Чем пугать, лучше бы рассказали мне что-нибудь о вас... ну... о волшебниках... пожалуйста!

Поражённый подобной наглостью, Снейп собрал весь свой сарказм и ядовито процедил:

— И что же конкретно вас интересует?

Не обращая ни малейшего внимания на тон собеседника, нарушительница спокойствия приняла вид глубокой задумчивости, и через секунду торжественно изрекла:

— Всё!

— И только-то? Да вы нахальнее гоблина.

Собеседница скромно пожала плечами, видимо приняв реплику профессора за комплимент.

— Хорошо, я согласна. Начните с гоблинов.

— Юная мисс...

— Да ладно, не такая уж я и юная!

Глаза профессора, не привыкшего к тому, чтобы его прерывали, метнули в негодаяку молнии. Но глупую маглу это только развеселило. Стараясь не обращать внимания, Снейп продолжал:

— ...Советую вам собрать вещи и утром отправляться домой. Хоть нашим студентам и запрещено здесь бывать, так как на лес не наложены маглоотталкивающие чары...

— Какие-какие?

— Послушайте, мисс! — гневно зашипел профессор. — Когда я говорю, меня нельзя перебивать!

— А сами — перебиваете!

Профессор задохнулся от подобной дерзости. Какого дьявола он теряет время на эту девчонку? С какой охотой он бы сейчас повторил номер паршивца Драко, чтобы сбить спесь с нахалки! Печальная проза жизни заключалась в том, что он не мог даже снять с нее баллы. Опустив веки, мастер зелий попытался успокоиться, иначе он бы просто голыми руками придушил наглую девушку.

— Простите меня, я больше не буду вас перебивать, — девушка шагнула ему навстречу, в голосе прозвучало почти неподдельное раскаяние, а виноватые глаза попытались встретиться со взглядом профессора.

Но слова женщины только сильнее разъярили Снейпа.

— У вас просто не будет такой возможности. Убирайтесь. Немедленно, — профессор достал из складок мантии палочку и сжал в руке так, что костяшки пальцев побелели. Его глаза со злостью глядели на маглу. А та, словно загипнотизированная, не отрываясь, следила за кончиком волшебной палочки, подрагивающей в пальцах колдуна. Девушка походила на кролика, следящего за движениями удава.

Страх в зрачках маглы привел Снейпа в чувство, он опомнился и спрятал палочку. Женщина, не говоря ни слова, принялась затапывать уже почти угасший костер. На лице появилось усталое и безразличное выражение, она сразу сделалась старше. Над бровями пролегла складка.

В груди у черствого профессора защемило: такое же лицо было у его матери после ссор с отцом. Спрятав волнение под маской невозмутимости, он продолжал незаметно наблюдать за сборами.

Загасив огонь, женщина так же, молча, стала выдергивать колышки от маленькой зеленой палатки, что стояла поодаль от костра. Её Снейп в опустившихся сумерках не заметил сразу.

— Вы, кажется, куда-то торопитесь?

Женщина выдернула стойку, и палатка бесформенной кучей повалилась на землю. Не дождавшись ответа на свой вопрос, профессор снова начал закипать:

— До утра вы никуда отсюда не уйдёте, слышите?

Магла равнодушно кивнула, расстелила на траве свою куртку, уселась на неё и, отвернувшись от колдуна, уставилась в неподвижную точку где-то перед собой.

— Разожгите костер, здесь чертовски холодно, — ворчливо бросил Снейп.

Женщина недоумённо покосилась на него.

— Вы не расслышали?

— Расслышала. Я же не глухая, — она достала из кармана спички и принялась строить на остывшей золе шаткое сооружение из тонких прутиков, наподобие шалаша.

Заметив, что мужчина с интересом наблюдает за её работой, магла, не удержавшись, едко спросила:

— А что, ваше колдовство годно только для того, чтобы людей пугать? Махнули бы своей дурацкой палочкой, сказали бы какое-нибудь «крибле-крабле-бумс», и на тебе — костер, а ещё лучше, не костер, а сразу какой-нибудь МакДональдс.

Профессор никогда не слышал о человеке с такой фамилией, поэтому решил, что речь идет о магле.

— Чтобы согреться, необязательно создавать костер. Существуют согревающие чары.

— И что же вы ими не воспользуетесь? Забыли? — женщину опять понесло, но Снейп не разозлился, ее манера поведения начала его забавлять.

— На память не жалуюсь. Пользоваться магией в присутствии людей, не знакомых с ней, запрещено.

Глаза женщины блеснули. Профессор, верно истолковав ее мысли, криво усмехнулся:

— Это не помешает мне в случае необходимости обойти закон.

Радость на лице собеседницы поблёкла. Она промолчала, не переставая хлопотать над кучкой хвороста. Слабый, неуверенный огонёк лизнул сухие ветки, ярко вспыхнул бумажный листок, положенный в основание шалашика, и пламя, весело треща, перебралось на сучья потолка. Убедившись, что с костром все в порядке, женщина придвинула свою куртку поближе к теплу, села и, обхватив колени, погрузилась в созерцание огненной пляски.

Глава 2. Ночной костер.

Профессору совсем не хотелось пачкать свою мантию, а потому он поднял с кучи вещей, рассыпанных у смятой палатки, что-то вроде потертого вишневого в черную клетку пледа, и вопросительно посмотрел на девушку. Та безразлично пожала плечами:

— Берите.

Зельедел сел напротив и, ничуть не смущаясь, принялся оценивающе разглядывать женщину. Поначалу она пыталась не обращать внимания, и Снейп забавлялся, наблюдая, как та старается скрыть свое раздражение. Наконец, девушка не выдержала:

— Ну? Чего уставились?

Губы мужчины тронула еле заметная улыбка, похоже, этот маленький реванш доставил ему удовольствие. Женщина смерила его презрительным взглядом и отвернулась. Угли в костре тихо потрескивали. Профессор растянулся на своем пледе, подперев голову руками, и обратил взгляд в ночное небо. Женщина недовольно на него покосилась, но Снейп это проигнорировал, сделав вид, что полностью поглощен наблюдением за звездами.

Огонь в костре начал затухать, и магла пошла за новой порцией дров. Вернувшись, она обнаружила колдуна в той же позе, самозабвенно любующегося темным небосводом. Он явно действовал ей на нервы. Девушка принялась с треском ломать принесенный хворост. Ветки потолще она переламывала об колени, пока не осталось несколько самых толстых сучьев, которые ни в какую не хотели поддаваться.

— Может, всё-таки поможете? — выдавила она, не скрывая раздражения.

Взгляд колдуна рассеянно скользнул по магле. Он не удостоил ее ответом. Женщина начала закипать:

— Вот что. Идите-ка вы отсюда сами! Вас никто не звал, — терпение не входило в число добродетелей незнакомки. — Не волнуйтесь, утром меня тут уже не будет.

Снейп насмешливо посмотрел на нее из-под полуопущенных век:

— Вот как? Вы меня уже гоните? А только что, кажется, просили рассказать про гоблинов.

— ...Да идите вы сами к гоблинам!

На губах мужчины заиграла самодовольная улыбка. Женщина одарила его огненным взглядом, способным переполошить взвод пожарных или прожечь дырку в оловянном котле. Только на профессора он, почему-то, не произвел должного впечатления. Женщина в сердцах треснула об колени самую толстую палку, бросила части в костер и сердито плюхнулась на свою куртку.

— ...Так вы все еще хотите узнать о гоблинах?

Незнакомка надула губы, но, подумав, согласилась:

— Давайте, рассказывайте.

...Они проговорили целый час. Помимо гоблинов, маглу интересовали тролли, русалки и курс фунта к галлеону.

Кроме того, она упрашивала Снейпа разрешить ей остаться в лесу, так как она еще не закончила свои наброски. Профессор сделал широкий жест — и уступил, без зазрения совести, так как, честно говоря, не имел никакого права выгонять её.

Наконец, девушка попрощалась, заметив, что уже поздно, и пора спать.

— Вы не боитесь ночевать в лесу одна? Особенно, после того, что случилось?

— Почему-то нет, — рассмеялась девушка. — Может, потому что вы неподалеку.

Она опустила глаза, смутившись собственными словами, отвернулась и занялась палаткой. Снейп постоял с минуту, развернулся и пошел прочь.

* * *

Северус Снейп сам не мог себе в этом сознаться, но он находил забавными эти встречи. Почти каждый вечер после отбоя он шёл в лес и находил костерок на прежнем месте. Они беседовали легко и непринужденно, разговор не касался личных тем. Снейп не рассказывал о своей жизни и не расспрашивал девушку о её. Говорил, в основном, он. А она слушала и задавала вопросы. Казалось, её любознательность неистощима. Её интересовали школьные предметы, магические заклинания, назначение различных зелий и другие подобные вещи. Порой она напоминала профессору маленькую любопытную девочку.

Её знания о магии были почерпнуты из детских сказок и магловских книг, поэтому, мягко говоря, не соответствовали действительности. Слушала она, раскрыв рот и затаив дыхание.

И, пожалуй, Снейпу это льстило.

Глава 3. Гриффиндорская тройца.

Children aren't happy with nothing to ignore,
And that's what parents were created for.

Ogden Nash

— Ну сколько можно заниматься ерундой?! — голос девушки звенел праведным негодованием, непослушная прядка упрямо норовила попасть в рот. — Вы же уже взрослые люди! И почему я должна вам каждый день напоминать делать домашнее задание?!

— Гермиона... — Рон устало приподнял лицо от шахматной доски. — Послушай... Не надо кричать... Ведёшь себя хуже моей мамы... Да постой, дай договорить...

Девушка возмущённо сверкнула глазами.

— Послушай, Гермиона. Мы уже взрослые. И нам надоело, что ты всё время нас отчитываешь, подгоняешь, попрекаешь... Давай будем общаться на равных, если ты понимаешь, о чём я.

Рон посмотрел в глаза подруге, и она неожиданно растерялась. «А он изменился, — подумала Гермиона. — Наверное, Рон прав. Я веду себя, как заботливая мамаша».

Парень истолковал её молчание, как затишье перед бурей, и решил смягчить впечатление:

— Во-первых, домашнее задание мы сделали, во-вторых, шахматы — это не ерунда, а, в-третьих, что ты читаешь?

— Я? А-а... это, — девушка положила книгу на стол. — Так, лёгкое чтение. «Амадеус Сальери. Волшебные сюрпризы для наших друзей».

Она резко тряхнула головой, каштановые пряди подпрыгнули и опустились на плечи в живописном беспорядке. Рыжеволосый парень невольно залюбовался. Заметив его внимание, Гермиона смутилась и покраснела. Глядя на Рона, она медленно произнесла:

— Рон, Гарри, вы правы...

Гарри недоумённо уставился на неё. А он-то тут причём? Но Гермиона оставила его реакцию незамеченной:

— ...Хватит уже нянчиться. Вам уже по шестнадцать лет. Больше вы от меня не услышите не единого напоминания. Но и списывать, разумеется, не дам.

Гарри пожал плечами: «Как будто, прошлый год давала...», но вслух ничего не сказал.

Его друг, озадаченный неожиданно легкой победой, отодвинул шахматы и подошёл к девушке:

— Гермиона... Ты не сердись? — тихо спросил Рон.

Было в его интонации нечто, что заставило Гарри почувствовать себя третьим лишним. Поняв, что Рон доигрывать не собирается, он убрал волшебные шахматы и отошёл в дальний угол гостиной, где несколько пятикурсников оживлённо обсуждали шансы разных команд на победу в Кубке Великобритании по квиддичу. Гарри стал рядом. Он слушал и даже вставлял замечания, хотя и чувствовал, что у него нет настроения болтать о квиддиче и, если быть честным, вообще нет настроения. Гарри бросил нетерпеливый взгляд в сторону камина, где двое его лучших друзей, позабыв про него, о чём-то увлечённо беседовали.

Наверное, Рон сказал что-то смешное, потому что Гермиона порозовела и мелодично рассмеялась. «Странно, раньше она смеялась по-другому... Какой же я осёл, они нравятся друг другу!.. Теперь будут гулять по коридорам под ручку, как Чжоу со своим теперешним ухажёром, целоваться за рыцарскими доспехами и вдвоём, без меня, ходить в Хогсмит...»

Гарри почувствовал себя очень одиноко, так, словно лучшие друзья его предали. Нет, он знал, конечно, что они ни в чём перед ним не виноваты, они по-прежнему его друзья... Но сердце отказывалось этому верить. Казалось неизбежным, что став ближе друг другу, они оба отдалятся от Гарри. Чего там! Уже отдалились — хихикают себе в уголке, о нём и забыли давно! «Что ж, не буду вам навязываться», — с внезапной злостью подумал Гарри, садясь за стол и демонстративно поворачиваясь спиной к Рону и Гермионе. «Почему жизнь ко мне так несправедлива? Сперва мама с папой... Потом житьё у этих чёртовых Дурслей, вроде и родственники — да только хуже чужих... Потом Сириус... А теперь и друзьям не нужен... Они были для меня самыми близкими людьми... Чёрт! Только не плачь!»

Гарри устало опустил веки и попытался прогнать назойливые мысли. Последнее время это давалось ему всё проще, в этом семестре с ним окклюменцией занимался не Снейп, а Дамблдор.

Глава 3. Гриффиндорская троица.

Гарри успокоился, но настроение не улучшилось. Чтоб занять себя, он раскрыл лежащую на столе папку. Видимо, Гермиона решила попробовать себя и в живописи. На желтоватых листах пергамента красовались карандашные наброски учителей. Снизу под изображениями стояли написанные рукой Гермионы фамилии преподавателей. Вытащив лист со Снейпом, Гарри, мстительно улыбнувшись, взял карандаш и принялся подрисовывать «любимому» преподавателю вампирские клыки. «Да, и шнобель тоже можно сделать побольше и позаковыристей...» Это невинная детская забава настолько увлекла парня, что он и не заметил, как злость на друзей бесследно улетучилась.

Закончив, он обнаружил, что Гермионы с Роном в гостиной нет, но не стал их искать, решив, что они предпочли уединиться. Все те нехорошие чувства, которые он уже, казалось, отогнал, нахлынули на парня с новой силой. Не желая поддаваться им, Гарри раскрыл толстый том в весёленькой жёлтой обложке, оставленный кем-то на столе. Книга оказалась та самая, о которой говорила Гермиона. «Амадеус Сальери. Волшебные сюрпризы для наших друзей». Открыв наугад где-то посередине, Гарри пробежал глазами по строчкам. «Похоже, этот Сальери не очень-то любил своих друзей... Так... „Блевательный торт“, — это бы заинтересовало близнецов Уизли. „Упоительное вино... достаточно употребить всего рюмку этого напитка, и выпивший весь остаток жизни не сможет обойтись без пары бутылок вина ежедневно“, — да... по-доброму. Кого бы так угостить, может, Снейпа? Представляю, вечно пьяный Снейп — звезда Хогвартса! Что тут ещё?... „Очаровательные глазки... дайте вашей знакомой умыться приготовленной по специальному рецепту водой, и её непримечательные дотолпе глаза станут неотличимы от яичницы-глазуньи, сохранив при этом свою функциональность“, — подброшу Пэнси Паркинсон на День Святого Валентина от имени Драко Малфоя... Хм, а это подошло бы самому Малфоя...»

— Гарри!

На пороге стоял Рон.

— Чего тебе? — голос Гарри резанул холодом.

— А что это ты сегодня такой... грубый?

— А что это ты сегодня такой нежный?

Вопрос прозвучал двусмысленно, и торчащие из-под рыжей шевелюры уши покраснели. Рон бросил на друга возмущённый взгляд и прогрохотал по лестнице в спальню. Гарри злорадствовал, но недолго, вход в гостиную приоткрылся снова, и туда заглянула Гермиона.

— Гарри, ты Рона не видел?

— А вы разве были не вместе?

— Нет. Он должен был пойти на отработку к Снейпу. Помнишь, он на уроке с Малфоем поругался... А я не могу весь вечер сидеть в гостиной, мне же нужно исполнять обязанности старосты...

Гарри дальше не слышал. Какой же он дурак! Забыл, что Снейп назначил Рону отработку!

— Гарри, стой! Ты куда?

Но Поттер уже мчался вверх по лестнице в спальню мальчиков.

— Рон! — Гарри осёкся, на него с удивлением смотрели три пары глаз: Невилл, Дин и Симус. Младший Уизли, сделав вид, что не заметил его появления, предпочёл любоваться пейзажем за окном.

— Рон, — уже тише сказал Гарри, подойдя к другу и беря его за руку. — Слушай, Рон, нам надо поговорить.

— Да? И о чём, интересно?! — крикнул Уизли, повернувшись к нему.

Гарри отшатнулся, увидев лицо друга таким покрасневшим и злым.

— Не ори ты так... Пойдём, спустимся вниз.

Так как Рон не двигался, упёршись как баран, Гарри повторил:

— Пошли, Рон, нам надо поговорить, — и потянул друга к выходу.

Уизли, мрачнее тучи, нехотя побрёл за ним.

* * *

— Ну? Чего? — нетерпеливо спросил Рон, разглядывая носки своих ботинок.

— Рон, прости меня. Я... Понимаешь, я совсем забыл, что ты пошёл к Снейпу... Я думал, вы вместе с Гермионой...

Рон с вызовом поглядел на Гарри.

— А что? Даже если б и с Гермионой? Нельзя?! Или надо у тебя разрешения спрашивать?!

Гарри еле сдерживался, чтобы опять не накричать.

— Ты же целовался с Чжоу, в Хогсмит с ней таскался!.. А я что? Не человек?! — Рон разошелся не на шутку.

Поттер покраснел не меньше Уизли, хотелось на всё плюнуть, наорать, бросить ему в лицо кучу гадостей, но усилием воли Гарри сдержал себя.

— Ты меня не понял... Конечно, ты можешь встречаться с Гермионой и с кем угодно, и никто тебе не может запретить... Просто, мне показалось... Пойми, Рон!.. Я решил, что вы теперь будете вдвоём, и я вам, вроде как, больше не нужен.

Уизли недоверчиво уставился на друга. Гарри не смотрел на него, очевидно, признание стоило ему большого труда.

— Но... Гарри!.. Не верю своим ушам... И как тебе такое в голову взбрело?! — злость прошла, осталось лишь искреннее недоумение. — Ну да, Гермиона мне нравится...

Тут он опять покраснел:

— Но дружба для меня важнее!

Гарри поднял, наконец, глаза на Рона.

— И для Герми тоже, — быстро добавил тот.

— Спасибо, Рон.

Гарри взял его руку и крепко пожал, улыбаясь. Стало бесконечно легко, словно с плеч свалилась гора размером с Монблан.

Рон тоже заулыбался, хотя и чувствовал себя не в своей тарелке. Ему было неловко от того, что Гарри мог подумать, будто любовные шуры-муры для него важнее дружбы. Да, Гермиона красивая и умная девушка, она ему нравится, но прежде всего — она его друг. «Прежде ли?» — мелькнула в рыжей голове мысль, но Рон оставил эту скользкую тему. Ему вновь хотелось завоевать доверие друга, доказать, что они с Гарри по-прежнему — «не разлей вода».

— Как отработка? Снейп сильно цеплялся? — поинтересовался Гарри.

— Нормально, дал задание, сам ушел. Через час пришел, проверил. Я сухих богомоллов тонну, наверно, истолок... А ты что делал?

— Вот. Читал.

Гарри протянул Рону раскрытую книгу. Тот залюбовался красочной иллюстрацией.

— Здорово! Классно!

— Мне тоже нравится.

— Вот бы Драко прищучить.

— И у меня была такая же мысль.

Парни переглянулись.

— За чем же дело стало?

— За мелочью, Рон. Не хочется на шестом курсе вылететь из школы.

Уизли помрачнел, но тут же воспрянул:

— А помнишь, как в поезде наши ребята из ОД отделали их?

— Угу. Было круто.

— Давай хоть прочитаем, какое нужно заклинание произносить, — попросил Рон. — Вдруг когда-нибудь пригодится.

— Против Упивающихся такие глупости точно не помогут.

— Ну, Гарри, теперь ты будешь вместо Гермионы нудеть? Ты раньше таким не был!

Гарри согласился. Он бы сейчас согласился на что угодно, лишь бы между ним и Роном всё было как прежде.

— ...Тут не так просто... надо еще использовать специальный порошок. «Щепотку порошка бросить в того, кого хотите заколдовать и одновременно произнести заклинание». Впрочем, тут написано, как его готовить. Ничего сложного, все ингредиенты доступные... Вот, тут еще нужны свежие поганки... Не проблема. Можно в лесу набрать.

— Может, хватит уже? Вспомни-ка встречи с братишкой Хагрида и кентаврами. Что-то меня туда не тянет.

— Ну...

— И ещё... чуть не забыл про паучков, — поддразнил Гарри.

Рон поежился от неприятных воспоминаний.

— Вокруг Хогсмита нормальный лес без всяких чудовищ. Можно пойти туда.

— Рон, ты забываешь, он за воротами. А нам нельзя выходить за территорию школы.

Глава 3. Гриффиндорская троица.

— А по дороге из Хогсмита? Мы можем просто чуть отойти от дороги и сразу же вернуться. Ну?

Рон заговорщицки подмигнул другу. Гарри сдался.

* * *

Поход в Хогсмит состоялся в субботу. Все было как обычно, за исключением того, что многие старшекурсники разбились по парам. Рон им немного завидовал, но твёрдо решил не бросать друга одного, а Гермиону, вопреки его опасениям, такая расстановка тоже вполне устраивала. Когда мимо неразлучной троицы продефилировала Джинни Уизли под ручку с Дином Томасом (правда, заметив брата, она немного смутилась), Рон даже обеспокоился тем, что Гермиона не потащила его в какое-нибудь кафе, как поступили со своими кавалерами Парвати и Лаванда.

Побродив по всем деревенским магазинам и просидев в «Трёх мётлах» не менее часа, приятели занервничали. Им надо было как-то избавиться от Гермионы. Хоть ничего противозаконного они и не собирались делать, просто свернуть на два шага с дороги, только и всего, но чутье подсказывало, что с подружкой будут проблемы. Лучше ей об их планах, всё-таки, не знать.

Ребята безуспешно пытались что-нибудь придумать, пока судьба, наконец, не сжалилась, послав им подарок в лице Луны Лавгуд. Она приближалась к их столику, удивлённо вытаращившись на Гарри, словно ничего интереснее в жизни не видела. Это был редкий случай, когда Рон обрадовался её появлению. Сам он считал Лавгуд невыносимой чудачкой, хотя признавал, что в прошлом году она вела себя храбро, Гермиона, в общем, была с ним солидарна, но вот Гарри, похоже, питал к студентке Равенкло некоторую слабость. Нет, конечно, нет! Гарри не влюбился в неё! Может, он её жалел? Во всяком случае, он никогда не проявлял признаков нетерпения или раздражения, слушая её нелепые бредни.

Луна как-то странно, как в замедленной съемке, опустилась на свободное сиденье, так и не сводя глаз с бедного Гарри, который, ерзая на своем стуле, покрывался пунцовыми пятнами. Гермиона нарушила нелепое молчание, поздравившись с ней.

— Привет, — тут же ответила Лавгуд, не прекращая разглядывать Поттера. «Можно подумать, что он какая-нибудь бряка кальблямская или зюзя бурмфлюкская», — подумал Рон и фыркнув, приложился к бутылке с пивом, чтобы не рассмеяться.

Всё-таки, разговор, в основном стараниями Гермионы, удалось наладить. Рон постоянно посматривал на часы. Наконец, когда пришло время возвращаться, и компания поднялась со своих мест, Рон «вспомнил», что ему позарез нужно новое перо. Гермиона недоумённо уставилась на него, но Гарри, не давая ей опомниться, сказал, что они с Роном по-быстрому сбегают в лавку, а девушки пусть возвращаются в замок, они догонят их по дороге. Луна Лавгуд равнодушно пожала плечами и взяла Грейнджер за руку. Но Гермиона так просто не сдавалась. Она собиралась что-то возразить, например, что все лавки уже закрыты, когда Рон Уизли, наклонившись, чмокнул её в щёку. Смутившись, оба покраснели. Гарри воспользовался возникшей паузой и потянул друга за собой.

Выскочив на улицу, они с Роном спрятались за угол и подождали, пока девушки выйдут из трактира и удалятся на достаточное расстояние. Убедившись, что дорога пуста, друзья направились в сторону замка.

Короткий осенний день кончился. Было уже около девяти вечера. Полная луна давала достаточно света. На дороге было пустынно. Слышно, как ухают совы. Мальчишки отошли довольно далеко от деревни, когда Рон, весело рассмеявшись, легко побежал по дороге. Гарри припустил за ним. Здорово! Бегать, пиная опавшие листья, словно им снова по одиннадцать лет! И никаких чудовищ, никакого Снейпа, никакого Волдеморта! Как хорошо! Словно все беды и печали вобрал в себя обдувающий лицо ветер, а хрустящая под их молодыми сильными ногами листва согласилась принять на себя всё мировое зло... Они едва вспомнили, зачем оказались здесь.

Друзья уже готовы были плюнуть на свою затею, но какое-то дурацкое упрямство им помешало. К тому же Гарри представил себе, как отнёсся бы Сириус к тому, что крестник боится на шаг отступить от дороги. «Твой отец радовался бы риску!» ...Странно, почему же он, Гарри, чем дальше, тем меньше радуется этому самому риску?

Решительно свернув, Гарри показал пример Рону, и они шагнули под тёмные своды. В лесу было совсем темно, лунный свет почти не доходил до земли, и его, в любом случае, было бы недостаточно. Осветив себе путь волшебными палочками, мальчики последовали дальше.

Как назло, никаких грибов не попадалось, может, их не было, а, может, они прятались от ребят. В этой игре мрака, теней и полутеней было возможно всё. Но, зайдя так далеко, поворачивать сейчас, с пустыми руками, не имело смысла. Оценив упорство юношей, духи леса, а может их собственные ноги, наконец, вывели Гарри и Рона на поляну, сплошь усеянную разнокалиберными поганками. Наполнив карманы мантий, приятели развернулись и поспешили обратно.

* * *

Друзья торопились, они боялись не успеть в Хогвартс до отбоя. Темнота мешала, не спасал даже серебряный свет, лившийся из палочек. Парни то и дело спотыкались о валяющиеся на пути коряги и торчащие из земли корни. Рон и Гарри не ожидали в лесу никого встретить, единственной грозившей им опасностью казалось опоздание, поэтому, не думая об осторожности, они не обращали внимания на производимый ими шум. Лес стал редеть, идти стало проще, приятели припустили быстрее. Сухие ветки громко трещали под ногами, и шуршала опавшая листва. Неожиданно Рон вылетел из-за деревьев прямо под ноги преподавателю зельеварения. Гарри успел вовремя затормозить, но вышел из своего укрытия, не желая оставлять приятеля одного. Ему показалось, что за березами скрылась женская фигура. Мелькнули и исчезли тёмные волосы. Но, может, ему померещилось?

Снейп был ужасен. Лицо исказилось от ярости:

— Уизли! Поттер!! Что вы делаете за пределами школы?! Вы в курсе, что это грозит вам исключением?

Сердце Гарри упало ниже пяток.

— Мы... шли из Хогсмита, — нашёлся Рон.

— И заблудились? — улыбка профессора испугала бы даже Волдеморта.

— Полагаю, Грейнджер прячется за кустами? — голос сочился ядом.

— Нет, профессор, — вступился Поттер за подругу. — Нас здесь только двое.

Очевидно, не поверив ему, Снейп принялся обыскивать окрестности. Гарри равнодушно пожал плечами. Что ж... значит, исключение из школы. Однажды ему удалось отвертеться. Но Снейп не из тех, кто прощает. Обидно, что исключают из-за такой ерунды... Дались же им эти дурацкие поганки!

Гарри взглянул на Рона. Тот застыл неподвижно. В глазах читалась обречённость. Гарри тактично отвернулся. Его охватила волна сочувствия к другу. Но противный тоненький голосок внутри напомнил, что Рон, вылетев из школы, останется жить в мире волшебников. Может, примкнёт к бизнесу близнецов... А ему, Гарри, до совершеннолетия придется жить у Дурслей... Гарри живо представил себе эту перспективу, и ему стало дурно. Не желая обнаруживать перед Снейпом свою слабость, Гарри стал разглядывать землю под ногами. И удивился, обнаружив остатки затушенного костра. Зачем Снейпу костёр, когда у него есть волшебная палочка? И вообще, что профессору в такое время делать в лесу?

Из-за деревьев снова возник Снейп. Гарри его уже не боялся. Ну что тот ещё может ему сделать, помимо исключения из Хогвартса? Слова профессора дошли до него не сразу.

— По двадцать баллов с каждого. И немедленно в замок!

«Как? Выходит, они остаются в школе? Что это со Снейпом? Не воспользовался таким шансом! Мог бы навсегда избавиться от меня. Может, это из-за Ордена Феникса?» Гарри взглянул на профессора, но тут же отвёл глаза. С такой ненавистью не смотрел на него даже дядя Вернон.

Смысл преподавательских слов дошел и до Рона. Он порывисто кинулся прочь, обернулся:

— Простите, профессор Снейп... Мы больше никогда...

— Вон!!! — зарычал Снейп.

Мальчишки рванули так, будто их преследовал десяток соплохвостов, венгерская хвосторога и пара разгневанных Гермион.

Глава 4. Белый конверт.

— Дура! — мне внуки на урне напишут.
И повторяю, упрямо и слабо:
Не успокоюсь, пока не увижу,
Не успокоюсь, пока не услышу.

М. Цветаева

Мне стало страшно жизнь отжить —
И с дерева, как лист, отпрыгнуть,
И ничего не полюбить,
И безымянным камнем кануть...

О. Мандельштам

Северус Снейп сидел, откинув голову на спинку высокого обитого чёрным бархатом кресла. Тусклые черные волосы упали на лицо. Узкие белые пальцы рассеянно поглаживали кожаный с позолотой переплёт древнего фолианта.

«Опять чертов Поттер!» Профессор не был уверен, что Джеймсов выродок не заметил его собеседницу. Что-то такое мелькнуло в глазах этого паршивца, когда он вывалился из-за деревьев... Хорошо хоть, что эти бараны шумели на весь лес, и он успел затоптать костер. Да, Поттер потерял бы дар речи, увидь он, как ненавистный учитель мило беседует с маглой. Снейп с сожалением посмотрел на испорченные ботинки. Какой же он кретин! Не подумал воспользоваться палочкой!

Снейп решил прекратить ночные встречи, удивляясь, как он вообще мог себе такое позволить... «А если Поттер кому-нибудь расскажет?.. Тогда... мало кто разбирается в ядах лучше меня. И всё будет выглядеть как воспаление лёгких или тяжёлая форма дизентерии. То-то Лорд обрадуется». Профессор злорадно ухмыльнулся. «Хотя нет... не расскажет, разве что, Уизли и Грейнджер».

* * *

На следующие сутки женщина напрасно прождала половину ночи. Назавтра она опять развела костёр на привычном месте, догадавшись уже, что колдун не придёт. Так и случилось. Женщина пустыми глазами следила за потухающим костром. Почему так холодно? Она сидела, съевшись, плотно завернувшись в куртку, но холод пробирал до костей. «Кажется, мой уик-энд чересчур затянулся», — безразлично подумала она. Внутри было так же: холодно и пусто. «Как в пустом холодильнике», — подумалось ей. Словно во сне, она поднялась и затоптала костёр.

* * *

Вернувшись в город, Джоан окунулась в привычные заботы. Ненужные мысли от себя гнала. Но ночью... О! Ночью они брали реванш. Каждую ночь ей снились длинная мантия цвета ночи, бледное узкое лицо, чёрные бездонные глаза, насмешливые губы и бархатный голос. Утром наваждение исчезало, и Джоан спешила на службу. На работе навязчивые мысли и желания вновь завладевали ей. Пытаясь как-то с ними бороться, Джоан придумывала себе миллион занятий, суетливо металась от одного дела к другому, хваталась за несколько сразу. В итоге всё получалось из рук вон плохо. Начальница ругалась, обед пригорал, пакет с покупками лопался на перекрестке, и она судорожно подбирала рассыпанные свёртки под истеричный вой автомобильных гудков.

Неделя пролетела, как в дыму. Джоан уже начала приходить к выводу, что всё случившееся было наваждением, когда обнаружила себя сидящей за кухонным столом перед листком бумаги и нервно грызущей кончик ручки. Удивлённо проведя взглядом по белой странице, Джоан прочла: «Не знаю, увидите ли Вы моё письмо. Но мне необходимо, чтобы Вы знали...»

* * *

Гарри и Рон решили ничего не рассказывать Гермионе о своей стычке со Снейпом, справедливо полагая, что она придёт в ярость. Чтоб от их лесной прогулки был хоть какой-то

толк, они решили сами приготовить порошок по рецепту из книжки. Это оказалось несложно. Пришли в туалет Плаксы Миртл (она была счастлива увидеть Гарри). Там истолкли все ингредиенты и смешали в нужной пропорции. Гарри даже понравилась такая работа, может, потому, что преподаватель зельеварения не стоял над душой.

* * *

Северус Снейп мерил шагами учительскую. С любовью начищенный трудолюбивыми эльфами паркет жалобно скрипел под его новыми ботинками. На столах возвышались горы скрученных пергаментов, исписанных разными почерками — сданные на проверку работы учеников. Уроки давно закончились, студенты вернулись с ужина, и в пустой учительской, кроме него, никого не было. В очередной раз проходя мимо окна, он заметил внизу какое-то движение. Две длинные неясные тени метнулись по траве и пропали во тьме. «Поттер и Уизли? Сейчас они у меня попляшут!» Снейп стрелой вылетел из замка и застыл, зорко выглядывая нарушителей, как коршун добычу. Струющаяся за спиной мантия хлопала на ветру и придавала ему сходство с огромной летучей мышью.

Со стороны Запретного Леса прозвучал надрывный протяжный вой. Ночь еще не настала, но было очень темно из-за плотных черных туч, затянувших небо. Снейп быстро зашагал к Запретному лесу. Ему показалось, что тени скрылись в той стороне. Снова раздался вой. В этот раз он звучал еще тоскливее и жутче. «Этим болванам, наверно, жить надоело!» Снейп вошел под лесные своды. «Люмос!» Внимательно озираясь, он последовал в чащу.

* * *

Возвратился он через пару часов, грязно ругаясь и злее черта. На мантии остались следы от чьих-то клыков. «Неужели из-за этого кретина Поттера я ночью шарюсь где попало?!» Скрипнув зубами от ярости, он пошел почему-то не в сторону замка, а к воротам. Снейп удивился, обнаружив, что ноги сами привели его на знакомую поляну. Огляделся. Ну, разумеется, никого. Пусто. Холодно. А когда-то очень давно, в другой жизни, здесь весело потрескивал костерок, женщина слушала мужчину, им было друг с другом тепло и интересно... Темные силуэты деревьев, ветер, воющий в кронах... Как пусто и холодно... Что они нашли в этом месте? Разве что друг друга... Нашли, чтобы потерять... Какие глупости! Он, Северус Снейп, и подобный бред? Никогда!

...Зачем он вернулся сюда? Нелепая причуда. Он сейчас уйдет. Навсегда. Только посмотрит еще раз. Последний. Чтобы запомнить.

На конце палочки зажегся огонек. Белое холодное сияние осветило поляну, и маг заметил бумажный конверт, каким пользуются маглы. В груди что-то предательски радостно подпрыгнуло. Он знал, от кого этот конверт.

* * *

«Не знаю, увидите ли Вы моё письмо. Но мне необходимо, чтобы Вы знали... Моя жизнь была такая серая... Я не могу припомнить и трёх хоть сколько-нибудь счастливых эпизодов. Родителей своих я давно потеряла. Друзей у меня никогда не было. Я всегда одна. Может, я одиночка, и всё так и должно быть? Не знаю. Знаю только, что мне без Вас пусто и холодно. Наверно, это прозвучит банально, но встреча с Вами — самое яркое и светлое, что у меня было. Когда мы встретились во второй раз — я нарочно ждала Вас — уже тогда Вы могли понять, что я Вас люблю. Каждый раз, когда мы с Вами прощались, моя душа замирала от тоски. Я боялась, что Вы не придёте, и я никогда Вас больше не увижу. А потом Вы не пришли. И не пришли на другой день. Тогда я поняла, что Вы не придёте никогда. Раньше мне казалось, я знаю, что такое холод и пустота. Нет. Не знала. По-настоящему я узнала это только сейчас. Я даже не знаю Вашего имени. А Вы не знаете моего. Каждый день я буду стараться забыть... Впрочем, это не важно... Я вовсе не это хотела сказать... Вы, любимый мой... Знайте: в моей жизни не было ничего лучше Вас».

* * *

«Это бред. Похоже, у девушки воспаление мозга...» Профессор сидел в глубоком мягком кресле, удобно вытянув длинные ноги. Письмо, брошенное, валялось на тёмно-красном, длинного ворса ковре. Пальцы потянулись к листку, глаза в десятый раз пробежали по строчкам. «Нет. Это

Глава 4. Белый конверт.

просто глупая девчонка. Думает, что в ее жизни не хватает волшебства, и я ей могу его дать». Он разозлился. «О! Она не там ищет! Локхарт — вот кто мог бы стать ее героем!» Профессор стремительно встал и подошел к окну. Черная непроглядная мгла. Один шаг — и угол зрения сместился, стекло отразило огонь, пляшущий в камине. Тьма с той стороны плотно облепила окно, тщетно пытаясь загасить огненный танец. Злость ушла, уступив место горечи. Никто, никогда, кроме давно умершей матери, не любил его. У Северуса Снейпа не было друзей. Он слыл неприятным человеком. Да что там, он и был им. В школе молодого Снейпа не один ученик не смог бы назвать своим другом. Неудивительно. Ведь он ко всем относился с презрением. Он и Упивающимся Смертью стал во многом от желания быть причастным к некоей общности, слишком устав от изоляции и одиночества. И от насмешек. К тому же он пламенно ненавидел своих школьных врагов. Эта ненависть должна была выплеснуться. Она искала выхода. Он никогда не забудет унижений, которым подвергали его Поттер и Блэк. Подростком, в мыслях он сотни раз убивал их, мучил тысячу пыток. Это и их вина, что он стал Упивающимся. Обратный путь был заказан — только смерть. У Волдеморта нельзя было попросить отпуск или уволиться по собственному желанию. Регулус Блэк, брат Сириуса Блэка, пошел на попятный и был убит. Снейп был умнее. Он предал Темного Лорда, став шпионом Альбуса Дамблдора. Ему пришлось овладеть окклюменцией — наукой скрывать чувства и воспоминания. Отныне его путь вел по краю пропасти. Одна ничтожная ошибка — и смерть. Кто виноват, что он оказался в аду, кого благодарить за то, что нормальной жизни у него не было, нет и не будет? Четверку проклятых гриффиндорцев. Поттер, Блэк, Люпин, Петтигрю. Хотя последний — полное ничтожество. Он даже ненависти не заслужил, только презрение. Трех остальных Снейп продолжал истово ненавидеть до сих пор. Хоть прошло уже много лет. Хоть сражались они теперь на одной стороне. Хоть двое из них были уже мертвы.

Снейп подумал о Гарри, сыне Джеймса Поттера. Копия отца, словно судьба нарочно издевается над Северусом Снейпом. Уже шестой год он вынужден терпеть рядом с собой этого мальчишку. КАК все с ним носятся! О, Мерлин! Делов-то, заклатье Темного Лорда, отразившись по неизвестной причине от чугунного лба мальчишки, ударило по нему самому. Зато Поттер теперь герой! Его отцу всё давалось легко, теперь же эта проклятая лёгкость у его сына. Он знаменит, окружен друзьями, при том легкомыслен и беспечен. Когда все вокруг пытаются хоть как-то защитить его никчемную жизнь, он постоянно ищет и находит приключения на свою задницу. Скорей бы уже Поттер закончил школу, чтобы никогда больше не мозолил глаза!

Отблеск пламени на стекле напоминал о другом огне, танцевавшем на лесной полянке. ...А если бы они говорили не о ерунде? Что, если бы он рассказал ей, как его достала эта жизнь? Всё время рисковать шкурой и играть чью-то роль... Он ненавидит школу! Ненавидит свою работу! Он здесь только потому, что будучи преподавателем Хогвартса, может, не вызывая подозрений, быть под рукой у Дамблдора... Каждый год он подает заявку директору с просьбой предоставить ему место преподавателя защиты от темных сил. Единственно потому, что эта должность заколдована так, что никто не может на ней удержаться дольше года. Один, последний год, он бы еще как-нибудь вытерпел. Дамблдор с завидной регулярностью отказывает. «Еще бы! Ему ведь известны все мои мотивы!» ...Вместо этого он мог бы полностью посвятить себя науке... Или просто жениться и обзавестись выводком детей, как Артур Уизли...

Последняя мысль показалась профессору настолько забавной и нелепой, что градус его настроения несколько повысился.

* * *

Минуло еще несколько дней. Листья покинули свои ветки и бестолково жались к земле в тщетной надежде согреться. Северус Снейп всё чаще уличал себя в крамольных мыслях. Память упрямо возвращала его к потрескивающему костру, к добрым карим глазам, к чуть печальной улыбке розовых полных губ. Северус не помнил содержания бесед, но неожиданно перед его глазами возникало выражение лица, поворот головы, короткий жест. Всё это почему-то наполнялось светом и смыслом, становилось близким, своим, больше ничьим. Иногда накатывало, и посреди урока хотелось бежать туда, в лес, но он оставался на месте, внешне холодный и невозмутимый, и, как всегда, саркастичный.

...В который раз он уже перечитывает это письмо! Эта женщина может сделать его уязвимым. Надо перестать о ней думать. Контролировать свой мозг. Да, и она — магга. Когда-то это значило для Снейпа очень много, тогда это слово звучало как оскорбление, как ярлык для обитателей гетто. Но он изменился, во многом благодаря Дамблдору. В нем уже не было презрения к маггам,

скорее интерес. Не такой примитивный, как у старшего Уизли. Северус Снейп отдавал должное (не вслух, конечно же) их изобретательности и умел пользоваться многими полезными магловскими штучками. Снейпу претила любая ограниченность. Он принимал всё, что приносило пользу, будь то сделано маглами, магами или самим Тёмным Лордом. Для нынешнего Снейпа «магла» означало только то, что он, будучи в глазах Волдеморта и его слуг Упивающимся, не может иметь с ней ничего общего.

* * *

Пронзительный женский крик захлебнулся и перешел в тихие всхлипы, заглушенные громким отвратительно грубым хохотом. Это Крэбб, Гойл и Малфой. Господи, они опять схватили ЕЁ! «Круцио!!!» И парни, корчась от боли, катаются по земле. Воздух сотрясается от их воплей, лица перекошены от нечеловеческой муки.

Северус подходит к бледной, дрожащей от потрясения девушке, и набрасывает ей на плечи свою мантию. Мягкая тяжелая ткань обнимает ее тело. Тонкие белые руки простираются к нему. Лунный свет струится из пальцев. Она закрывает лицо. Видны только глаза. Карие, широко открытые, они еще полны расширившего зрачки пережитого ужаса. Черные мокрые ресницы беспомощно трепещут, сверкая алмазами слёз. Эти глаза всё ближе и ближе. Они заслонили собой небо, вобрав в себя весь мир, всю жизнь, прошлое и будущее. Они стали настоящим, единственно реальным и уникальным в своей единственности. Бытие споткнулось и остановилось. Время перестало течь и разлилось бесконечной гладью, отразив ее глаза. Северус окунулся в них и перестал существовать. Отныне он мог только резонировать с ее чувствами. Страх, боль, отчаяние, надежда... любовь... Ее лицо было в дюйме от его лица. Его дыхание стало частым и горячим, она, казалось, совсем перестала дышать. Северус медленно, словно двигаясь под водой, протянул руки и бережно, едва касаясь ее тела подушечками пальцев, обнял за плечи. Ему казалось, что волшебство вот-вот рассеется, и девушка растворится в воздухе, как лёгкая туманная дымка. Но она не исчезла, только прерывисто вздохнула. Северус притянул её к себе. Боже, как холодно было её тело... Его сердце колотилось как безумное у горла, перебивая дыхание, в ушах шумело, он весь дрожал. Никого, никогда ТАК не желал. Никогда, никого ТАК не любил. Никого, никогда ТАК не боялся потерять. Он приблизил свои губы к её...

Видение исчезло. Северус Снейп раскрыл глаза и увидел темный бархат балдахина над своей кроватью. Это был сон.

Глава 5. Утренняя газета.

Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы
ваши приметы.

...Легче камень поднять, чем имя твоё
повторить.

О. Мандельштам

...Просто лишь нерастраченной нежности
Слишком много, так много во мне...

С. Крылов

В Большом Зале Хогвартса шел завтрак. За четырьмя длинными факультетскими столами шумели ученики, сметая всё, что на тарелках, и параллельно успевая обсудить свежие новости и сплетни. За столом преподавателей всё происходило куда более чинно, но по тому же принципу.

Мэри Сьюлидж, новая преподавательница защиты от темных искусств, прилагала неимоверные усилия, чтобы подавить зевоту. Длинный полированный ноготь машинально выстукивал по столешнице печальную мелодию. Недавняя выпускница Бобатона, смуглая длинноногая блондинка, она откровенно скучала в обществе пожилых профессоров и чопорных английских леди. Самому молодому из хогвартских мужчин было уже под сорок, и он не вызывал у красавицы ничего, кроме неприязни. «Да разве может кому-то понравиться этот противный, тощий, крючконосый тип с сальными волосами и желтой кожей? Бог с ней, с внешностью, один характер только чего стоит!.. А чем здесь кормят? Яйца, бекон, картофель, овсянка и дурацкий тыквенный сок! В Бобатоне все было куда изысканней... А как здесь одеваются? Все дети в одинаковых черных мантиях. Никакой свободы самовыражения! А учителя? Про Снейпа вообще молчу, с его внешностью да манерой одеваться только детей пугать. В чем он, кстати, весьма и весьма преуспел. Но хогвартские дамы, ну хоть они-то могли бы подать девочкам пример, как должна выглядеть настоящая женщина! Куда им! Профессор Росток — ужасная грязнуля, вечно под ногтями у нее земля. А одевается она в кошмарную бурую мантию. В ней и на грядах копаются, и на завтрак выходит. Вектор — я думала, такие синие чулки только в книгах встречаются, так нет же, нате вам — живой экземпляр. А МакГонагалл... жутко неприятная дама и, к тому же, умная, что делает ее еще неприятней». Мэри хмуро поглядела на ломтик бекона в своей тарелке и с видом христианской мученицы отправила его в рот.

Остальные преподаватели пребывали в счастливом неведении о нелестных характеристиках, которые дала им новая коллега. Альбус Дамблдор, смакуя десерт, развлекал Минерву МакГонагалл бородатыми, как он сам, анекдотами. Профессор Вектор шушукалась о чем-то с профессором Синистрой, а маленький профессор Флитвик, шурша разложенной на коленях газетой, вслепую тыкал вилкой по пустой тарелке.

— Вы только посмотрите, какое безобразие! — возмущенно пискнул он и оглянулся по сторонам, ища одобрения. Так как его соседка справа, Сивилла Трелони, сидела с отсутствующим видом, устремив взор на потолок, Флитвик протянул газету сидевшему слева Снейпу.

— Вот, статья: «Хулиганство или преступление?» Здесь говорится о наших студентах.

Снейп неохотно начал читать. По мере того, как его глаза пробежали строку за строкой, лицо бледнело, всё больше и больше напоминая Кровавого Барона, ужас слизеринских подземелий. «...Уважаемая жительница Хогсмита, известная как хозяйка трактира „Три метлы“, мадам Розмерта Мелье сообщила нашему корреспонденту об инциденте, случившемся недалеко от Хогсмита в субботу вечером. „У нас было много посетителей, пришло немало и Хогвартских студентов. Деньёк выдался тяжелый. Как молодёжь начала расходиться, меня за стойкой сменил муж, а я решила немного пойти прогуляться. А то, знаете, в трактире душновато, а погода была хорошая, редкий солнечный деньёк. Отошла порядочно. Вдруг слышу: визг, крики. Схватила палочку, побежала — вижу: парни разбегаются, а на земле кто-то лежит. Я подошла, посмотрела. Это была девушка, одетая как магла. И, судя по виду, её мучили заклятием Круциатус...“ Сейчас девушка проходит курс реабилитации в больнице Святого Мунго... Представитель министерства

магии Персиваль Уизли заявил нашему корреспонденту, что виновные будут наказаны по всей строгости закона. Сейчас ведётся следствие. Предположительно, виновники — учащиеся школы магии и чародейства Хогвартс. Директор школы Альбус Дамблдор пообещал, что окажет следствию всестороннюю поддержку...»

* * *

В кабинете директора разговаривали двое. Один из них, декан факультета Слизерин, был чем-то встревожен, но не хотел это показать. Другой, старик с длинными серебристыми волосами, был задумчив и отстранён, словно сопоставлял в уме какие-то факты.

— ...Вообще-то, Северус, я сам хотел сегодня этим заняться.

— Директор, уже вся школа гудит о том, что это были слизеринцы. Мне необходимо лично в этом разобраться. Тем более, если речь, и правда, идет о моих студентах.

— Хорошо, Северус. Представители министерства будут в больнице в четыре часа пополудни, думаю, будет лучше, если вы окажетесь там раньше них.

Альбус Дамблдор почему-то печально вздохнул.

— Вы знаете, Северус, я не сторонник суровых мер, но, в данном случае, мне очень жаль, что преступники окажутся безнаказанными.

Профессор недоуменно посмотрел на директора. С чего он взял, «что преступники окажутся безнаказанными»? Но Альбус Дамблдор, поправив очки, углубился в изучение весьма объёмистого манускрипта, и Снейп счёл разговор законченным.

* * *

В больницу Снейп перенёсся, воспользовавшись камином, сразу после урока у Хаффлафа и Равенкло. Полная добродушная целительница хлопотала у постели больной. Других пациентов в палате не было — министерство позаботилось о том, чтоб магла лишний раз не контактировала с волшебниками.

— Мне необходимо узнать у пострадавшей...мисс...

— Димпл, — подсказала толстуха.

— ...Обстоятельства происшедшего. Полагаю, она сможет описать нападавших?

— О, да. Она уже пришла в сознание. Но, может, вы подождёте представителя министерства? Он скоро должен появиться.

— Я бы с радостью, но тороплюсь. В школе очень много дел.

— Понимаю, — закивала целительница.

Она замаялась в дверях, ожидая, что Снейп предложит ей присутствовать при разговоре, глаза источали любопытство. Но мужчина только прохладно поблагодарил и отвернулся. Дверь за целительницей медленно и с неохотой закрылась.

Оставшись наедине с молодой женщиной, Северус Снейп ощутил непривычную неловкость. Она же казалась абсолютно спокойной, и только во внимательном взгляде читалось ожидание. Снейп опустил на стул рядом с кроватью и, не в силах начать разговор, принялся разглядывать её лицо.

— Для жертвы нападения вы выглядите совсем неплохо.

— Не поняла. Это комплимент? Или вы находите меня недостаточно потрёпанной?

— Не надо было вам возвращаться...

— Я искала вас.

Профессор ответил не сразу.

— Зачем? — тихий голос чуть дрогнул.

Женщина быстро опустила ресницы.

— Вы... вы ведь прочли моё письмо?.. Его не оказалось на месте... И я решила...

— Да, прочёл, — голос мужчины прозвучал глухо.

— Тогда вы не должны ни о чём спрашивать! — она почти выкрикнула это.

Мужчина не ответил, только во взгляде мелькнула боль.

Минуты текли в давящей тишине. Наконец, Снейп первым нарушил молчание.

— Вы должны рассказать мне, что случилось, и описать нападавших.

Девушка отвечала тихо и безразлично, словно предшествующий эмоциональный взрыв отнял у неё все силы.

— Нечего рассказывать. Я опять потащила в тот самый лес. Натолкнулась на тех самых троих парней. Они обрадовались, — девушка горько усмехнулась. — Тот, что поменьше, сказал

остальным, что покажет им кое-что интересное. Потом он направил на меня палочку и сказал что-то непонятное... Ну... и мне стало очень больно, и я упала... Кажется, я громко кричала... А потом я уже ничего не помню. Очнулась уже в этой комнате...

Девушка подняла глаза на мужчину и осеклась. В его глазах бушевала ярость, тонкие губы до боли сжаты, костяшки пальцев, вцепившихся в стул, побелели. Снейп прошептал:

— Это Малфой, Крэбб и Гойл... Почему я не могу придушить их собственными руками?..

Маленькая женская ручка коснулась пальцев мужчины. Они разжались, выпустив многострадальный стул. Напряжение ушло.

— Моё имя Джоан. Джоан Димпл.

Мужчина накрыл другой ладонью маленькую ручку.

— Меня зовут Северус... Северус Снейп.

Рука Джоан удобно устроилась в уютном домике из двух тёплых мужских ладоней. Она прикрыла глаза, наслаждаясь минутой. Время будто остановилось.

Вдруг мужчина шевельнулся, и она поняла, что он сейчас уйдёт. Пальцы её судорожно обхватили его руку, но тотчас разжались.

— Мне, правда, пора...

— Да, конечно... — ее голоса почти не было слышно.

Снейп направился к двери.

— Не уходи... пожалуйста...

Мужчина резко обернулся. Тонкие белые руки взметнулись к нему, влажные ресницы трепетали, как крылья ночной бабочки. «Как в моём сне», — пронеслась мысль.

Нежность, все эти долгие суровые годы прятаясь на дне его темной души. Нежность, о которой не догадывались не только окружающие, но и сам профессор. Нежность тяжелой волной прорвала плотину и захлестнула Северуса Снейпа.

Секунда, и он уже обнимал теплое, податливое тело, поцелуями осушал влагу с тёмных ресниц. Звук приближающихся шагов за дверью заставил его отстраниться от Джоан.

— Будь я колдуньей, я бы сделала так, чтобы ты никогда больше меня не покидал.

Вместо ответа он поцеловал губы девушки.

Глава 6. Месть слизеринца.

...Война — дело молодых,
Лекарство против морщин.

В. Цой

Двое мужчин: один в чёрной, другой в малиновой мантии прогуливались по внутреннему двору замка. Погода была безобразная, школьники попрятались от холода за толстыми надёжными стенами своих гостиных. Никто не мешал двоим разговаривать.

— ...Да, директор, как ни жаль, это, действительно, были наши студенты. Для меня лично это вдвойне неприятно, так как речь идёт о слизеринцах.

— Северус, мне это уже известно. Я получил сову от Фаджа.

— И как министерство намерено реагировать? Их будут судить? Их исключат из школы? — за привычными бархатными интонациями профессора Дамблдор угадал волнение.

— Нет, Северус. Им ничего не будет.

— Министерство узаконило применение Круциатуса? — Снейп изо всех сил подавлял бешенство.

— Фадж со своей стороны ничего не сделает. Похоже, его запугал ваш друг Люциус Малфой. С тех пор как Фадж выпустил его из Азкабана, якобы «за недостатком улик»... на мой взгляд, очень тёмная история... Малфой снова на коне.

— Но исключить из школы... это ваше право! — на секунду властное лицо мужчины приняло обиженное мальчишеское выражение.

— И ваше, Северус. Не забывайте, что именно вы — их декан.

— Я не могу этого сделать, — черноволосый раздражённо поморщился. — Вы же сами понимаете, что для их отцов я — Упивающийся. И должен, по их мнению, плясать от радости, что такая смена подрастает.

— Увы, Северус... — седобородый старец устало вздохнул и поправил сбившийся от ветра малиновый колпак. — Фадж в своём письме умолял «простить мальчиков», а в конце добавил, что в противном случае может поднять дело Хагрида «об оказании силового сопротивления служащим министерства магии»... — он сочувственно поглядел на Снейпа. — Боюсь, всё, что мы можем сделать, это заставить их мыть ваш кабинет или снять баллы со Слизерина... — директор повертел в пальцах очки и водрузил их обратно на нос. — Хотя на такое вы не пойдёте.

* * *

Шел урок зелий у Гриффиндора и Слизерина. Вся школа уже откуда-то знала о случившемся. Удивительно, как быстро в Хогвартсе распространяется секретная информация. Гриффиндорцы, хоть и не смели пикнуть в присутствии Снейпа, непрестанно кидали на слизеринцев взгляды, полные праведного негодования. Малфой держался, как король на именинах. С обеих сторон, как всегда, — телохранители. Пэнси Паркинсон бросала на Драко красноречивые взгляды, кричавшие: «Ты — мой герой!» Хотя, как Снейп заметил по лицам учеников, далеко не все слизеринцы были в восторге от «подвига» Малфоя. Некоторые делали вид, что полностью поглощены уроком, старательно не замечая ни возмущения гриффиндорцев, ни Драко и его окружения.

Профессор перевёл взгляд на знаменитую гриффиндорскую трицу. О чём-то возбуждённо шепчутся, лица встревожены, Уизли так вообще красный, как варёный рак. Грейнджер бледная, как покойница. Поттер уставился на Малфоя ненавидящим взглядом. Драко только довольно ухмыляется. Поттер, никак, надеется просверлить в нём дырку? А может, совсем тронулся и возомнил себя василиском?

Неожиданно для себя, профессор бросил на Гарри заинтересованный взгляд. «А ведь, Поттер может оказаться мне полезен. Я его руками расквитаюсь с маленьким паршивцем Малфоем».

* * *

Профессор зельеварения поднял волшебную палочку и с силой стукнул ею себя по макушке. Действие заклятия струями спускалось вниз по телу, придавая ему фактуру и окраску окружающих вещей. Снейп глянул на себя и остался доволен. Затем он тихо пробрался ко входу

в гриффиндорскую гостиную и затаился в тёмном углу вблизи портрета Полной Дамы. Такое загадочное и, прямо скажем, несолидное поведение профессора объяснялось тем, что для его плана ему необходимо было узнать пароль в гриффиндорскую башню. Можно, конечно, было спросить напрямик у Минервы МакГонагалл, но профессор нуждался в конспирации, и лишние уши могли всё испортить. Тем более они с Минервой были традиционными соперниками, как и их факультеты. Она б не стала ему помогать, не узнав его намерений. А намерения профессора были весьма темные. Да и не его это стиль — просить о помощи.

Ожидание было недолгим. Вскоре к портрету подошли, смеясь и чирикавая, две высокие девушки, смуглая черноволосая Парвати Патил и стройная блондинка Лаванда Браун.

— ...Ты знаешь, Парвати, мне нравится ходить без трусиков. Это так пикантно. Парень на тебя смотрит и даже не подозревает, что под юбкой ничего нет.

Девчонки захихикали.

— А сейчас ты тоже без трусиков? Что, так и ходишь на занятия?

— Ага!

Подружки засмеялись пуще прежнего. Кабы не заклинание дезиллюминации, Снейп наверняка бы покраснел, а так он был серый и шершавый, как и стена за его спиной. Когда хихиканье, наконец, прекратилось, и девушки, произнеся пароль — «знамя Гриффиндора», скрылись за портретом, Снейп, тихо ругнувшись, поспешил в свои апартаменты.

* * *

Следующий этап плана прошел без заминки. Прождав для верности несколько часов после отбоя, скрытый от посторонних глаз заклинанием, профессор зельеварения прокрался ко входу в гриффиндорскую башню. Полная Дама немного удивилась, услышав пароль от человека-хамелеона, но не узнала его и открыла проход. Очевидно, она уже привыкла к ночным вылазкам учеников под мантией-невидимкой. Снейп проскользнул внутрь и огляделся. «А здесь довольно уютно», — признался себе профессор. В просторной гостиной было пусто. На столах лежали забытые кем-то учебники и разбросанные листы пергамента. Снейп посветил волшебной палочкой и увидел на верхнем листке довольно злую карикатуру на себя. Под изображением крючконосого монстра с вампирским прикусом и перепончатыми крыльями за спиной, стояло лаконичное «Северус Снейп». «Почерк Грейнджер», — хладнокровно отметил профессор.

Из гостиной вверх вело две лестницы. Очевидно, одна в спальни мальчиков, другая — к девочкам. В Хогвартсе все лестницы, ведущие в спальни девочек, были заколдованы. Если на них ступала мужская нога, лестницы начинали верещать, а ступени исчезали, превращаясь в гладкий желоб. Шум профессору был сейчас нужен меньше всего, тем более, что целью его вылазки была как раз спальня мальчиков. Снейпу определённно везло. Лестница попалась спокойная и молчаливая. Он без труда обнаружил дверь с табличкой «шестой курс» и осторожно вошел.

В круглой комнате стояло пять кроватей под балдахинами. Ученики дружно храпели. Прикрывая ладонью огонёк, мерцающий на конце палочки, Снейп огляделся в поисках предмета своего вожделения. Как ни странно, им оказалась не школьная знаменитость Гарри Поттер, а его не менее известная метла «Молния».

Зажав добычу в руке, профессор незаметно выскользнул из комнаты.

* * *

В гостиной факультета Слизерин с утра царило необычное возбуждение.

— ...Драко!

— Чего тебе, Гойл? — блондин лениво потянулся.

— Возле входа в нашу гостиную чья-то метла валяется.

— Да? А мне-то что с того? Толкни её Уизли, он любому старью обрадуется!.. А может, это Крэбб пива вчера перебрал и свою метёлку выронил? — Слизеринцы заржали.

— Что там за веник? — Малфой, кажется, проявил некоторый интерес.

— Драко, это «Молния».

— Неси её сюда! Гойл, придурок, ты понимаешь, что во всём Хогвартсе «Молния» только одна, у этого недоноска Поттера?! — голос блондина зазвенел от возбуждения.

— А кто тогда её нам подкинул? — в кои-то веки тупоголовому дружку Малфоя пришла здравая мысль, но никто этого не оценил.

— Какая разница, неважно! Ух, мы сейчас и повеселимся!

* * *

Гарри натянул на футболку вязаный свитер, подаренный доброй миссис Уизли, и скучал, дожидаясь, пока Рон зашнурует ботинки, чтобы вместе спуститься на завтрак. Внимание его отвлек ударивший в стекло камешек. За окном верхом на метле в окружении своих громил крутился Малфой.

— Что этому придурку здесь надо?!

Рон, Невилл, Симус и Дин тоже выглянули в окно.

— Эй! Поттер! Смотри! КАКАЯ у меня метла! — крикнул Малфой. — Правда, крутая? У тебя-то, Поттер, такой нет!

Драко нарочно летал почти вплотную к стеклу, чтобы Гарри узнал свое имущество. Рон рассмеялся:

— Смотри, Гарри, Малфоя от зависти не спится. Выпросил у папочки метлу, такую же точно, как у тебя.

— С него станется. А может, он начал тебе подражать? Глядишь, еще и шрам себе на лбу подрисует? — сострил Симус.

— Гарри, может ты пожалеешь малыша Драко и дашь ему несколько уроков квиддича? — Рон старательно изобразил писклявый голос Пэнси Паркинсон, и гриффиндорцы расхохотались.

Малфой не собирался сдаваться:

— Поттер! А где ТВОЯ метла?

— Ну всё, пошли на завтрак, мне уже надоел этот клоун, — Гарри был раздражен, видно, всё-таки Малфой сумел подпортить ему настроение. Взгляд непроизвольно скользнул к месту, куда он всегда клал свою «Молнию», но... там было пусто. Стараясь не паниковать, он принялся тщательно обыскивать комнату. Друзья заметили его беспокойство.

— Гарри... Кажется, это твоя метла... у Малфоя, — Рон сказал вслух то, что Гарри уже понял, но чему боялся верить. ЕГО метла, ЕГО «Молния» в лапах этого скользкого урода Малфоя!

Драко, внимательно наблюдавший за происходящим, довольно рассмеялся. Его телохранители ржали вместе с ним.

— Но как?.. Они не могли сюда проникнуть! — Гарри словно не хотел признавать очевидного.

— Невилл, ты опять потерял бумажку с паролем? — накинулся на беднягу Рон.

Невилл покраснел и отчаянно замотал головой. Слизеринцы от хохота чуть не попадали со своих метел.

— Гарри! Малфой об этом сильно пожалеет! Мы еще решим, как ему отомстить. А сейчас пошли завтракать, а то на урок опоздаем, — Рон кинул на слизеринцев яростный взгляд и потянул Гарри к выходу.

* * *

«Пожалуй, это было ребячеством», — устало подумал профессор зельеварения, наблюдая из окна, как Драко Малфой носится в воздухе на метле Поттера. С утра затея выглядела уже не такой удачной. Вряд ли Поттер сможет сделать Драко что-нибудь, действительно способное удовлетворить мстительность Северуса Снейпа. По его мнению, только несколько хороших «круцио», да пара избранных шуточек из репертуара Джеймса Поттера стали бы для Малфоя достойной наградой.

Профессор стукнул ладонью по столу. «Подонок! Маленький грязный подонок!»

А ведь он всегда симпатизировал этому белокрысому змеёнышу! Но маленький мерзавец оказался ничем не лучше своего папаши, хотя, с его стороны, было глупо в этом сомневаться.

Кроме того, и сегодняшняя победа Малфоя, и возможный в будущем триумф Поттера равно были неприятны декану Слизерина. «Ну хоть Поттеру напакостил... Всё равно. Глупо. По-детски». С другой стороны, его всегда забавляла вражда между Поттером и Малфоем. Только, если раньше он всегда поддерживал Драко, теперь в его интересах было «болеть» за Поттера.

«...Что ж, открыто наказать Малфоя я не могу. Конечно, я велел ему две недели чистить без применения магии котлы в подземелье, но этого слишком мало... Пусть им попробует заняться наша маленькая знаменитость».

Мысли Снейпа вернулись к незнакомке. Хотя нет, они ведь уже познакомились. Её зовут Джоан. Такое тёплое имя. Джоан. Как горячий солнечный зайчик в ладошке. Не то что у него: «Северус» — холод-то какой... Во сне тело её было совсем ледяным, а вчера, в больнице —

Глава 6. Мечь слизеринца.

тёплое, такое нежное... Как хочется вернуть те ощущения, продолжить... Но... Не слишком ли много «но»?

«Так, мелочи какие-то: дожждаться пока золотой мальчик прибуёт Тёмного Лорда, — профессор скривился. — Тогда Дамблдору уже не будет нужен шпион. И я смогу связать свою жизнь не то что с маглой, хоть с пеликаном... — он поморщился. — Глупая шутка. С чего я взял, что вообще захочу с кем-то связывать свою жизнь? На ней итак уже достаточно узлов...»

«Моя вина, что Джоан оказалась в больнице». Пальцы медленно сжались в кулак. «Надо было запретить ей приходить сюда. Это было слишком опасно. Тем паче, что Драко упивался своей безнаказанностью... Почему я этого не сделал? О чем я вообще думал?»

«О ней», — нехотя сознался профессор.

Давно пора было идти в Большой Зал на завтрак, но, обычно пунктуальный, мастер зелий почему-то медлил.

Он представил, как незаметно проводит Джоан в Хогвартс и прячет её в своих комнатах.

«Кстати, маглы же не видят Хогвартс, им чудятся какие-то ветхие развалины. Что же, сидя в кресле в моей гостиной, Джоан будет ощущать себя сидящей на камнях посреди руин? Вряд ли она придёт в восторг от подобного приёма. Забавная мысль, но, наверняка, есть способ это уладить, ведь многие маги вступают в брак с маглами, и тогда им уже не нужно скрывать перед ними магию и тому подобные вещи. Возможно, если порыться в библиотеке, я найду заклятие, благодаря которому Джоан увидит Хогвартс таким, каким его вижу я...»

«Что за бред! О чём я думаю! Чем дальше от Хогвартса и от меня, тем ей безопасней... Впрочем, я зря беспокоюсь. После того, как министерство проведёт дознание, ей изменят память и доставят по её магловскому адресу, после этого она меня при всём желании не узнает...» Почему-то вместо того чтобы внести успокоение, эта мысль беспокоила профессора. «А что, если они дадут ей сыворотку правды и им станет известно, что подозрительный желчный тип, мастер зелий, оказался равнодушен к магле?» Снейп сосредоточился на своих ощущениях и понял, что не это его беспокоит, а то, что для девушки по имени Джоан он станет чужим...

Привычным усилием воли он отогнал от себя мысли и воспоминания. Взгляд рассеянно изучал пейзаж за окном, перебегая от одной детали к другой, но мозг словно не хотел замечать картину в целом. Мужчина неподвижно сидел в кресле, только изредка моргая усталыми веками. На фоне света, льющегося из окна, его черный, резко очерченный силуэт напоминал профиль хищной птицы.

* * *

«Зря я недооценивал Поттера! Хотя... Наверняка, тут не обошлось без всезнайки Грейнджер... мда... у этой девицы ещё и дар карикатуриста... Сегодня имел удовольствие помочь мадам Помфри доставить в больничное крыло три мычащих гриба. Две здоровые чёрные поганки и одну бледную, поменьше ростом, чем-то смахивающую на Драко. Поттер-зараза мелькнул перед окнами на своей любимой метёлке. Придя на мой урок, вся троица так и светилась, чуть не лопалась от гордости, особенно этот наглый очкарик. Но, кажется, две оценки „отвратительно“, одна за домашнее задание, другая за работу в классе, поубавили ему спеси. Мерлин! Всякий раз, когда смотрю на молодого Поттера, вижу Джеймса! Так и хочется на уроке взять котел и вылить ему на голову».

* * *

Раздираемый противоречивыми чувствами, Северус Снейп вылез из камина в холле больницы святого Мунго. Чтобы как-то оправдать свой визит, ему пришлось наврать о желании навестить от имени всего педагогического коллектива бывшего коллегу Гилдероя Локхарта, чему все были несказанно удивлены. МакГонагалл, услышав о намерении Снейпа, закашлялась, подавившись чаем. От преждевременной смерти декана Гриффиндора спасли добрые руки мадам Помфри, которая от души похлопала коллегу по спине. А профессор Дамблдор хитро подмигнул Северусу, чем окончательно его смутил.

Пытаясь убедить себя в необходимости лично удостовериться, что с Джоан и её памятью всё в порядке (вот только ЧТО считать порядком, он не определился, то ли Джоан должна была его забыть, то ли нет), Северус Снейп летел по больничным коридорам, пока не оказался перед знакомой дверью. Мягко толкнув её, он вошел в палату, предвкушая увидеть лицо Джоан, но на кровати, водя носом по газете, сидел какой-то лысый тощий старикашка.

Пока профессор в недоумении оглядывал комнату, следом за ним в палату вошел средних лет курносый мужчина, облаченный в мантию целителя.

— Здравствуйте, профессор Снейп! Мне о вас дочка столько рассказывала! Вы её, наверное, помните. Ханна Аббот, учится в Хаффлпаффе...

Снейп нахмурился, надеясь, что это заставит гордого папашу прекратить излишние, но тут старичок подскочил с постели, с громким шуршанием скомкал газету и отбросил в угол. Профессор рассмотрел его подробнее. Не такой уж он старый, как показался сначала. Лет шестьдесят, а может, даже меньше. Точно не скажешь. Выглядит измождённым, это его и старит. Большие светлые глаза, чистые, как у ребёнка, глядят на мастера зелий растерянно, будто их обладатель тщетно старается что-то припомнить.

Целитель Аббот, ничуть не смутился поведением своего пациента, видимо, оно было в порядке вещей. Он как раз начал рассказывать профессору, как усердно Ханна всё лето повторяла курс зельеварения за прошлый год, как лысый перебил его резким громким смехом. Оба мужчины посмотрели на старика, но он продолжал дико хохотать, указывая на Снейпа пальцем. Аббот подошёл к больному, пытаясь успокоить, но истерика у того прекратилась сама, так же внезапно, как и началась.

— Так вот... — Целитель попытался снова найти нить разговора, но был перебит стариком:

— Снейп!

Профессор прошёл старикашку неприятным взглядом, но тот, казалось, обращался не к нему, а говорил сам с собой.

— Снейп, Снейп, Снейп... Я знал одну Снейп. Миссис Снейп...

Профессор заметно вздрогнул.

— Да, да, да... Так именно её и звали... Ещё у неё была метла... Да, да, да... Точно, миссис Снейп, так и звали...

Аббот взял профессора за плечо и вышел с ним в коридор, прикрыв дверь, так что бормотаний старика не стало слышно.

— Не обращайтесь на старого Ларри внимания. Он совершенно безобидный. Его даже сумасшедшим назвать нельзя. Так, немного слабоумный...

Снейпу это ничего не объясняло. Откуда этот старикашка знает его мать? Целитель продолжал:

— Он время от времени наблюдается у нас в Мунго. Постоянное лечение ему не требуется. Да и, по правде сказать, мы ничем ему не можем помочь. Бедняга получил какое-то хитрое проклятие. Это было ещё когда Тот-Кого-Нельзя-Называть набирал силу.

— В первый раз набирал силу, — уточнил Аббот и помрачнел, — тогда было много нападений на людей, часто, куда более серьёзных, со смертельным исходом.

Целитель помолчал.

— И многие колдуны, прикрываясь всей этой всплывшей мутью сводили старые счёты, не стесняясь в средствах. В надежде всё свалить на Упивающихся.

— Спасибо, я знаю историю, — язвительный тон профессора заставил Аббота смутиться.

Покраснев, он продолжил:

— Вот кто-то Ларри и проклял. А раньше он был кондуктором на «Ночном Рыцаре»... Психиатрическое отделение переполнено, а эта палата освободилась, вот и поместили его сюда. Всё равно он тут дольше двух дней не пробудет, осмотрим и домой...

— А почему освободилась палата? Здесь должна была лежать другая пациентка, — прервал говорившего Снейп.

— Да, да, здесь находилась какая-то девушка... Точно не скажу, её лечил не я, а мадам Жюпен... Но её забрал из больницы родственник.

— Родственник, вы точно в этом уверены? — профессор сверлил Аббота глазами.

Тот заморгал и с сомнением в голосе ответил:

— Кажется, да... Но лучше спросить у дежурной внизу, у неё всё записано.

Стараясь скрыть беспокойство, Снейп спустился в холл. Молодая ведьма, сидевшая за стеклянным окошечком, скользнула по нему равнодушным взглядом. Дождавшись, пока дежурная направит грузного, пахнущего потом амбала с козлиными рогами на нужный этаж, профессор наконец смог узнать подробности происшедшего.

— Как вы сказали, Димпл? — ведьма зашелестела бумагами. — Её уже выписали. За ней родственник заехал.

— А имя родственника вы назвать можете?

Глава 6. Местъ слизеринца.

— Ну, конечно. Тайны-то никакой в этом нет, — глаза ведьмочки заблестели, словно она предвкушала впечатление, которое её слова окажут на собеседника. — Вы не поверите, — голос женщины перешёл в возбуждённый шёпот. — Её родственник — сам Люциус Малфой.

Глава 7. Люциус Малфой.

Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется...

Ф. Тютчев

Альбус Дамблдор сосредоточенно смотрел на золотистый корешок толстого фолианта, осмысливая услышанное. Его собеседник стоял в тёмном углу директорского кабинета, всем своим видом излучая бесстрашие. Но мудрый старик видел глубже. Он хорошо изучил резкие черты этого бледного лица и понимал, что Северус очень взволнован, но не хочет этого показать. Профессор посвятил Дамблдора во все детали происшедшего, умолчав только о лирической стороне вопроса.

— Северус. То, что вы сейчас рассказали, настораживает. Не думаю, что эта девочка в родстве с Малфоями... Магла... Я постараюсь больше разузнать об этом. Как только мне что-нибудь станет известно, я вам тут же расскажу.

Когда декан Слизерина был уже на пороге, директор окликнул его:

— Северус, будьте добры, навестите в больничном крыле ваших студентов. Надо узнать, что с ними произошло. Мадам Помфри за обедом сказала, что они пошли на поправку.

Снейп заметил в молодых глазах старого директора озорных чёртиков.

* * *

В больничном крыле декана уже ждала мадам Помфри.

— Северус, я делаю всё, что могу. Сегодня они уже выглядят получше. Не представляю, кто мог такое сделать?

— Я тоже этого пока не представляю. Но виновный сильно пожалеет, — процедил Снейп.

Как декан, он должен быть на стороне своих студентов. То, что трое мычащих грибов — студенты Слизерина — поняли только, когда Малфой, Крэбб и Гойл не пришли ни на один из уроков.

— Я оповестила о случившемся их родителей, они приедут навестить мальчиков.

— Вы не должны были этого делать за моей спиной.

— Прошу прощения, Северус, но я думала...

— Неважно, — оборвал её декан. — Где они?

Слизеринцы выглядели получше, чем в первый раз. Их уже легко можно было узнать, только на головах росли широкие перепончатые шляпки, как у гигантских грибов, в районе пупка — юбочки, как у поганок или шампиньонов, и у каждого было только по одной ноге.

Снейп предпринял попытку расспросить бедняг, кто, по их мнению, такое с ними сотворил, но слизеринцы в ответ бормотали что-то нечленораздельное. А когда профессор предложил изложить им всё на пергаменте, Малфой-младший тряхнул своей шляпкой и издал жалобное «Му-уу». И лишь тогда Снейп заметил, что рук у его подопечных тоже нет.

* * *

Северус Снейп покидал больничное крыло, летя, как на крыльях. Давно он уже так не радовался. Подкинуть, что ль, Гриффиндору баллов? Ну нет, это пойдёт вразрез с его имиджем. Мужчина усмехнулся. Конечно, он притворно посочувствовал Малфою и пообещал, что виновные будут найдены и жестоко наказаны. Вообще-то, Снейп был бы не против, чтобы Поттер с Грейнджер понесли наказание. Но надо быть реалистом: если это дело раскроется, Малфой-старший будет настаивать на исключении Поттера из школы, а это не понравится Альбусу Дамблдору. Снейп позволил себе помечтать: «А как было бы хорошо никогда больше не видеть наглуую рожу Поттера...»

* * *

Альбус Дамблдор не заставил профессора долго ждать, уже на следующий день он пригласил Северуса Снейпа к себе в кабинет, чтобы обсудить новую информацию по делу девушки из больницы и её неожиданно объявившейся родни.

Директор, одетый в тёмно-вишнёвую мантию и того же цвета остроконечный колпак, расположился в удобном мягком кресле. Его борода белоснежными шелковыми прядями спадала до пояса. Пронзительные васильковые глаза разглядывали мастера зелий с детским любопытством. Неожиданно старец подмигнул профессору и добродушно усмехнулся. Снейп смутился, вспомнив, что Дамблдор искушен в чтении мыслей не меньше Тёмного Лорда, и закрыл свой мозг от постороннего любопытства.

— Северус, мы оба не могли этого ожидать...

Голос директора, тихий и глубокий, звучал в тишине кабинета. Феникс, полузакрыв глаза, внимательно слушал, сидя на жёрдочке.

— Кто бы мог подумать, что Люциус и вправду родственник Джоан Димпл — так зовут ту девочку.

— Директор, вы в этом уверены? — насторожился профессор. — Та девушка — магла, а Малфои носят со своей чистокровностью, как с писаной торбой.

— В семье не без урода, — улыбнулся директор, — И наоборот. В плохой семье не без хорошего человека... Покойный Сириус Блэк — тому пример.

— Поверьте, директор, Блэка я знал лучше вас. И он был уродом ещё почище его семейки! — сердито проворчал Снейп.

— Какой же вы злопамятный, Северус. Ваши школьные враги, Джеймс и Сириус, мертвы. А вы всё продолжаете их ненавидеть... Отпустите прошлое, оно мешает вам радоваться настоящему.

— Радоваться? — профессор задохнулся. — Вы, наверное, шутите? Чему мне радоваться? Тому, что в любой момент на руке может загореться чёрная метка? Что опять придётся идти на вызов Тёмного Лорда? Ползать перед ним, целовать его мантию и ждать. Ждать, что вот, наконец, сейчас, он проникнет достаточно далеко в мой мозг, чтобы удостовериться в измене... Радоваться? Когда каждый день может стать последним. А простая смерть покажется райским блаженством по сравнению с тем, что меня ожидает...

Снейп почти шипел. Слова, полные яда и горечи, словно отравленные клинки, с тихим зловещим свистом рассекали тишину директорского кабинета. Люди на портретах, вопреки обыкновению, не притворялись спящими, а напряженно вслушивались. Профессор замолчал, и комната погрузилась в безмолвие. Лишь Фоукс, не мигая, смотрел на мастера зелий укоризненным взглядом. Ну где ему понять, ведь он же бессмертный!

Директор глядел на Снейпа своими добрыми голубыми глазами, но уже не изучающе, а грустно, в его взгляде сквозила боль. Дамблдор положил руку на плечо мастера зелий, тот вздрогнул и отстранился.

— Каждый день может стать последним для любого из нас, — промолвил старик, и его спокойный, чуть печальный голос сотворил волшебство: напряжение исчезло. Люди на портретах облегченно вздохнули, феникс склонил голову себе на плечо и залюбовался хозяином.

— Поверь мне, Северус. У всех есть повод радоваться настоящему... И я знаю, у тебя он тоже есть.

Снейп встретился взглядом со стариком, и ничего не сказал, но по губам пробежала презрительная усмешка, а лицу вернулось привычное надменное выражение.

Мастер зелий полностью взял себя в руки, но в душе остался неприятный осадок из-за того, что он позволил себе эту неуместную сцену, потерял над собой контроль... Мысли опять завертелись вокруг Джоан. Это с неё всё началось... Из-за неё он стоит сейчас в кабинете Дамблдора...

— Что же вы стоите, Северус? Прошу вас, присаживайтесь!

Снейп медленно опустился в кресло, которое наколдовал ему Дамблдор. Тот продолжал:

— Так вот, Джоан Димпл приходится кухней Драко Малфоя.

Мастер зелий недоверчиво поднял бровь.

— Да, Северус. У Люциуса Малфоя была старшая сестра — сквиб. Летиция Малфой. Естественно, это не афишировалось, её считали позором семьи, и всё такое... Бедная девочка... Она рано ушла от родителей, вышла замуж за магла, родила дочку и через несколько лет умерла. Ни мужу, ни дочери о мире магов она ничего не рассказывала, так как полностью порвала с ним и со своей бывшей семьёй.

Директор вынул из ящика письменного стола фотографию. На ней нервно озиралась худая и очень бледная девушка с испуганными карими глазами. Если б не светлые волосы и не этот затравленный взгляд маленького испуганного зверька, Северус мог бы принять её за Джоан.

— Бедная девочка, — ещё раз вздохнул Дамблдор. — Хоть и выходит, что мисс Димпл — племянница Люциуса, я сильно сомневаюсь, что им руководят родственные чувства. Мне страшно за неё.

На этот раз мастер зелий ничем себя не выдал, хотя внутри от слов Дамблдора оборвалась какая-то струна.

* * *

События этого дня не закончились. Вечером в школу прибыли родители пострадавших студентов. Заклятие, наложенное на троих слизеринцев, мадам Помфри так и не сумела нейтрализовать. Декан нашел их в том же состоянии, что и при предыдущем посещении. Люциус Малфой, увидав своего сына, выказал нечто вроде брезгливости и, не став задерживаться у его постели, предпочёл обсудить происшедшее со своим старым приятелем Северусом.

— ...Если б во главе Хогвартса не стоял этот выживший из ума защитник грязнокровок, ничего подобного бы не произошло! — только унижение фамилии Малфоев могло вывести холеного аристократа из равновесия. Светлые глаза метали молнии, рот брызгал слюной.

— Люциус, полагаю, ты говоришь о Дамблдоре? — ленивый тон Снейпа лишь подлил масла в огонь.

— О ком же ещё! Он и этот грязный щенок Поттер! Они нам как кость в горле!

— Нам?

— А то ты не понял, о чём я?

— Разумеется, понял, — профессор поморщился. — Но в этих стенах нельзя даже намекать на *это*... А что касается Поттера, вряд ли найдётся человек, которого он достал так, как меня, — искренне сознался зельедел.

Малфой с жаром возразил:

— Нет, Северус, такой человек есть, и ты об этом знаешь. Хотя Тёмный Лорд — нечто большее, чем просто человек.

— Люциус! Нас могут услышать! — зашипел Снейп.

— Поверь, Северус, я-то знаю, уже недолго осталось скрываться. Скоро все маски будут сорваны, а с остальных будут сорваны головы! И Поттер с Дамблдором будут в числе первых, кого Тёмный Лорд избавит от необходимости пользоваться головным убором, — Малфой криво усмехнулся собственной шутке. — Я не оставлю так. Я использую этот случай для того, чтобы Дамблдора отстранили от должности. Не сомневайся, Северус, у меня есть рычаги давления на Фаджа. Они ещё узнают, как потешаться над Малфоями!

Профессор сложил руки на груди:

— Люциус, могу только пожелать тебе удачи.

— И *только*? — Блондин был само возмущение.

— А чего ты ещё от меня хочешь?

— Мне надо, чтобы Поттеровский недоносок получил по заслугам. Как минимум, он должен вылететь из школы!

— А ты уверен, что это сделал он? Я достаточно наблюдал его на своих уроках. У этого тупицы не хватит ума даже на то, чтобы трансфигурировать жабу Лонгботтома.

— Возможно... Впрочем, это могла быть вонючая грязнокровка Грейнджер, которая вечно таскается за Поттером.

— Если сможешь добиться, чтобы их выгнали, мои тебе аплодисменты. Ты, Люциус, достаточно долго пробыл в попечительском совете, чтобы знать, что исключить из школы студентов другого факультета не в моей власти, — профессор бросил аристократу прохладный кивок и приготовился уйти, но слова Малфоя его остановили.

— Ты можешь собрать доказательства их вины! И ещё. Северус, возможно, ты не понял. Тут задета фамильная честь Малфоев. Боюсь, одним исключением дело не ограничится, — рот мужчины растянулся в хищном оскале. — Я позабочусь об этом.

— Какой ты заботливый.

— Да. Как бы кому-то горячо не стало от моей заботы...

— А что если всё-таки Поттер с Грейнджер непричастны к этому делу? Твой сын — весьма подающий надежды юноша. В начале семестра я стал свидетелем, как он с младшими Крэббом и Гойлом забавлялись с какой-то девчонкой. Нет, Люциус, я не имею ввиду секс. Мальчики просто развлекали себя в применении заклинаний. Должно быть, готовились к урокам, — холодная усмешка.

Снейп продолжил после паузы:

— Возможно, кто-то попытался за тот случай отомстить Драко?

— Нет. Это исключено. Девчонка Паркинсонов наболтала мне, что Драко забрал у Поттера метлу. Очевидно же — это он.

— Я уже сказал тебе, что думаю об умственных способностях Поттера. Но ради старинной дружбы, постараюсь.

— Постарайся, Северус. Если будешь хорошо стараться, то, возможно, когда Тёмный Лорд будет у власти, на посту директора Хогвартса сможешь оказаться ты.

— Но, пока он ещё не у власти, я, на твоём месте, посоветовал бы Драко вести себя поосторожней. Директор всё ещё не я, а Дамблдор. А он, как ты знаешь, обожает маглов и полукровок. Когда он узнал о той истории, описанной в «Ежедневном Пророке», о магле и «круцио», он послал меня в больницу св. Мунго, чтобы я лично расспросил маглу о том, кто с ней... хм... забавлялся, — Снейп усмехнулся. — Так вот, она описала твоего сына и его приятелей. Разумеется, Дамблдор от меня этого не узнал.

— Спасибо, Северус. Ты знаешь, что благодарность Малфоя — это не пустые слова, — произнес Люциус с пафосом. — А ребятам же надо на ком-то отрабатывать заклятия. Не на муравьях же, — на красивом лице заиграла невинная улыбка. — По-моему, как раз для этого маглы и существуют, — Малфой осклабился. — Удачно, кстати, что мальчишки применили «круцио», а не «аваду», — в его тоне послышались доверительные нотки. — Именно эта магла была нужна мне живой.

Снейп замер: его наживка сработала!

— Я долго безрезультатно её искал, и, представляешь, повезло! Её фотография в «Ежедневном Пророке». Я не поверил своим глазам.

Стараясь не выдать заинтересованности, профессор небрежно спросил:

— Не понимаю, зачем Люциусу Малфою сдалась какая-то магла? И почему именно эта, конкретная?

— Видишь ли... Она нужна мне для одного... э... зелья... Точнее, не она, а её кровь, — блондин словно рассказывал о самых обыденных вещах.

— О, Люциус, как интересно! — «Больше равнодушия, главное не переборщить». — Ты увлёкся зельями? Раньше я такого за тобой не замечал.

— Да, Северус. Можешь считать, что увлёкся.

— Но ты не объяснил, почему тебе не подошёл *любой* маггл, а ты гонялся именно за этой?

— Ну... она очень дальняя родственница жены... не по прямой линии, конечно, ты же знаешь нашу родословную, одни волшебники, никакой магловской дряни... А мне для зелья понадобилась кровь родственника... Тут я и вспомнил об *этой*... — очевидно, тема была для Малфоя неприятна.

— Всё равно, не понимаю, — ленивый голос, недоумевающий жест. — Зачем было так долго искать? Родственница жены, говоришь? Или Нарцисса боится уколоть себе пальчик? — Снейп позволил себе сарказм.

— Ха! Пальчик? — Малфой оценил шутку. — Нет, Северус, одним пальчиком не обойтись. Тут нужна *вся* кровь, полностью. А я не настолько жесток, чтобы убивать собственную жену, пускай и нелюбимую, — мужчина рассмеялся.

— Любезный Люциус, ты меня совершенно заинтриговал, что же это за зелье такое? — вкрадчиво прошелестел черный бархат.

— О нет, любезный Северус, этого я не могу тебе сказать, — рассмеялся глубокий баритон.

— Ты поразительно скрытен, Люциус. Позволь тогда только полюбопытствовать, ты его уже приготовил? — «остаться равнодушным, не показать этому лощеному гаду, как важен для меня его ответ».

— Нет. Пока нет. Оно готовится только в новолуние, — Малфой спохватился. — Что-то я разболтался. А ведь ты, Северус, в этом деле дока. Глядишь, и догадаешься? — мелодичный смех. — Хотя, вряд ли. Скажу тебе, как старому приятелю, по секрету, что в книжках ты этого рецепта не отыщешь. Больше я говорить не намерен... Ты знаешь, что я забираю Драко в больницу святого Мунго? Я не доверяю этой Помфри... А грязнокровка Грейнджер мне заплатит... Одна наша общая хорошая знакомая, Беллатрикс... Она очень любит это дело... Большой специалист! Я обязательно попрошу её заняться девчонкой.

— Беллатрикс сейчас скрывается, а Грейнджер, наверняка, не причём. Эта зубрила ни за что не рискнёт нарушить школьные правила.

- Уж не перешёл ли ты на сторону Дамблдора? Чего это ты взялся защищать грязнокровку?
- Разумеется, Люциус, мы с тобой на одной стороне. Я не хочу, чтобы ты, увлекшись местью глупой девчонке, оставил незамеченным появление настоящего врага.

* * *

Проводив Крэбба, Гойла и Малфоя, покинувших Хогвартс вместе со своими сыновьями, профессор почувствовал себя совершенно разбитым. Какой же он идиот! Своей глупой выходкой подставил под удар школьников. Мало ему не спускать глаз с Поттера, так теперь и Грейнджер в опасности. Ладно ещё тут, в школе. Под носом у Дамблдора ей ничего не грозит. А на каникулах? У неё же нет такой магической защиты, как у Поттера.

А Джоан? Малфой подтвердил самые худшие его опасения. Он её убьёт. Кровь понадобится ему в новолуние, а новолуние уже завтра...

И ещё одно тревожило Снейпа. Зелье. Что это за зелье такое, и для чего? Малфой сказал, что в книгах его нет... Уж не Тёмный ли Лорд автор рецепта? От этой мысли профессор похолодел.

Глава 8. Джоан Димпл.

Как кони медленно ступают,
Как мало в фонарях огня!
Чужие люди, верно, знают,
Куда везут они меня.
А я вверяюсь их заботе.
Мне холодно, я спать хочу.
Подбросило на повороте
Навстречу звездному лучу.
Горячей головы качанье
И нежный лед руки чужой,
И темных елей очертанья,
Еще невиданные мной.

О. Мандельштам

Когда Северус Снейп покинул палату, Джоан откинулась на подушки, прислушиваясь к своим ощущениям. Тело всё ещё болело после «круцио», но на душе было хорошо как никогда. «Северус! — пело всё её существо, — Северус!»

Но толком помечтать ей не удалось. В комнату без стука вошёл рыжеволосый молодой человек, державшийся очень сухо и официально. Джоан догадалась, что он из министерства Магии, и будет расспрашивать о происшедшем. Об этом ее предупредила целительница. Так и случилось. Сцена очень напоминала допрос. Чиновник расположился на табурете, положил на колени портфель желтой кожи, на него — лист пергамента. Вынув из того же портфеля перо и чернильницу, он поставил ее на соседний табурет и принялся быстро строчить. Вопросы он задавал отрывисто высоким, неприятным голосом, не поворачивая головы. Несколько раз человек недовольно хмыкал, на лице была написана смесь презрения и недоверия.

Потом он позвал кого-то, в палату вошла полная добродушная женщина в бледно-зелёной мантии целителя. Джоан её уже видела, та поила девушку какой-то горькой настойкой. Чиновник, держась крайне высокомерно, подстать министру, объявил целительнице, что он уже закончил, и та может приступать к изменению памяти своей пациентки.

Неожиданно дверь резко распахнулась, и в комнату широкими шагами вошёл мужчина, высокий длинноволосый блондин с крупным породистым лицом, облаченный в длинную серебристую мантию с застёжками из червлёного серебра. Его внезапное появление произвело заметный эффект. Чиновник ссутулился, а его физиономия сменила скучающе-презрительное выражение на приветливо-угодливое:

— Очень рад вас видеть. Вы *меня* искали?

Блондин одарил рыжего чиновника взглядом, от которого тот съёжился ещё больше, губы растянулись в улыбку:

— Да, Уэзерби.

Лицо чиновника дёрнулось:

— Уизли, сэр.

Блондин сделал вид, что не заметил, и продолжал:

— Видите ли, эта женщина является моей дальней родственницей. И я хотел бы позаботиться о ней сам.

— Да, я вас понимаю... Но необходимо убедиться... Важная свидетельница...

Человек в серебристой мантии прервал бормотание рыжеволосого, небрежно показав ему пергамент, весь разрисованный гербами и уставленный печатями. Подержав его секунды три перед носом чиновника, блондин так же небрежно спрятал документ в кармане мантии.

— Надеюсь, вам достаточно доказательств? — в голосе звенела убийственная ирония.

— Да, да, пожалуйста... Я думаю, министр не будет против...

— Он будет только «за», — перебил блондин.

— Но вы ведь не хотите забрать её прямо сейчас? Может быть, вашей родственнице ещё рано покидать больницу?

На Джоан никто не обращал внимания, а она была слишком шокирована происходящим, чтобы как-то помешать. Чиновник переводил вопросительный взгляд с новоявленного родственника Джоан на целительницу и обратно. Та ответила, понизив голос так, чтобы девушка не расслышала:

— Видите ли, я ещё не успела произвести пациентке изменение памяти...

Блондин широко улыбнулся:

— Ну! Какие пустяки! Я сам обо всем позабочусь, ей будут предоставлены все условия... Да, я очень благодарен персоналу больницы. За моей дорогой родственницей ухаживали просто великолепно. Сегодня днём я уже побывал в Гринготтсе и перевёл на нужды больницы некоторую сумму...

Целительница помялась и неуверенно спросила:

— Сэр, но она же магла... А ваш род... Ну, в общем, вы же чистокровные волшебники, разве не так?

Блондин перекосячился от бешенства, лицо покраснело, глаза налились кровью. Женщина в испуге отпрянула.

— Она *очень* дальняя родственница, — прошипел мужчина. — Но тем не менее, я считаю своим долгом о ней позаботиться.

С этими словами он оттолкнул целительницу с дороги и, пытаясь изобразить на лице радушие, схватил Джоан за руку и выдернул из постели. Одним стремительным движением расстегнув на горле застёжку сверкающей мантии, накинул её девушке на плечи поверх больничной пижамы. Опомнившись, Джоан попыталась протестовать.

— Нет! Это какая-то ошибка! Я не знаю этого человека! Я его впервые вижу! Пустите мою руку! Я никуда не пойду!

Она постаралась уцепиться за руку целительницы, когда мужчина, не снимая улыбки, быстрым шагом поволок её за собой. Заметив в лице женщины сомнение, Джоан ухватилась за её локоть, как тонущий за соломинку. Но молодой рыжий чиновник повернулся к целительнице и ровным тоном произнёс:

— Всё в порядке. Я видел документы. У девушки, очевидно, просто последствия стресса.

Целительница кивнула и мягко отвела руки Джоан. Силы покинули девушку. Она перестала сопротивляться судьбе.

Тем временем, блондин коснулся волшебной палочкой пустого бутылка из-под лекарства и произнёс:

— Портус.

Рыжий чиновник тут же встрепенулся и открыл было рот, чтобы возразить, но мужчина строго посмотрел на него:

— Уизлоу.

— Уизли, сэр, — вставил рыжий.

Блондин усмехнулся:

— Ах, да...

Джоан показалось, что он специально коверкает фамилию чиновника.

— Как же, я знаком с вашим отцом... Уизни.

Блондин опять ослабился, а чиновник густо покраснел, но пробормотал что-то про использование портала без специального разрешения.

— О, не переживайте так, Уэнсли.

(Рыжий покраснел ещё сильнее).

— Мы с Корнелиусом об этом договоримся, — и милостиво добавил. — А как мне, по-вашему, доставить её в свой замок? Аппарировать она не может, в камине она сгорит, не на метле же с ней тащиться?

«Родственничек» расхохотался. Затем взял руку Джоан и приложил её к бутылку, сам взялся за него другой рукой, и через секунду пол исчез у девушки из-под ног, и её куда-то потащило. Не сказать, чтобы новый способ передвижения ей понравился. Джоан мутило, перед глазами мелькали серые вихри.

Вдруг ступни её снова почувствовали твёрдую опору. Девушка не удержала равновесия и больно ударилась о мраморный пол. Мужчина одним грубым рывком поставил её на ноги. Джоан огляделась. Она была уже не в больнице. Длинный, изогнутый, полутёмный коридор терялся во тьме. На стенах через большие промежутки красовались изысканные золотые канделябры. По левой стене коридора тянулась череда дверей, справа Джоан заметила только

одну. Колеблущееся пламя свечей освещало коридор тусклым светом. Камень сходящихся под острым углом на высоте около двадцати футов стен был тёмно-коричневого цвета. Грубо обработанный, он казался намного старше золотых канделябров и пола из чёрного мрамора. Очевидно новые поколения владельцев замка (а это, несомненно, был замок) вносили в интерьер изменения в соответствии со своим вкусом.

— Добро пожаловать, — насмешливо произнёс державший её мужчина, заталкивая Джоан в одну из комнат.

Девушка наполовину уже пришла в себя, хотя ноги ещё подгибались и дрожали после необычного путешествия. Ей хотелось задать кучу вопросов. Кто он? Зачем доставил её сюда? Зачем назвался её родственником? Кроме того, у Джоан было смутное чувство, что она уже где-то видела этого человека раньше, до того, как он вошёл в больничную палату.

Мужчина бросил в сторону двери какое-то слово, и она с громким стуком захлопнулась. Девушка вздрогнула. «Что ему от меня надо?» Блондин словно прочёл её мысли. Брезгливо поморщился.

— Об этом можешь не беспокоиться. Твои сомнительные прелести меня не привлекают.

Джоан не смогла скрыть облегчения, чем очень развеселила мужчину.

— Глупая гусыня, ты что, могла подумать, что Люциус Малфой опустится до тебя, жалкой маглы? Да любая колдунья благородной крови почла бы за счастье быть моей хоть на одну ночь!

Но дальше девушка уже не слушала... Малфой! Она вспомнила, где слышала эту фамилию. Это лицо, эти белые волосы — она видела их у его сына, маленького гадёныша, который её пытал...

Джоан в ужасе отпрянула, но Малфой отнёс это на счёт своей тирады и растянул губы в самодовольной ухмылке.

— Вот это будет твоя спальня. Та дверь — туалетная комната. Отдыхай.

Женщина почувствовала в его голосе скрытую угрозу. Незаданные вопросы так и не осмелились слететь с языка.

— Все вопросы потом, — он, и вправду, будто читал её мысли. — Не буду мешать.

Люциус Малфой улыбнулся, но улыбка была недобрая. С негромким хлопком он исчез.

* * *

Джоан осталась одна. Машинально она оглядела комнату в поисках выхода. Судя по роскошному убранству помещения, хозяин замка был баснословно богат. Стены комнаты были обиты тёмным деревом. Джоан ничего не понимала в древесине, но и так видела, что это очень красивый и дорогой сорт. Панели украшали старинные гобелены. Комната была полна антикварной мебели, включая широкую, как театральная сцена, кровать под тёмно-зелёным с золотом бархатным балдахином. Два узких стрельчатых окна обрамляли тяжёлыми складками шторы из той же ткани. Низкий столик с каменной инкрустацией на крышке был сервирован на одну персону. Джоан недоверчиво взяла в руку тяжёлую, покрытую сложным орнаментом вилку. Так и есть, золото. Девушка опомнилась. Она здесь не на экскурсии! Нужно искать выход.

Из комнаты вели две двери: через одну она сюда вошла, а другая, на которую указал Малфой, вела в роскошную, розового мрамора, ванную комнату. Заметив в углу ещё одну дверь, девушка кинулась туда, но, вместо выхода, обнаружила там туалет. Джоан вернулась к первой двери, подёрнула её — заперта. Она заметила, что в двери нет замочной скважины, видимо хозяева вместо замков и ключей используют магию. Она попробовала колотить по двери сперва кулаками, а потом ногами, но звук получался глухой и тихий, будто кто-то повернул регулятор громкости почти до нуля. Осознав тщетность своих усилий, Джоан бросилась к окну. Сердце радостно подпрыгнуло — первый этаж! До земли, правда, далековато, но не страшно! И на окнах нет решёток! Заперты, но это ерунда... Осталось только разбить стекло чем-нибудь тяжёлым... вот и пригодится золотая посуда! Девушка взяла со стола тяжёлый, покрытый замысловатой резьбой кубок, размахнулась и со всей силы бросила в окно. Кубок со свистом рассёк воздух, мягко притормозил у самого стекла, и не коснувшись его, со звоном упал на каменный подоконник. Не поняв, что произошло, Джоан снова запустила кубком в окно, и опять повторилась та же картина. В отчаянии женщина схватила лежавшую у камина кочергу и, ругаясь, принялась неистово колотить ею по стёклам. Но как она ни старалась, в полудюйме от стекла упрямая кочерга останавливалась, будто упиралась в невидимую пружинящую стену. Джоан отбросила кочергу, упала на пол и зарыдала.

Глава 9. Пленница.

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг,
Мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг,
От зимних вьюг.

А если мука суждена
Тебе судьбой,
Тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой,
Делить с тобой.

Пускай сойду я в мрачный дол,
Где ночь кругом,
Где тьма кругом, —
Во тьме я солнце бы нашел
С тобой вдвоем,
С тобой вдвоем.

И если б дали мне в удел
Весь шар земной,
Весь шар земной,
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной,
Тобой одной.

Роберт Бернс

Фоукс дремал, спрятав голову под крыло. Его хозяин мерил шагами кабинет, лицо сосредоточено, серебристые брови нахмурены. Преподаватель зельеварения сидел в кресле и молча наблюдал за директором. Он только что вкратце пересказал ему содержание беседы с Малфоем. Неожиданно директор подмигнул Снейпу.

— Северус, о мисс Димпл, я думаю, вы позаботитесь сами. Попрошу вас только не пользоваться каминами и порталом. За ними ведётся наблюдение. Да, и у маглов нет иммунитета от огня... Вас ни в коем случае не должны видеть, ведь для Малфоя вы — Упивающийся Смертью.

— Догадываюсь, — сухо процедил мастер зелий и мрачно посмотрел на директора.

— В зельях, Северус, я целиком полагаюсь на вас. Важно как можно быстрее разобраться в этом вопросе. Удачи.

Поняв, что это всё, профессор зельеварения, холодно попрощавшись, покинул директорский кабинет. Мда... тот оказал ему просто «неоценимую помощь»... ничего не скажешь...

* * *

Джоан стояла у окна, положив голову и руки на широкий каменный подоконник. Прическа, сделанная больше суток назад, растрепалась, тёмные волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Не было желания ни приводить себя в порядок, хоть для этого в её темнице и были все условия, ни даже просто поесть, хотя тарелки сами по волшебству наполнились едой, а в золотом кубке, которым она пыталась разбить окно, теперь темнела какая-то жидкость. «Может, яд?» — с тоской подумала женщина и сделала большой глоток. Нет, это оказалось густое, терпкое вино. «Ну, хоть напьюсь...» Джоан подошла к окну и устремила взгляд на проплывающие облака. «Тоскливо и... страшно. Это только дураки не боятся. Что хорошего можно ждать от этого человека, если у него *такой* сын? Конечно, младший Малфой мог пойти

характером не в отца, а скажем, в прабабушку... Чего я себя успокаиваю? Ясно же, меня не в гости пригласили. Так, девочка, думай. Для чего ты могла понадобиться этому белобрысому волчаре? С целью выкупа?» Джоан сразу же отмела эту мысль, как абсурдную. Малфой, судя по всему, сказочно богат, а она бедна, как церковная мышь. Да и некому заплатить за неё выкуп. Родители умерли. Братьев, сестёр не было. Мужа или постоянного молодого человека — тоже. Так, было несколько коротких интрижек, ничем путным не окончившихся, но всё это в прошлом... В качестве сексуальной игрушки, слава Богу, блондина она не интересуется. Что же ещё? У неё ничего больше нет... Кроме жизни...

Джоан стало зябко. Она почувствовала, как смерть накрыла комнату чёрным зловонным саваном. Смерть стояла у неё за спиной, обдавала шею хриплым ледяным дыханием, не позволяя ни обернуться, ни пошевелиться. Смерть жила в этой комнате, в её древности и роскоши, в складках тяжёлого пыльного бархата, в неподвижном, душном, наполненном густыми, странными запахами холодном воздухе...

«Может быть, это какая-то секта, вроде сатанистов, и они хотят принести меня в жертву?.. Не знаю... Я не спросила у Северуса, придерживаются ли волшебники какой-либо конфессии...»

Северус... Это имя больно резануло по сердцу. Умереть сейчас, только повстречав человека, которого она полюбила по-настоящему! Это же так нелепо, так обидно! Сейчас, когда её жизнь, наконец, изменилась!

Пожалуй, если бы её заперли в этом замке несколько недель назад, до встречи с Северусом, она бы не переживала *так* за своё будущее. Хотя, кто знает? Жизнь — она одна, умирать никому не хочется. И потом, что она в этой жизни видела? Кому она нужна? Ни семьи, ни друзей. Как она вообще умудрилась дожить до двадцати восьми лет, так и не завязав ни с кем близких отношений? У неё просто талант к одиночеству. Вот девчонки на работе, тоже с личной жизнью проблемы, но у них у всех подруги. Пойдут, поплачутся друг дружке, изо льют душу, и всё опять ОК. А она так не может. Хочется, правда, иногда... Но как чужому человеку открыть то, сокровенное, что у тебя на душе? Нет уж, лучше одиночество. «Да и потом... если честно, Джоан, ведь ты не любишь людей...» «Не всех, — поправила она саму себя. — Я люблю Северуса Снейпа».

«Се-ве-рус — имя, как музыка. Холодное, но согревает сердце... Может, и на этот раз он меня спасет...»

«Размечталась, как же! Дуре скоро тридцатник, а всё принца ждёшь на белом коне. Так все и кинулись тебя спасать! Надо было выходить за Гарольда Бишоп, когда он тебе предлагал, не тряслась бы сейчас здесь от страха, а была бы женой владельца магазина канцелярских товаров. Теперь уже всё, поздно пить Боржоми! Крашенная курица Мэгги Страйз из отдела поставок вовремя подсуетилась, и теперь она миссис Маргарет Бишоп, ей не надо ходить на эту дурацкую работу — как я от неё устала, и она целыми днями важная, как индюшка, дефилирует по центральному парку с детской коляской... Джоан, будь честна хоть сама с собой. Ты ей просто завидуешь... Да, я знаю, этот кретин Бишоп тебе до лампочки. Но ты же всегда хотела семью, детей... А теперь тебя убьют, и вместе с тобой погибнут дети, которых ты могла бы родить в будущем...»

«А как бы я хотела стать матерью детей Северуса... Впрочем, что это я кисну? Успокойся, дурочка. Пока ещё рано себя хоронить. Может быть, ещё всё хорошо кончится. Чем ныть, лучше воспользуюсь здешней ванной и отведаю блюд местной кухни. Даже если удастся отсюда благополучно выбраться, вряд ли ещё когда-нибудь доведётся поесть с золотых тарелок».

Джоан прошла в ванную комнату. Сама ванна и стены были из розового мрамора, пол — из чёрного. Краны были из золота. Вообще, обилие в интерьере этого благородного металла уже начало порядком раздражать девушку. Похоже, хозяйка замка кичилась своим богатством. На мраморной полке, тянущейся вдоль ванны, Джоан обнаружила огромное количество разных баночек и бутылочек с всевозможными шампунями, маслами, морской солью, пенами и бальзамами. Открыв краны и раздевшись, женщина огорчённо посмотрела на своё отражение в высоком, от пола до потолка, зеркале в золотой (опять!) раме. «Круцио», мягко говоря, не красит женщину. Всё тело в ссадинах, синяках и кровоподтёках. На левой ноге длинная, через всё бедро, красная опухшая царапина. «Зря мой родственничек рассыпался в благодарностях персоналу. Что-то не вижу следов трогательной заботы о моей персоне. Могли бы хоть зелёной царапину обработать».

Лицо выглядело не лучше. Бледное, усталое, под глазами тёмные тени. На нижней губе запеклась кровь. Наверное, она прокусила её, корчась от боли, когда её пытали эти подонки.

Тёмно-каштановые, почти чёрные волосы спутались и спадают на грудь длинными лохматыми космами. «Неудивительно, что блондин пришёл в ужас, представив меня в своей постели. Кстати, я же ничего не говорила вслух! Похоже, он умеет читать мысли... Хорошо, что при нём я не думала о Северусе. Надо будет следить за своими мыслями в его присутствии. Надеюсь, он не может узнавать их на расстоянии». Почему-то Джоан решила, что об их отношениях с Северусом Снейпом человеку по имени Люциус Малфой лучше ничего не знать.

* * *

Мастер зелий тщательно спланировал свою «спасательную миссию». Похищение Джоан Димпл из Малфоевского замка намечалось на ночь тех самых суток, когда он узнал от самого Малфоя об ожидающей её участи.

Снейп наложил на себя заклятье дезиллюменции, а на свою метлу — чары невидимости и аппарировал в поместье Малфоев, где ему раньше часто приходилось бывать. Мастер зелий специально выбрал этот поздний час. Заклинание делало его невидимым, а малозаметным — таким человеком-хамелеоном. Профессору совсем не хотелось быть обнаруженным при попытке проникновения в замок «соратника по борьбе». Тёмнота обеспечивала ему надёжное прикрытие, по крайней мере, на улице. Ночь подарила своему рыцарю ещё одно преимущество: в окнах замка горел свет, и снаружи было отлично видно, что происходит в комнатах.

Снейп оседлал свою невидимую метлу и начал облёт замка с самой высокой башни, по очереди заглядывая во все окна. Он молился только, чтоб Малфой не догадался упрятать девушку в подземелье, это значительно затруднило бы поиски.

Мастер зелий обследовал уже почти все окна. Некоторые, правда, были темны, и их приходилось освещать с помощью волшебства, что было весьма рискованно, но до сих пор Снейпу везло.

Не обнаружив нигде Джоан, он уже обдумывал, как лучше проникнуть в обширное подземелье замка, которое тянулось под всем поместьем на многие сотни метров и вглубь насчитывало несколько этажей, как вдруг заметил в освещенном окне первого этажа знакомую тонкую фигурку. Сердце дрогнуло, сбившись с обычного ритма, — она показалась такой родной... Девушка стояла у окна и смотрела куда-то вдаль. Профессор резко спикировал и оказался напротив. Джоан, не заметив, глядела сквозь него в чёрное ночное небо. Губы сжаты, на бледном лице горят тёмные глаза, сухие, без единой слезинки.

Снейп произнёс заклинание, и оконное стекло, разделяющее их, исчезло. Подумав, что Джоан от неожиданности может закричать, он быстро направил на неё палочку и, прошептав: «Силенцио», влетел в комнату. Очевидно, девушка почувствовала движение воздуха, которое он вызвал, к тому же из открытого окна в комнату струей хлынула ночная прохлада. Джоан, насторожённо озираясь, просунула руку в пустой проём и со страхом и восторгом ощутила, что стекла больше нет. Как кошка, она молниеносно вскочила на высокий подоконник, оттолкнулась ногами, но чьи-то сильные руки схватили её и удержали от прыжка. Девушка испуганно закричала, но не услышала собственного голоса. Она принялась отчаянно вырываться, изо всех сил колотя, царапая и лягая своего противника. Тот и не пытался её утихомирить, только крепко держал, обхватив за колени, не давая броситься в чёрный провал.

— Полагаю, сейчас не самый подходящий момент для самоубийства.

Узнав голос, Джоан снова беззвучно вскрикнула, но дёргаться перестала и недоумённо уставилась на мастера зелий — ей никогда не приходилось видеть, чтобы человек перенимал цвет окружающих предметов.

Снейп подхватил её на руки и снял с подоконника. Она доверчиво прислонилась к его груди, глаза светились от счастья.

— Ты мне столько синяков наставила, за месяц не пройдут, — проворчал мастер зелий, но в голосе угадывалась нежность.

Джоан озорно улыбнулась, похоже она не чувствовала за собой никакой вины. Её приоткрытые губы уже тянулись к его, словно рядом с этим мужчиной опасности не существовало в принципе. Но Снейп был другого мнения. Мягко, но настойчиво отстранив девушку, он помог ей устроиться на метле. Джоан села позади своего спасителя, крепко обхватив его за пояс руками. Мастер зелий оттолкнулся от холодного мрамора пола мрачного замка Люциуса Малфоя, и невидимая метла с тихим свистом растворилась в чернильной глади ночного неба. Напоследок маг послал замку прощальный взмах палочкой, и оконное стекло вновь заняло своё законное место, только теперь в нём зияла огромная дыра, а многочисленные осколки

Глава 9. Пленница.

устилили землю внизу и подоконник. Пусть дружище Люциус напрягает мозги, гадая, как магле удалось разбить стекло, несмотря на его заклинания!

Глава 10. Полеты.

God in his wisdom made the fly
And then forgot to tell us why.

Ogden Nash

Они летели уже два, а то и три часа. Время тянулось томительно долго. Из-за темноты земля внизу выглядела ровной чёрной пустыней, и беглянке казалось, что они не летят, а висят в воздухе на одном и том же месте. Джоан была недалеко от истины: «Нимбус» под двумя седоками тащился медленно и низко. Иногда путников резко бросало в сторону или внезапно кидало вниз, словно метла была подвешена на пружине, которая то растягивалась, то вновь сжималась. Картину полёта довершал шквалистый ледяной ветер, не иначе как поклявшийся Люциусу Малфою сбросить беглянку наземь.

Джоан мёрзла, её бил озноб, мышцы свело от напряжения и усталости — она изо всех сил старалась не упасть. Колени её сжимали метлу, а руки судорожно вцепилась в мастера зелий. Впрочем, если тому и было больно, он ничем этого не выказывал.

От одного взгляда вниз Джоан мутило, и начинала кружиться голова — как можно крепче зажмурившись и закусив губу, она уткнулась лицом в спину профессора — тёплую, сильную и надёжную, дающую в этом свистящем и кружащемся бедламе иллюзию безопасности. Джоан с детства боялась высоты, а, тем более, такой: когда смотришь не из окна небоскрёба и не из иллюминатора авиалайнера, а барахтаешься в чёрной пустоте, из последних сил цепляясь за невидимую опору, отданная на растерзание стихиям.

Погода продолжала портиться, ветер усилился, небо стягивали со всех сторон громадные чёрные тучи: метла неслась навстречу грозовому фронту. Впереди сверкали молнии, а спустя некоторое время за ними следовали приглушённые расстоянием раскаты грома. Интервалы между вспышками и грохотом неумолимо сокращались, а гремело всё страшнее, ближе и громче. Они летели уже в самом центре грозы. Ледяные струи лупили по лицам, с первобытной яростью секли двоих затерявшихся среди взбесившегося пространства людей, осмелившихся бросить вызов земному притяжению. Обезумевшая вода, казалось, вознамерилась смыть их с небес, будто раздражающее грязное пятно. Промокшая отяжелевшая одежда облепила тела, уже не защищая от пронизывающего ветра, а лишь, наоборот, усиливая ощущение холода.

Внезапно ослепительно-белый кривой меч молнии сверкнул прямо над головой Джоан, объяснив ей, что такое Армагеддон, и тут же раскатом прогрохотал оглушительный взрыв. Как обезумевшая от страха кошка, не помня себя, женщина со всей силы вонзила ногти в тело своего попутчика. Снейп побледнел от боли и сильнее стиснул зубы. В то же мгновение профессор ощутил, что его больше никто не держит, и почувствовал в горле комком застрявший липкий тошнотворный ужас. Резко остановив метлу, боковым зрением он заметил стремительно падающее тёмное тело.

Снейп резко спикировал вниз: «Быстрее!» Никогда раньше он не мчался с такой скоростью, и никогда полёт не казался ему настолько медленным. Чувство было такое, будто он застрял в банке с клеем и не может продвинуться ни на миллиметр. Но, к счастью, это было только ощущение. Через секунду Северус поравнялся с девушкой, которая камнем летела навстречу гибели, разжал руки, держась за древко только коленями, и втащил Джоан на метлу. От нового ускорения «Нимбус» дёрнулся в сторону, резко завертелся, попал в воздушный вихрь и потерял управление. Падая, девушка потеряла сознание, и было почти невозможно одной рукой держать тяжёлое обмякшее тело, а другой выравнивать взбесившееся транспортное средство. Ко всем бедам добавлялось ещё и то, что из-за темноты, последовавшей за очередной ослепительной вспышкой, мастер зелий утратил ориентацию в пространстве и летел наугад, рискуя в любой момент врезаться в землю. Молния прочертила зигзаг по небу, как ученический мел по чёрной доске, белый свет просиял всего лишь на секунду, но Снейпу хватило этого, чтобы выровнять метлу, несущуюся прямо на скалы. Просвистев в дюйме над острым утесом, «Нимбус» с треском врезался в заросли колючего кустарника, сбросив двоих седоков на твёрдую неласковую землю.

* * *

Снейп поднялся на ноги и огляделся. В нескольких шагах без движения лежало тело Джоан. «Мертва», — с непонятно откуда взявшейся уверенностью подумал он. Доводы рассудка, говорящие, что прежде надо хотя бы проверить пульс, не могли пробиться к усталому сознанию.

Он чувствовал себя опустошённым. Всё зря, бесполезно, ему не удалось перехитрить судьбу. Джоан погибла, как погибали до этого все, кто его любил... Всё кончено... Ни одной связной мысли...

...Да, и что теперь? Возвращаться в Хогвартс? А она? Точнее, её тело? Глупый вопрос, конечно, везти с собою...

Действуя, как в бреду, всегда такой рассудительный и логичный, Северус Снейп огляделся в поисках метлы.

...Какой идиот! Конечно же, она заколдована, на ней чары невидимости...

Маг пробормотал контрзаклинание, и обнаружил метлу торчащей из кустов в нескольких шагах от него. Как лунатик, медленно, Снейп побрёл к ней, но, не дойдя, остановился, сражённый собственной мыслью. Ведь он хотел и к Джоан применить дезиллюминацию, чтоб сделать её незаметной, но в спешке позабыл. Но если б не эта оплошность, то не заметил бы падающего тела, пусть даже его освещали бы сотни молний. И не сумел бы тогда поймать её...

Что-то произошло, щёлкнуло в сознании, профессор вышел из транса и, бросившись к Джоан, лежащей на камнях без признаков жизни, припал ухом к груди.

...Так и есть! Какой же он кретин, а ещё упрекает студентов в тупости!.. Она жива! Взял руку, нащупал пульс, сосчитал удары. Коснулся волшебной палочкой впадинки у горла и произнёс заклинание.

Прошло несколько секунд, в течение которых ничего не происходило, но они показались мастеру зелий дольше года. Затем Джоан открыла глаза. Взгляд был какой-то мутный, видно, не до конца ещё пришла в себя. Снейп тихо выругался: «Она же не может меня видеть!» Стукнув себя палочкой по голове, пожалуй, несколько сильнее, чем надо, мастер зелий почувствовал, как к нему возвращается привычный вид.

Джоан приподнялась на локте и посмотрела на мужчину. Увидев, как она беззвучно открывает рот, словно выброшенная на берег рыба, Снейп, тихо выругав себя во второй раз, заклинанием вернул девушке способность говорить. «Мерлин, что со мной происходит? Не могу удержать в голове элементарные вещи... Хотя, если б не моя забывчивость, этой девочки уже не было бы в живых...»

Снейп наклонился к Джоан и помог ей встать на ноги. Вероятно, от слабости, она прислонилась к нему и обхватила за шею. Девушка что-то прошептала беззвучно, словно заклятие немоты всё ещё действовало. Мастер зелий прислонил ухо и разобрал тихое, чуть слышное: «Северус». Мягкие губы нежно коснулись его мочки. Под рёбрами бешено застучало, словно заточённая в клетку рёбер птица рванулась навстречу свободе. Джоан прижалась к нему всем телом, зарывшись руками в мокрые длинные волосы, приблизила к себе бледное лицо, поцеловала тонкие, синие от холода губы и, заглянув в глаза, уже не смогла оторваться — потеряла себя на дне чёрных омутов. Снейп молча обнял её. Джоан тихо застонала. Потoki льющейся воды окатывали их, но двое людей этого не замечали: время плавно огибало их фигуры, перетекая из чёрной скорбной земли под их ногами в грозное чёрное небо, навстречу дождю и вечности. Джоан казалось, что она снова летит в пропасть, и во всей Вселенной нет ничего сладостней и прекрасней этого падения.

Глава 11. В Хогвартсе.

Покликаешь — морщится,
Обнимешь — топорщится...
Н. Гумилев

С восходом солнца, высушив с помощью магии одежду и позавтракав, мастер зелий и его подопечная поспешили в Хогвартс. Профессор сделал их обоих незаметными, так как возвращаться пришлось при свете дня. На этот раз он посадил её на метлу впереди себя и придерживал всю дорогу.

Приземлившись в безлюдном тихом уголке за воротами, Снейп приказал девушке молчать и осторожно, избегая ненужных встреч, повёл к замку.

* * *

Решение спрятать Джоан в Хогвартсе далось ему нелегко. Девушке продолжала грозить опасность: Малфой не смирится с поражением и предпримет всё, чтобы разыскать и наказать её. Скорее всего, магловский адрес Джоан Люциусу уже известен: данные о ней должны были знать в больнице св. Мунго, а вытянуть нужную информацию из персонала для Малфоя — пара пустяков. Других вариантов, кроме Хогвартса, у Снейпа не было.

Поселить девушку в штабе Ордена Феникса? Но профессор не хотел, чтобы о Джоан знал весь Орден, одного Дамблдора более чем достаточно. Помимо этого, по завещанию Сириуса Блэка, дом на площади Гриммо перешёл к его крестнику. А чтобы Северус Снейп просил о чем-то Поттера? Нет, это уж точно противего правил.

В замок, к котцу? То-то старикашка обрадуется магле. Преданный почитатель Волдеморта, он не встал в ряды Упивающихся, лишь благодаря привычке осторожно выжидать и преклонному возрасту.

* * *

Очутившись на территории школы, Джоан сразу почувствовала себя неуютно. Уродливые развалины вызвали гнетущее беспокойство, вспомнилось, что в Глазго осталась гора незавершённых дел. Желание бежать прочь, куда глаза глядят, нарастало с каждым шагом. Наконец, когда напряжённость отталкивающих сил достигла предела, она остановилась, чувствуя, что ещё шаг — и помчится назад со скоростью курьерского поезда.

Снейп нетерпеливо потянул спутницу за рукав малфоевской мантии, в которой та бежала из замка Люциуса, но Джоан ничего не могла с собой поделаться — ноги словно приросли к земле. Она испугалась, что профессор рассердится на неё, абсолютно не догадываясь, что попала под действие антимягловских чар, наложенных на земли Хогвартса. Зато Снейп это понял. Ни слова не говоря, он крепко взял девушку за руку и медленно повёл за собой, наблюдая за её реакцией по тому, как сжимается или расслабляется её кисть. Джоан зажмурилась, опасаясь, что вот-вот случится нечто страшное. Но ничего не происходило. Идти за руку оказалось гораздо легче, словно часть сил профессора передавалась ей.

Чтобы не споткнуться, девушка открыла глаза, и тут же закусил губу, сдерживая удивлённый возглас: им навстречу неторопливо двигался трехметровый великан, похожий на большую бочку, увенчанную лохматой черноволосой головой. В огромных ладонях гигант бережно, как младенца, держал странное ярко-алое существо, напоминающее помесь собаки и летучей мыши.

Снейп стремительно дёрнул Джоан в сторону, и, пока они пережидали, вжавшись спинами в ствол огромного клёна, девушка, воспользовавшись возможностью, с ужасом и восхищением жадно разглядывала великана и его маленького питомца.

Наверное, интерес спутницы к персоне Хагрида профессору не понравился: он резко с силой сжал её пальцы, Джоан вздрогнула от боли, но не проронила ни звука, лишь ощутила на прокушенной нижней губе солоноватый вкус крови. Жгучая обида захлестнула её. За что? Что она такого сделала? Уставилась на великана? Можно подумать, каждый день их видит!

Видимо, вследствие размолвки поток энергии, перетекавший из ладони профессора и поддерживавший Джоан, иссяк. Теперь Снейпу приходилось тащить её за собой, как на аркане. Помимо того, что антимягловские чары снова стали давить на женщину, мешая приблизиться

к школе, в ней самой вспыхнуло поистине ослиное упрямство, открыв дремавший до того мощный источник сил. Она уперлась ногами в землю, а свободной рукой ухватилась за тонкий ствол молодой яблони, кстати подвернувшейся на пути. Профессор дернул её за руку, но безуспешно. Воспользовавшись секундным замешательством с его стороны, Джоан высвободила вторую руку и крепче вцепилась в несчастное дерево. Теперь все попытки оторвать её от яблони были обречены на неудачу. Женщина держалась за неё, как лев за добычу, как мать за дитя, как гоблин за свои галлеоны.

Проклиная в душе девушку, её матушку, себя и тот день, когда чёрт пересёк их дорожки, Снейп достал волшебную палочку, произнёс заклинание окаменения и, взвалив тяжёлую ношу на плечо, направился в замок.

* * *

На счастье, было слишком рано, коридоры пустовали, ученики ещё не вышли из спален, и мастер зелий добрался до своего жилища незамеченным. Так как Хогвартские профессора не только работали, но и жили в замке, то у каждого из них были личные помещения. Апартаменты Снейпа находились над подземельем, прямо над его рабочим кабинетом, туда вела потайная, спрятанная в толще стены лестница. Квартира профессора не поражала воображение роскошью и размером. Две комнаты: спальня и гостиная, в которой Снейп никогда не принимал гостей. Если необщительному профессору и приходилось с кем-то беседовать, то он пользовался рабочим кабинетом. Помимо тайной лестницы, в квартиру мастера зелий можно было попасть из коридора Бедовой Брунгильды: если повернуть правый рог на шлеме изваяния древней воительницы и назвать пароль, то в каменной кладке за спиной у статуи появится дверь.

Туда-то и лежал путь профессора зельеварения. Поворот рога на голове древнегерманской фурии, пароль: «львиная печень», и Снейп, толкнув дверь в свои покои, наткнулся на спокойный взгляд Альбуса Дамблдора. Тот приветливо улыбнулся вошедшему из-под неизменных очкополовинок, словно заклинание дезиллюменции не служило для него помехой. Можно было подумать, старик уже давно с нетерпением поджидал профессора и его спутницу. Недовольный присутствием директора, Снейп не торопился его приветствовать. Сначала он опустил окаменевшую девушку, испепелявшую его гневным взглядом, в кресло, вернул ей и себе нормальный вид и лишь затем сухо, но подчёркнуто вежливо поздоровался. Дамблдор, похоже, не заметил, что ему не рады. Улыбнувшись так радушно, что и Санта-Клаус бы позавидовал, он направил палочку на девушку и произнёс: «Ad Oculos». Заговорщицки подмигнув декану, от чего тот скривился, как от лимона, Дамблдор выразил надежду, что мисс Димпл понравится в Хогвартсе. Простодушно пожаловавшись на нехватку свободных помещений, директор попросил Снейпа временно уступить гостье одну из своих комнат, напомнил, что новую обительницу замка никто ни при каких условиях не должен видеть и, кивнув на прощание, вышел.

Когда темно-синяя, усыпанная серебряными звездами мантия волшебника исчезла за дверью, Снейп подошёл к Джоан. Он ожидал, что гостья начнёт возмущаться, кричать или строить из себя смертельно обиженную, но девушка, казалось, забыла о его бесцеремонном поведении.

* * *

Джоан, и вправду, пребывала в некотором шоке. После того, как Северус одержал над ней верх в высшей степени подлым и бесстыжим приёмом, в результате которого она не могла пошевелить и пальцем, девушке больше ничего другого не оставалось, кроме как наблюдать за происходящим, благо заклинание не лишало её этой возможности. Хотя смотреть особо было не на что. Возможно, археолог и заинтересовался бы этой древней рухлядью, но Джоан, молодую служащую из Глазго, не привлекали ни полуразрушенные стены, ни угрюмые пыльные камни, свидетели истории Шотландии. От места веяло дряхлостью и запустением. Боже, куда он идёт? Может, все маги — психи? Не лучше ли было остаться в замке Малфоя? Во всяком случае, тот выглядел поновее. А как он её несёт? Да какое там — несёт, разве так носят? Тащит! Вот подходящее слово. Перекинув через плечо, как мешок с картошкой!

Наконец, Снейп, до того неумоимо шагавший по бесконечному пустому каменному лабиринту, остановился и опустил Джоан на землю. Тут же она почувствовала, как снова обретает нормальный облик и власть над телом. Обрадовавшись этому маленькому подарку, девушка не сразу заметила удивительного старика. Снежно-белые с серебром, до пояса, волосы и борода. Чудная мантия, похожая на маскарадную, диковинные очки. Но самым

примечательным в незнакомце были глаза: яркие, цвета весеннего неба, по-юношески молодые, и, одновременно, полные глубокой мудрости. Джоан, как зачарованная, глядела в лицо волшебника, черпая в ласковом взгляде силу и спокойствие.

Маг, улыбнувшись, коснулся её палочкой, и Джоан, не взирая на горький опыт, почему-то ни капли не испугалась. Она доверяла незнакомцу так, будто знала его всю жизнь и ничего кроме подарков от него не получала. Волшебник произнёс непонятные слова, и Джоан, как со скалы в океан, окунулась в мир магии. Нет, не руины — комната, хотя и не такая, как в обычных людских домах. Чем-то похожа на ту, в которой держал её Люциус Малfoy, только меньше и на порядок скромнее. «Интересно, — подумала она, — что же настоящее — то, что я вижу сейчас, или то, что я видела до этого?» Отчаянно хотелось, чтоб настоящей оказалась всё-таки эта уютная комната. Джоан так была захвачена новыми ощущениями, что не заметила, как седобородый старец ушел, оставив их с Северусом одних.

* * *

Джоан осторожно принялась разглядывать Снейпа. Её спутник выглядел не лучшим образом. «Ночное приключение с похищением прекрасной (мда...) пленницы, гонка в грозу на выживание с полетами на метле и с метлы, плюс незабываемая задержка в пути (о!)... Как бы поделкатнее намекнуть, что ему нужно принять душ и переодеться?.. А я? Боже! На кого тогда похожа я?!»

Мучимая чисто женским тщеславием и терзаемая скорбными мыслями о своей внешности, Джоан и думать забыла об обиде. Хотя, парализованная, трясаясь на плече у Снейпа, она лелеяла планы страшной мести и репетировала слова возмущенной речи, всё это было отодвинуто, стоило ей только взглянуть на себя, — вся в грязи, мантия изодрана. «Неужели я так ничего и не скажу?.. Может, поэтому среди выдающихся полководцев нет ни одной женщины? — вздохнула Джоан. — Самая важная битва подождёт, пока не будут вымыты волосы... Впрочем, Жанна д'Арк... Ах да, в итоге её сожгли на костре...»

Снейп легко обошелся без намёков. Начисто позабыв о всякой галантности, он, взяв из шкафа комплект чистой одежды, молча прошёл в ванную и запер за собой дверь. Шум льющейся воды вывел женщину из ступора: «Мог бы и меня вперед пропустить...» К счастью, долго обижаться Джоан не умела.

Маясь вынужденным бездельем, девушка принялась разглядывать комнату: не аскетичная, но и лишённая кричащей роскоши, выдержанная в темно-зеленых тонах, Джоан там сразу понравилось. В огромном камине, куда легко мог бы поместиться взрослый человек, весело танцевало пламя. Почувствовав, как сильно она замёрзла, Джоан приблизилась к огню. «Старик разжёл», — девушка испытала тепло признательности к незнакомцу. Эта мысль словно прорвала какую-то внутреннюю плотину, и Джоан разрыдалась, лишь сейчас ощутив, что только что чудом избежала смерти. Лавиной нахлынули недавнее отчаяние, противный липкий страх и горячая волна любви и благодарности к спасшему её человеку.

Успокоившись, она задумалась о том, как держать себя с Северусом. Колдун ничего не говорил о своих планах относительно неё. Что он собирается делать? Проводить до дома? (Надеюсь, на этот раз без метлы). Оставить здесь? (А что, неплохой вариант!) Или просто, пожелав удачи, выставить за дверь, взяв обещание не соваться больше, куда не следует?

«Хотя, *этот* может и *так* выставить, без всяких там пожеланий удачи, — подумала Джоан. — Станный он, всё-таки, человек. То кажется, что любит больше жизни, а то ведет себя так, будто я не пришей кобыле хвост...»

Дверь ванной комнаты отворилась, и на пороге показался мастер зелий, свежий, подтянутый, чёрная роба застёгнута на все пуговицы, словно и не мотался всю ночь неизвестно где.

Джоан захотелось броситься к нему, обнять, прижаться щекой к твёрдому, надёжному плечу и благодарить, благодарить за всё, что этот большой и сильный человек сделал для неё... Плакать у него на груди... Целовать эту тонкую белую руку...

Холодный и строгий взгляд остановил её, возведя невидимую преграду, как в замке Малfoя, когда Джоан пыталась разбить стекло. Женщина отшатнулась. Глядя в сторону, Снейп бесстрастно произнёс:

— Одежду вы найдёте в этом шкафу, надеюсь, на первое время моя мантия вас устроит. Позже я посмотрю, что можно будет сделать, но модных нарядов не обещаю.

Джоан возмущённо фыркнула: в эту минуту она меньше всего думала о модных нарядах. Профессор растолковал её фырканье по-своему: медленно повернул голову и посмотрел

на женщину долгим тяжёлым взглядом. Разочарование с оттенком презрения. Секунда, и черный смерч исчез за дверью.

Оторопевшая Джоан не сразу пришла в себя. Что она сделала не так? Как убедить этого непонятого человека в том, что она его любит? Непонятого... Может, надо для начала его понять?

Женщина подошла к двери, за которой минуту назад скрылся профессор, и слабо её подергала. Заперто. «Ну вот. Новая тюрьма». Она распахнула шкаф, который указал Снейп, и рассмеялась: вся одежда в нём была исключительно чёрного цвета.

Лёжа в беломраморной профессорской ванне, Джоан вернулась мыслями к этой загадке: обычно, если люди предпочитают какой-то определённый цвет, в их гардеробе все равно есть и одежда других цветов. А у Северуса — нет. Это странно, необычно. Может, чёрная ткань и язвительные реплики нужны, чтобы никто не разглядел под ними *другого* Снейпа? Того, кто навещал её в больнице. Того, чьи надежные заботливые руки удерживали её от прыжка в окне малфоевского замка... Джоан знала, какими нежными они могут быть, если позволит их владелец... А губы? Ведь не всегда они так неприступны, так презрительно сжаты... Неужели, чтобы увидеть ответное чувство в глубине угольно-чёрных глаз, обязательно нужно находиться в смертельной опасности? Джоан вспомнила, как у моря она видела выброшенных волнами на берег моллюсков. Ранимое, мягкое существо прячется за твёрдыми створками раковины. Вот и Северус, похоже, так же скрывается от мира за панцирем язвительности. Какой соблазн для женщины попытаться разбить эту скорлупу, вытащить на свет божий его истинную сущность... Вот только стоит ли это делать? Устрицы без раковины погибают...

Глава 12. Новые заботы.

И вечный бой! Покой нам только снится...

А. Блок

Снейп пришёл только к окончанию завтрака, когда половина преподавателей уже успела покинуть Большой Зал. МакГонагалл встретила его появление подозрительным взглядом из серии «неусыпная бдительность». Кажется, старая гриффиндорка стала перенимать черты поведения мистера Моуди. И неудивительно, обычно профессор зельеварения никогда не позволял себе опаздывать.

Директор, наоборот, был само радушие. Собственноручно передал Северусу блюдо с пирожками. А этот ставший визитной карточкой директора взгляд, полный заинтересованного участия, от которого лицо зельедела перекашивала кислая гримаса!..

Профессор перевёл взгляд на стол Слизерина, и на душе просветлело — вот где обрадовались его приходу. На лицах ребят, украдкой поглядывающих на своего декана, читалось облегчение. Вероятно, не увидев его сидящим на привычном месте, они решили, что факультет постигли новые неприятности.

Другие столы не разделяли воодушевления слизеринцев. Похоже, многие надеялись, что вредный профессор заболел, а ещё лучше умер или, на худой конец, уволился. Скользя взглядом по столу Гриффиндора, профессор заметил, что Поттер за ним наблюдает. Его захлестнула волна ярости: Снейп вспомнил, как в прошлом году наглый мальчишка залез в его воспоминания. Залез, как вор! И увидел, как его, Северуса Снейпа, унижает чёртов Джеймс Поттер! Наверное, гордится сейчас своим папашей... «золотой мальчик»...

Снейп, не глядя, быстро покидал в рот какой-то салат. С сомнением оглядев предложенный директором пирожок, откусил и оставил лежать на тарелке. С повидлом. А кто бы сомневался? Чашка чёрного кофе, и можно идти. Первая пара у Слизерина и Гриффиндора. До начала ещё минут двадцать, можно пойти к себе... Нет, лучше в учительскую. Нужно подготовиться к уроку.

Если появление декана за завтраком немного развеяло напряжение, царившее в Слизерине, то на занятиях они сидели как пришибленные. Места Малфоя, Крэбба и Гойла пустовали. Гриффиндорцы же были явно возбуждены. Уизли после встречи в лесу не хотелось пересекаться со Снейпом, поэтому он усиленно делал вид, что поглощён уроком. Поттер тоже внимательно переписывал с доски порядок приготовления оглуляющего зелья, но маска усердия на его лице не могла обмануть профессора. Грейнджер, действительно сосредоточена на работе, но она такая всегда, чтобы ни случилось. Мастер зелий поморщился: эта студентка чем-то напоминала ему Минерву МакГонагалл. А вот её однокурсникам явно не хватает самообладания.

— Десять очков с Гриффиндора. Финниган, вы пришли на занятия, чтобы шептаться с Томасом? Хотите поделиться важной информацией? Ну так расскажите всему классу, — Снейп сложил руки на груди и буравил Симуса презрительным взглядом.

Раздался громкий всплеск. Это у Невилла, до судорог боявшегося профессора, выпал из руки учебник и угодил прямо в котел.

— Лонгботтом, — вкрадчиво прошипел зельедел, выуживая с помощью волшебной палочки книгу из кипящего бурого варева.

Невилл в испуге опустил глаза, на лбу выступили бисеринки пота. Гарри гневно посмотрел на профессора, но того это только позабавило. Не обращая на Поттера никакого внимания, Снейп насмешливо прошелестел в сторону сжавшегося Лонгботтома:

— Двадцать очков с Гриффиндора. Не знаю, как вы собираетесь учиться по этой книге дальше, — профессор брезгливо ткнул палочкой в безобразное месиво, в которое превратился учебник Невилла. — Впрочем, такому, как вы, книги нужны только для того, чтобы колоть ими орехи.

Гарри сжал кулаки, Снейп развернулся к нему лицом и с усмешкой встретил яростный взгляд мальчишки. Профессор словно говорил: «Ну, и что же ты мне сделаешь, знаменитый Гарри Поттер? Может, ударишь?» Гарри стиснул зубы и отвернулся. Как же он ненавидел этого мерзкого, желчного, злобного... Рон закашлялся и пихнул его локтем в бок: над котлом поднимался густой едкий дым. Но, может, ещё не поздно исправить? Гарри всыпал щепотку

Глава 12. Новые заботы.

крылышек малярийного комара, и чад немного развеялся. Приготовление зелье требовало максимальной сосредоточенности, поэтому он заставил себя не думать о Снейпе и его подлостях.

* * *

Покинув после уроков подземелье, Снейп направился в учительскую, где и столкнулся на пороге с выходявшей Минервой МакГонагалл. Лицо женщины приняло соболезнующее выражение, лишь морщинки, лучиками разбежавшиеся от уголков рта, выдавали лукавство.

— Северус... — гриффиндорка сочувственно вздохнула, но глаза весело поблёскивали. — Позвольте мне выразить своё сожаление. Это так неприятно, что трое ваших студентов не смогут выступить в матче...

Женщина сделала паузу. Лицо профессора осталось непроницаемым. Она хочет увидеть его реакцию? Он не доставит ей такого удовольствия. Пустым взглядом Снейп смотрел в лицо МакГонагалл, молча ожидая продолжения, и оно не замедлило последовать.

— Надеюсь, они скоро придут в норму. Поппи говорит, что случай очень трудный. Но в Мунго очень опытные специалисты, у них все получится... Директор просил передать, что сегодня потребуется ваше присутствие в больнице. Туда прибудет представитель от министерства, они хотят снять с мальчиков письменные показания... У Малфоя появились руки, — пояснила она.

И добавила:

— Фадж, похоже, сильно беспокоится о бедном Драко.

— Ну не всё же только о Поттере беспокоиться, — прошелестел профессор с издевкой. Пусть Драко маленький негодяй, но он слизеринец, а своих Снейп не даст в обиду какой-то там гриффиндорке. Наказывать студентов Слизерина — привилегия их декана.

Проводив взглядом удаляющуюся спину Минервы, он коснулся было двери, но передумал и быстрыми шагами направился к кабинету директора.

* * *

Альбус Дамблдор ждал его. Серебряные приборы, книги, пергаменты и даже любимец директора Фоукс — всё потеснилось на край стола ради круглого расписного подноса с чайником, заварником, чашками и прочей всячиной. Одну из чашек украшала розовощёкая смеющаяся рожица, другую — мрачная, бледная, с выгнутым скобкой ртом. Над чаем поднимался пар. В голубой вазочке высилась гора разноцветных конфет.

Профессор с неодобрением окинул взглядом уютный натюрморт и задержался на мрачноликой чашке. Дамблдор с радушной улыбкой протянул ему вторую, веселую, но Снейп отказался.

— Северус, садитесь, — разворачивая конфету, директор наблюдал за ним из-под пушистых белых бровей. — Минерва передала вам мою просьбу?

— Да.

— Понимаете, Северус, может статься, что в этой истории замешаны наши студенты...

Снейп выразительно фыркнул.

— Я знаю, что вы подумали. Но если это Гарри, нам тем более не нужно, чтобы министерство об этом узнало. Там и так у многих на него зуб.

Снова фырканье. Директор поднялся из-за стола. Он больше не походил на простодушного доброго старичка, лицо выражало силу и непреклонность.

— Северус, вы отправитесь в больницу и сделаете так, чтобы в министерстве ничего не узнали, — возражений директор не ждал, да их и не последовало.

Снейп молча кивнул и исчез за дверью, хлопнув мантией.

* * *

В палату, где лежали Крэбб, Гойл и Малфой, его провожала круглая целительница с жидкими светлыми волосами. Она суетливо семенила, пытаясь забежать впереди профессора, и всю дорогу не закрывала рта:

— Ну надо же! Подумать только! Такие милые славные дети! Особенно молодой мистер Малфой! — женщина кудохтала, не переставая. — Так похож на моего племянника Джефа! И кто так постарался? Вот и отправляй после этого деток в школу! Среди бела дня, в Хогвартсе! А я так доверяла Альбусу Дамблдору! Думала: уж где-где, а там ребятам будет безопасно! Я же

не говорила? У меня дочке через год будет одиннадцать. Ну, как тут не волноваться, когда с детьми происходит такое! А моя Мариса совсем дитя, не сможет за себя постоять! Десять лет, а не может заснуть без своего мишки. Представляете? И как она будет там без меня одна?

Не имея возможности заткнуть ей рот какой-нибудь тряпкой, профессор только скрежетал зубами в надежде на то, что какой-нибудь из многочисленных портретов, висящих на стене, сорвётся и навсегда прекратит словоизвержение этой жирной курицы. К счастью, они уже пришли к нужной двери, и необходимость убивать целительницу отпала.

Снейп успел первым, министерских ещё не было. Малфой с товарищами представляли собой жалкое и комичное зрелище, гриффиндорцы, будь они тут, повеселились бы вволю. Юбочки, правда, стараниями врачей исчезли, но шляпки были на месте и даже ничуть не увяли. Но на всех по-прежнему было только три. Зато наследник Люциуса мог похвастаться парой передних конечностей, а у его товарищей вместо них по бокам торчали какие-то бугорки: наверное, зачатки будущих рук.

— Драко, как ты себя чувствуешь? — Снейп склонился над Малфоем.

— Му-у... — жалобно простонал слизеринец.

— Говорить можешь? — профессор уже знал ответ.

— Му-у — все трое замотали головами.

— Это Поттер?

Снейп видел, как напряглись их шеи в тщетной попытке кивнуть.

— Вы можете просто закрыть глаза в знак согласия. Попробуем еще раз. Это Поттер?

Малфой так старался, что аж покраснел от натуги. Выпученные глаза налились кровью, казалось, ещё чуть-чуть — и выскочат из орбит. Но опустить веки слизеринцу так и не удалось.

— Ну, ну, Драко... Довольно.

Голова парня бессильно откинулась на подушку, смяв край грибной шляпки. Профессор смотрел, как напряжение медленно оставляет его: устало опустились ресницы, красные пятна на щеках уступали место привычной бледности. Очевидно, заклинание, полученное им, было не из простых. Что ж, это лишь облегчает задачу. Осталось проверить, сможет ли Драко воспользоваться пером и пергаментом...

Но Снейп не успел. Дверь широко отворилась, и в комнату вошел Корнелиус Фадж, сопровождаемый Персивалем Уизли. Недовольный тем, что Снейп его опередил, он бросил в сторону профессора сухой кивок и поспешил к постели Малфоя.

Снейп отметил про себя повышенное внимание министра к этому, по сути, незначительному делу. Во всяком случае, применение непростительного заклятия по отношению к магле не вызвало у Фаджа личной заинтересованности.

Меж тем, министр был сама доброта и сочувствие. Присев на краешек кровати, он похлопал Драко по плечу и ободряюще улыбнулся:

— Ничего, Драко, потерпи. Мы всё быстро уладим. Воспринимай это как небольшие дополнительные каникулы.

По лицу Драко было не понятно, обнадёжили его слова министра или нет. Фадж пошарил рукой в глубине элегантного кожаного несессера и извлёк оттуда небольшой бумажный пакет, покрытый масляными пятнами. Стараясь не запачкать рукав дорогого темно-серого костюма, он протянул его Малфою.

— Моя жена беспокоится, спрашивает о тебе. Вот, передала пирожки.

Драко брезгливо взял пакет, но, вспомнив, что перед ним министр, попытался придать лицу выражение благодарности.

Рыжий чиновник всё это время молча стоял в сторонке, сохраняя полнейшую невозмутимость. Один только профессор заметил, как блеснули торжеством его глаза при виде Малфоя.

Тем временем министр достал из своего несессера чистый пергамент, перо и чернильницу. Разложив всё это на табурете перед Драко он ласково произнёс, хотя ноздри его трепетали от нетерпения:

— Драко, нужно, чтобы ты написал, кто на вас напал. Ты же хочешь, чтобы мы их наказали?

Как просияли глаза под белой перепончатой шляпкой! Ещё бы Драко не хотел! О, как сладка месть! Прощайте, Уизли и Поттер! Теперь-то вас наверняка выгонят из школы! Следующая встреча будет на ваших похоронах!

Снейп напрягся, нащупывая в кармане волшебную палочку. «Даже если Малфой и не знает, кто его заколдовал, все равно свалит на Поттера. Нет, не может не знать, Поттер не напал бы со спины», — профессор поморщился.

А Драко, не теряя времени, уже что-то писал. Снейп, зажав в руке палочку, просчитывал варианты. «Кроме меня, здесь пятеро. Всем изменить память? Сейчас — невозможно. С Фаджем и Уизли я один легко бы справился. Мальчишки беспомощны, но они успеют поднять шум. Лучше подождать, пока эти двое выйдут, пойти за ними и со спины незаметно наслать заклинание, потом вернуться в палату и проделать то же с сопляками...»

Профессор, внимательно наблюдавший за Фаджем, заметил какое-то замешательство. Малфой в ужасе отбросил перо, словно оно внезапно превратилось в ядовитую змею. Фадж выдернул у него из руки пергамент и поднес к глазам. Лицо его вытянулось. Рыжий Уизли не утерпел и заглянул министру через плечо. Хитрые глазки молодого чиновника злорадно блеснули.

Пряча в кармане руку с зажатой палочкой, профессор приблизился к Фаджу. Бровь Снейпа изогнулась, а пальцы разжались. Изящным почерком Драко Малфоя на пергаменте было начертано: «Мумумумуму».

Глава 13. Сомнения.

Даже если жизненный план человека определён другими людьми или в какой-то степени обусловлен генетическим кодом, то и тогда вся его жизнь будет свидетельствовать о постоянной борьбе.

Э. Берн

Выйдя из ванны, Джоан еле нашла в себе силы добрести до кровати, свалилась на неё и тут же уснула.

Проспав весь день, она встала голодная как волчица и очень обрадовалась, обнаружив на письменном столе поднос с едой.

Расправившись с обедом, а, может, ужином, Джоан заскучала. Она огляделась в поисках какого-нибудь занятия. Может, убраться в комнатах? Надо же чем-то платить за гостеприимство. Но в её помощи здесь явно не нуждались: на тёмно-красном ковре, покрывавшем каменный пол спальни, ни пылинки.

Почитать книжку? Тем более, что здесь их не меньше, чем в публичной библиотеке. Но с книгами тоже оказалось непросто. Половина названий была на латыни, часть — на греческом, еврейском, арабском, некоторые Джоан и вовсе не могла определить. Английские книги были не лучше. Одни рассыпались от ветхости, и девушка опасалась к ним прикасаться, памятуя о нелёгком характере их владельца. Другие были хоть и на английском, но написаны таким причудливым шрифтом, что Джоан ничего не могла разобрать.

Наконец, она отобрала для себя несколько книжек. Учебник зельеварения для первого класса, томик сонетов Шекспира, справочник по защитным заклинаниям и новенький, видно, недавно купленный «Путеводитель по миру маглов». Шекспира она пока отложила — никуда не убежит, захочет перечесть — тут он, под рукой. А на труды по магии набросилась жадно. Ещё бы! Сейчас ей откроются все секреты волшебства. Ну, или почти все.

«Путеводитель» вызвал наибольшее любопытство. Интересно, каким себе маги представляют обычный мир? Наверное, какие-нибудь выдумки? Оказалось, нет. Книга была написана весьма толково, реалистично, а потому — скучно. Нормальные люди в книжке обзывались маглами, но всё остальное было тоскливо привычным: электричество, средства связи, транспорт, органы власти, контроль за правопорядком... Джоан зевнула. Надо было лететь на метле в зачарованный замок, чтобы читать про британские телекоммуникации... Она уже хотела было закрыть книгу, когда обратила внимание на любопытный заголовок. «Различия между магами и маглами». Джоан жадно окунулась в чтение.

...Так вот в чём дело!.. Слабая надежда, теплившаяся в душе, угасла, оставив горький привкус разочарования. Была, была у Джоан грешная мысль, что она тоже сможет выучиться колдовать. Ан нет, одной волшебной палочки, оказывается, мало. Книги книгами, а магию ей никогда не постичь. Магом надо родиться. А она, если верить «путеводителю», — магла.

Справочник по защитным заклинаниям окончательно убедил, что в плане колдовства ничего не светит, и Джоан отправила его скучать на полку.

А вот последняя книжка оказалась гораздо интереснее. Приготовление зелий, по крайней мере простейших, не требовало волшебной палочки. По сути, этот предмет напоминал химию в средневековом обличье. Ах, да! Была же такая наука, или лженаука, — алхимия. Лицо Джоан загорелось от возбуждения. Надо же! Никакой магии, а какой результат! Есть тут, конечно, и ерундовые зелья, вроде средства от головной боли. Но остальное обычными магловскими таблетками не заменишь! Джоан поймала себя на слове «магловские» и рассмеялась. Вот как? Выходит, она уже приняла терминологию этого мира? И даже смирилась с тем, что она — магла? Смирилась, это точно. Джоан почувствовала волнение. С этой книгой можно научиться готовить настоящие волшебные зелья, и не надо при этом быть волшебницей! От радости она запрыгала по комнате, но внезапная догадка заставила её замереть на месте. Нет, не может быть: чересчур просто! Вдруг она, всё-таки, ошиблась, и из этой затеи ничего не выйдет? Джоан судорожно перелистывала страницы, внимательно вчитываясь в чёрные строчки и шевеля губами...

Ну вот — этого она не заметила: под котлом разжигают магический огонь с помощью волшебной палочки...

Всё рухнуло!.. А сколько надежд успело родиться в эти счастливые пять минут в этой глупой голове... Хотя... Стоп! Почему сразу — рухнуло? Пусть магический, но всё равно — огонь. И задача у него та же, как у обычного, не волшебного, которого так не любят пожарники. Пламя нагревает котел. Возможно, температурой магического огня легче управлять, но регулировать обычное пламя тоже можно. Особенно, если есть подходящая техника. Как в духовке: поставишь на регуляторе нужную температуру и дальше можно не беспокоиться...

* * *

Пока Снейп, вращаясь волчком в камине, летел из Мунго в Хогвартс, ему в голову пришли два важных соображения относительно безопасности Джоан: камин и карта Мародёров. В первом случае всё просто: надо отключить свои каминные от сети. А вот с картой сложнее. Во-первых, на ней видно всех обитателей Хогвартса. Во-вторых, она находится у Поттера. Вряд ли, конечно, мальчишка обратит внимание на какую-то Джоан Димпл. Но Поттера не может не заинтересовать присутствие посторонней в комнатах «любимого» учителя. «Тем более, — с сарказмом подумал профессор, отряхивая от копоти длинный подол мантии. — Поттер наверняка ищет мою фамилию на карте чаще других».

Получалось, что Снейпу грозит ещё одна вылазка в гриффиндорскую башню. «Это становится привычкой», — он мрачно усмехнулся и запер за собой дверь учительской.

Профессор решил не откладывать неприятную миссию. Время дорого. Кто знает, когда Поттеру взбредёт в голову разглядывать карту? План прежний: за неимением мантии-невидимки — заклинание дезиллюминации. Пароль мог остаться прежним. Хотя, после пропажи метлы, гриффиндорцы, скорее всего, его поменяли. Если, конечно, они не полные идиоты. Тогда опять придётся подслушивать. Вспомнив прошлый раз, Снейп поморщился и ускорил шаг. Но ничего не поделаешь: другого выхода всё равно нет. На всякий случай, надо попробовать со старым паролем, сегодня же. Осталось только дожидаться ночи.

До отбоя было ещё несколько часов. Профессор мог пойти к себе, но не стал этого делать. Что-то его удерживало.

Сделав попытку проанализировать свои чувства, он понял, что боится встречи с Джоан. Снейп не знал, как себя с ней держать. Привычная ледяная холодность в её присутствии выглядела неуместно.

...Снова, как в лесу, рассказывать о чудесах магического мира? Теперь, когда она будет спать в соседней комнате, это будет просто нелепо.

...Касаться её волос, вдыхать их медвяный запах, чувствовать трепет льнущего горячего тела, как тогда, во время бури? Кажется, Джоан именно этого и ждёт...

Профессор коснулся рукой горла.

...Но в тот раз верх взяли эмоции. Опасность, которой подвергалась Джоан, страх за неё покачнули стены, которые он возводил годами, но не разрушили их...

Мастер зелий свернул в тёмный безлюдный коридор.

...Он не привык быть нежным. Не привык о ком-то заботиться. И не привык принимать чужую заботу. А именно этого, кажется, Джоан и жаждет. Заботиться о нём...

Коридор раздваивался, и профессор свернул наугад в узкий неосвещённый проход.

...Нет. Этого-то, как раз, он и боялся. Что кто-то станет кудахтать над ним, окружать уютом, кормить пирожками с повидлом...

Снейпа передёрнуло. Воображение упорно продолжало рисовать картины будущей жизни.

...Вот Джоан протягивает ему вместо чёрной мантии пиджак магловского покроя цвета медного купороса... Вот она с хлопком закрывает его книгу и требует, чтобы он пошёл подышать свежим воздухом... Вот со скрещёнными на груди руками и взглядом Медузы Горгоны требует ответа, где это он так долго пропадал, и чем это там занимался...

Коридор неожиданно кончился. Где-то здесь наверняка должен был быть замаскированный выход, но профессор не помнил, где.

...А еще он боится показаться смешным....

Он, никогда никого не любивший... Почти.

Он — немолодой, желчный, крючконосый, некрасивый, сальноволосый, едкий... Ну? Какой еще?..

Он, когда-то так кичившийся своей длинной родословной...

Он — в роли любовника? Любовника маглы?..

Снейп коснулся рукой холодного шершавого камня. Даже в темноте пальцы выделялись безжизненной бледностью.

...Ладно сознаться самому себе, что душу готов отдать за один её мизинец... Но сознаться ей?!

Джоан и так уже всё поняла, но ждёт, когда он сам это скажет...

Снейп стоял во мраке коридора, прислонившись к стене. Затылок упирался в твёрдый острый выступ, холодные камни вытягивали из тела тепло. Он этого не замечал. Наоборот, лоб и виски покрывала испарина, будто профессора мучила лихорадка.

...Если тогда, в грозу, всё произошло естественно, то здесь, в стенах Хогвартса, он наедине с Джоан испытывал неловкость...

Снейп провел ладонью по лицу, убирая непослушные волосы, но они лишь плотнее закрыли лицо.

...Не хватало только, чтобы об этом кто-то узнал... А директору, разумеется, как всегда, всё известно. Нарочно попросил приютить Джоан. «Нет комнат». Как же! Да в этом замке столько комнат, сколько грехов на совести Тёмного Лорда! И ещё: директор словно ждёт от него чего-то. И Джоан тоже ...

Снейп тряхнул головой, отбрасывая с лица пряди. Движение вышло излишне резким, и затылок врезался в камень.

...Он же спас её, чего им ещё надо?! Доказательств, что злобный, презрительный, желчный тип может любить?! Так может ведь. Разве мало доказательств?..

Дамблдор собирается выступить в роли свахи?..

«Какой, к черту, свахи! Ведь я же не могу жениться, о Джоан вообще никто не должен знать!..»

Снейп не заметил, как сполз по стене вниз, теперь он сидел на полу, положив ладони на согнутые колени и запрокинув голову вверх.

...А любит ли Джоан на самом деле? Возможно, она очарована придуманным ею образом?.. Жизнь казалась серой и скучной, а он был первым волшебником, не причинившим ей зла... Или причинившим?..

Из горла вырвался хриплый стон. Ещё один камень на совести.

...Возможно, Джоан перенесла на него ожидание чуда, нарисовала себе героя... А узнав ближе, непременно разочаруется... К тому же она переполнена благодарностью... Но любовь ли это?..

Снейп закрыл лицо ладонями.

...Полюбит ли Джоан его настоящего: тяжёлого и мрачного, с тёмной душой и чёрным прошлым, с грузом смертных грехов и грязью старых обид?.. Ему самому невыносимо тяжело с собой. А каково будет ей?..

Руки бессильно упали, длинные волосы полностью скрыли лицо.

...Она пожалеет. Горько пожалеет о своём выборе. Джоан разочаруется...

Он этого не допустит!..

Снейп вскочил на ноги.

...Пока не поздно, остановиться. Пойти к директору и настаивать, чтобы тот отселил Джоан...

Летящая мантия хлопала за спиной.

...Пока не поздно...

* * *

Директора у себя не оказалось.

Профессор спустился в подземелья, в свой кабинет. Сел в кресло, вытянул к огню усталые ноги. Рука потянулась к столу за книгой, но на полпути передумала и упала. Мастер зелий бессильно откинул голову на спинку кресла. Глаза закрылись.

Длинные пряди чёрными ручейками стекали на высокий белый лоб. Северус Снейп спал.

Глава 14. Сорока-воровка.

История знает, прямо скажем, превеликое множество рассказов о коварстве.

М. Зоценко

Троснулся профессор зельеварения уже глубокой ночью. Самое время, чтобы проникнуть в гриффиндорскую башню.

Снейп произнёс нужное заклинание и заскользил по замку, как дементор в кошмарах Поттера. До портрета Полной Дамы в Розовом он добрался без происшествий. Пароль, что удивительно, остался прежним. В голову закралось нехорошее подозрение, но мнение профессора о гриффиндорцах было настолько низким, что он списал всё на их беспросветную тупость.

До сих пор Снейпу везло. Но везение не может тянуться бесконечно, в чём профессор и не замедлил убедиться.

Стоило ему пролезть в круглую дыру за портретом, сразу же грянул оглушительный марш, гостиная осветилась яркими разноцветными огнями, с грохотом и дымом взорвались десятки хлопушек. Профессор ошарашено заморгал глазами, страстно желая убедиться, что всё это — бред, но взгляд, нечаянно скользнув по руке, наткнулся не на ткань рукава, а на чёрные и белые перышки перья.

Как тигр, Снейп метнулся к выходу, но сзади что-то цепко держало за мантию. Профессор рванулся вперёд, потерял равновесие и рухнул на пол.

Тут же он услышал громкие голоса, хлопанье дверей и топот множества бегущих по лестнице ног.

Снейп в панике обернулся и увидел, что ему помешало. Это был длинный сорочий хвост, зацепившийся за ножку стола. Блестящий, роскошный хвост — может, в другое время профессор бы и полюбовался. Но хуже всего было то, что хвост, судя по всему, принадлежал самому Снейпу.

Профессор вскочил как ужаленный, подобрал рукою хвост и ринулся в проём.

Видит Бог, никогда ещё Северус Снейп не летел по Хогвартсу с такой скоростью. Он бежал бы и быстрее, но чёртов хвост сильно мешал. Сзади догоняли. Пустынные коридоры гудели от стука шагов. Профессор нёсся так, как не нёсся бы, спасая свою жизнь. На его стороне были отчаяние и более длинные ноги, на их — молодость, желание отомстить и хорошо поразвлечься, а также отсутствие избыточных частей тела.

Топот раздавался всё ближе, расстояние между гриффиндорцами и их учителем неумолимо сокращалось.

В отчаянии профессор рванул на себя ближайшую дверь, метнулся в пустой класс и замер, хватая ртом воздух и держась за сердце. По звуку Снейп определил, что преследователи не разгадали его манёвра и промчались мимо.

Профессор достал палочку и, вернув себе нормальный вид, покинул убежище. Его враги ни с чем возвращались назад. Снейп перегородил им путь. Мантия зловеще очерчивала его высокую фигуру. Лица в темноте не было видно, и хорошо, а то бы гриффиндорцы заметили, что оно куда бледнее обычного.

Мальчишки вывернули из-за угла и остолбенело уставились на своего учителя, застывшего посреди коридора ужасным изваянием, подобно каменной статуе Командора, явившейся мстить Дон Жуану.

— Томас, Финниган, Уизли. Поттер, — последнюю фамилию профессор намеренно выделил. Голос звучал лениво и вызывал в памяти вкрадчивое шипение змеи, собравшейся в пружину для смертоносного броска.

Симус невольно поёжился.

— ...Ночью. В пижамах. Бегаете по замку. — Снейп шагнул вперёд. Гриффиндорцы попятнулись.

— Уизли, вы, как староста, очевидно, показываете пример? — профессор сделал паузу, и в наступившей тишине все услышали, как Рон нервно сглотнул.

— Думаю, ваш декан, профессор МакГонагалл, изменит своё мнение о вас, когда узнает обо всём.

Снейп эффектно помолчал.

— Каково это: быть первым Уизли, лишённым звания старосты?

Гарри заметил, как друг вздрогнул: наверняка, представил реакцию своей матери на это известие. Но профессор уже переключил внимание на него:

— Мистер Поттер.

Пауза.

— Конечно, как же без вас... И, конечно, у вас есть веская причина находиться здесь в это время...

Снейп зловеще замолчал.

— Прежней славы стало уже не хватать...

Гарри почувствовал, как загорелось лицо, и подумал, как глупо он, должно быть, выглядит: красный, со сжатыми кулаками, в нелепой полосатой пижаме. От этого ненависть к Снейпу стала ещё сильнее.

Тот словно прочёл его мысли, и голос наполнился ещё большим злорадством.

— Может, вы гнались за Тёмным Лордом, а я вам помешал?

Он вызывающе посмотрел на Гарри, тот скрипнул зубами, но сдержался.

— Пятьдесят очков. С каждого.

Не дав им опомниться, профессор добавил:

— И неделя отработки у мистера Филча.

Он резко развернулся и огромной летучей мышью полетел прочь от застывших в шоке гриффиндорцев.

* * *

Возвращение было ужасным.

Гостиная кишела народом. Ребята возбужденно галдели, нетерпеливо поджидая Поттера и компанию. Девочки выглядели как всегда опрятно. А вот мальчишки, подскочив среди ночи, оделись кое-как. Кто накинул мантию на пижаму, кто надел брюки, но позабыл рубашку, а один первоклассник и вовсе зевал, завернувшись в одеяло. Понятно, что только гриффиндорское чувство локтя мешало ему вернуться назад, в тёплую постельку, досматривать сны.

Музыка немного стихла, но всё ещё можно было различить за гулом голосов бравурную торжественную тему. Хлопушки уже кончили взрываться, но весь пол был усыпан конфетти и маленькими разноцветными конфетками, вроде магловских монпансье. Маленький Денис Криви как раз набивал ими карманы, когда дверь беззвучно отворилась, и любопытным взорам предстали понурые лица и фланелевые пижамы четырёх друзей.

Не говоря ни слова, они мрачно последовали в свою спальню. Гермиона Грейнджер, с тревогой следившая за ними, не удержалась и нерешительно пошла следом. Сзади с совершенно убитым видом ковылял Невилл.

И так было понятно, что вора не поймали, но не могло же только это довести ребят до такого состояния! Они выглядели так, будто только что получили повестку немедленно явиться к Волдеморту.

Гермиона заглянула Рону в глаза. Тот не отвёл взгляд, понимая, что без объяснений она не уйдёт.

— Мы напоролись на Снейпа.

— Не может быть! — Гермиона смутилась, поняв, что сморозила глупость. Ей, такой умнице, это было вдвойне стыдно, так что больше она не перебивала.

Рон был настолько погружён в себя и свои переживания, что вообще ничего не заметил.

— Он снял с Гриффиндора двести баллов.

У Гермионы волосы чуть не встали дыбом, но она смолчала.

Голосом, лишённым всяких намёков на жизнь, Рон продолжал:

— С каждого по пятьдесят баллов. Итого двести.

Парень помолчал, глядя в пол.

— Мы не видели убежавшего, было слишком темно. Бежали на звук шагов. Слишком увлеклись и упустили. Наверное, он куда-то свернул, а мы не заметили.

Гарри, не пожелавший принять участие в разговоре, лёг на кровать и натянул одеяло по самые уши. Симус Финниган и Дин Томас тоже легли, явно намекая на то, что и Гермионе пора «бай-бай».

Гермиона же боролась между желанием пожалеть Рона, утешить, сказать, что тот не виноват в том, что фортуна повернулась спиной, с каждым бывает, и не менее сильным желанием высказать, как она была права, и нечего было ночью в пижамах бегать по школе и вообще устраивать эту дурацкую затею с западнёй для слизеринцев.

Но Рона, кажется, в данный момент совсем не интересовала реакция Гермионы. Ему просто надо было выговориться. А, может, Рон тоже хотел, чтобы Гермиона поскорее ушла, и потому рассказывал ей это всё: чтобы отделаться, а вовсе не потому, что она его друг. И тем более не потому, что...

— Заглянули в ближайшие двери, но там никого не было. Пошли обратно. А дальше ты уже знаешь. Завернули за угол и чуть не столкнулись со Снейпом. Этот гад вырос, как из-под земли. Будто нарочно нас караулил. Снял очки с факультета и дал неделю отработки у Филча.

Рон, видимо, сочтя рассказ оконченным, лёг в постель и завернулся в одеяло.

Гермиона подождала с минуту, но Рон и все остальные старательно притворялись спящими. Лишь Невилл, сидя на краешке кровати, рассеянно мял подушку. Девушка развернулась и пошла к двери. Ох, как же нелегко было у неё сейчас на душе. И даже не из-за того, что Гриффиндор в минуту потерял все шансы на победу в межфакультетском соревновании...

Рон не окликнул её, но Гермиона всё равно оглянулась. Каким же он выглядел несчастным! И ведь наверняка думает, что для неё ничего важнее нет, чем оценки, экзамены, баллы. И что она должна сейчас ненавидеть его... Как же хотелось пригладить рукой непослушные рыжие вихры... Зачем Рон так страдает? Зачем мучает себя? Добрый рыжий мальчишка...

Гермиона осторожно прикрыла за собой дверь, постояла с минуту, прижавшись лбом к тёплому дереву, и медленно пошла вниз, о чём-то тревожно размышляя.

Как там сказал Рон? «Будто нарочно караулил?»

* * *

Снейп мчался по запутанной паутине хогвартских коридоров, подобно чёрному смерчу. Стыд, жгучий, непреодолимый стыд жёг его изнутри. Стыд и негодование. На Поттера с его извращённым чувством юмора. На себя, прошедшего огонь и воду и так глупо, неосторожно угодившего в детскую ловушку. Почему, обнаружив, что пароль оставлен прежним, не принял мер предосторожности? Ведь почуял же что-то недоброе, но сам себя и успокоил. Дескать, гриффиндорцы — полные кретины, чего от них можно ждать?

Снейп стремительно свернул вправо и врезался в темноте в стоящего неподвижно человека. Опешив, профессор быстро пробормотал извинения:

— Директор? Простите. Я, кажется, вас нечаянно задел, — Снейп хотел было идти дальше, но Альбус Дамблдор решительно удержал его за руку.

— Ничего страшного, Северус. Честно говоря, я знал о вашем приближении, но не ожидал, что оно будет столь стремительным, — директор добродушно улыбался, потирая ушибленное плечо.

Мастеру зелий в эту минуту меньше всего хотелось вести душеспасительные беседы с Дамблдором. Но тот и не думал его отпускать. Сделав безуспешную попытку осторожно высвободить руку, Снейп покорно переспросил:

— Знали?

— Да, Северус, знал, — Дамблдор мягко улыбнулся бывшему ученику. Темнота учтиво спрятала ответную гримасу профессора.

— Не правда ли, удобная вещь? — директор протянул декану лист пергамента и подсветил его волшебной палочкой.

Снейп увидел план Хогвартса. Тонкие живые линии отмечали лестницы, классы и коридоры. Башня Гриффиндора. Поттер там. В спальне. Там же и остальные мальчишки. И Грейнджер с ними. Это в три-то ночи!

— Карта Мародёров? — полувопросительно-полуутвердительно обронил зельедел.

— Да, да. Она самая, — Альбус Дамблдор ласково прикоснулся к пергаменту. — Чудесная работа, замечательное волшебство, — пробормотал он, обращаясь непонятно к кому.

Снейп поморщился. Он знал, чья это работа.

— Взгляните, Северус: вот тут вы стоите, тут я, — указательный палец директора коснулся украшенной изящными завитушками собственной фамилии. — Правда, прелесть?

Профессор в ответ буркнул что-то нечленораздельное.

— Я вчера попросил её у Гарри, — директор не замечал странного волнения Снейпа. — И он любезно согласился мне её одолжить.

Альбус Дамблдор прищурился и в задумчивости покачал головой:

— Хорошо помню тот год, когда эта карта появилась в Хогвартсе. Вы, Северус, были одним из лучших студентов курса, а в зельях вам вообще не было равных...

Снейп буравил собеседника взглядом, не в силах дожидаться, когда же он, наконец, кончит нести ахинею.

— Мне почему-то подумалось, Северус, что будет спокойнее, если я отдам эту вещицу вам на хранение.

Директор протянул пергамент декану:

— С условием, что в случае необходимости вы мне её вернёте.

Профессор недоверчиво взял свиток из рук Дамблдора. Тот отчески улыбнулся ему и направился к лестнице.

— Да, Северус, — негромко добавил он, обернувшись. — Вам не мешало бы почистить одежду.

Профессор вздрогнул, но всё-таки посветил себе палочкой и увидел на сгибе рукава блестящее чёрное перо.

Глава 15. Сюрпризы.

Магнитная стрелка, непреодолимо влекомая к северу, подобна мужу, который блюдет законы.

Не будь портных, — скажи: как различил бы ты служебные ведомства?

К. Прутков

Только проводив взглядом директорскую спину, профессор вспомнил о своём намерении требовать выселения Джоан. Но, так как подходящий случай был упущен, а проводить остаток ночи в кресле ему не улыбалось, Снейп, скрепя сердце, отправился в свои апартаменты.

В тайне надеясь, что девушка уже видит десятый сон, а утром он успеет уйти до того, как она проснётся, профессор беззвучно отворил дверь.

Джоан подняла на него глаза. Она сидела, забравшись с ногами в просторное кресло, завернутая в мантию Снейпа. На коленях лежала раскрытая книга. От этой уютной картины у профессора защемило в груди. Сможет ли он когда-нибудь, видя эту комнату, не представлять в кресле тонкую фигурку Джоан? Зачем сам отталкивает своё счастье? Разве кому-то нужна его жертва?

Джоан с сонной грацией переложила книгу на письменный стол и поднялась навстречу Снейпу. Она так и светилась искренней радостью, и было совсем непохоже, чтобы магла собиралась в чём-то его упрекнуть.

Профессор встретил её взгляд: мягкий, любящий, нежный и уловил в нём тревогу. Выходит, Джоан волновалась за него и специально не ложилась, ждала, когда он придёт.

Снейп стиснул зубы. Ну не хочет он, чтобы кто-то за него беспокоился. Тем более, Джоан. Профессор нахмурил брови. Видеть на её лице тревогу и быть тому причиной... А еще хуже — жалость. Вдруг ей придёт в голову его жалеть? Профессор почему-то представил громко рыдающую Молли Уизли с хлюпаньем сморкающуюся в огромный клетчатый носовой платок. Нет, нет и нет! Он уже решил: всё отмотать назад! Директор явно подстроил ему западню. Хочет устроить в замке уютное семейное гнездышко, навроде Норы, а на роль голубка и голубки выбрал декана Слизерина и магловскую девчонку. Превосходное сочетание! Жаль, никто не оценит юмора! Нет, старик, и вправду, — сумасшедший! Пусть и Джоан, и Дамблдор заодно, слизеринский ублюдок найдёт в себе силы держать девчонку на расстоянии, для её же пользы, да и для собственного спокойствия.

— Добрый... вечер.

«Хотя, — подумал он. — Скорей уж, доброе утро».

— Добрый вечер. А я весь день проспала, а теперь вот спать совсем не хочется...

Она замолчала.

— Рад за вас. Мне повезло меньше. Надеюсь, вы не будете возражать, если я лягу?

Джоан отметила про себя, что Северус снова перешёл на «вы».

— Нет, конечно. Спокойной ночи, — она последовала в свою комнату, но в дверях задержалась. — Можно, я только один вопрос задам?

— Ну?

— Я хочу научиться варить зелья...

Профессор опешил. Такого поворота он не ожидал.

— Бред! — резким движением он швырнул мантию на стул, а сам опустился в кресло, в котором только что сидела Джоан.

— Ну почему же? — вкрадчиво начала магла. — Может быть, у меня получится. В школе я изучала химию, а это похоже...

— С чего вы взяли?

«Упс... — подумала Джоан. — Вот мы и вернулись к тому, с чего начали. Его голосом можно тоник охлаждать».

— Я ни в чём не уверена. Я прошу только попробовать, — примирительно сказала она. — Я взяла из вашего шкафа книгу. Надеюсь, вы не против?

— Не против чего? — язвительно перебил профессор. — Дайте сюда, что за книга?

— О, — он пробежал глазами по титульному листу и усмехнулся. — Вы первый человек на моей памяти, которого вдохновил учебник зелий за первый класс. Наверное, такое рвение должно быть вознаграждено. Но у меня нет времени, чтобы с вами заниматься. Мне с лихвой хватает обязанностей декана, преподавателя и... всего остального.

Джоан просияла. Противник почти капитулировал.

— Но со мной вовсе не обязательно заниматься. Если это — детский учебник, я как-нибудь разберусь. Просто мне нужно... ммм... оборудование... — она робко заглянула профессору в глаза.

«Да, да, да! Ну же, соглашайся!»

Снейп задумался: «А что? Кажется, неплохая идея. У неё будет занятие...»

— Хорошо. Я научу вас, как спуститься в мой кабинет. Но вы пообещаете ничего там не трогать, кроме того, что я вам дам, — профессор представил развороченный взрывом кабинет, осколки его любимых баночек с маринованными существами, рассыпанные и испорченные ингредиенты... Зачем он только согласился? Пусть она лучше осквернит его могилу, это будет меньшим ударом.

— Ладно. Я позанимаюсь с вами, — процедил он сквозь зубы.

Другого пути спасти свою «малую родину» не представлялось.

Джоан ликуяще вскрикнула, чмокнула профессора в щёку и скрылась в своей спальне.

Снейпу это очень не понравилось. Всё подтверждало его догадку, что девушка увлеклась им только из-за интереса к магии. Слишком легко она переключила своё внимание с него на... Бедный учебник, метко брошенный сердитым профессором, просвистев через всю комнату, угодил прямо в камин. Страницы сразу же занялись, и через несколько секунд от кладезя знаний осталась лишь кучка пепла. Видела бы это мадам Пинс — ни за что бы не поверила. Никто, кроме неё, во всём Хогвартсе не обращался с книгами так бережно, как профессор Снейп.

* * *

Джоан вовсе не хотела спать, но всё равно легла на кровать, так как больше заняться было нечем.

...Это, конечно, здорово, что Северус будет учить её зельям. Но как быть с остальным? Во-первых, как долго она здесь пробудет? И на каких правах? И зачем вообще Северус притащил её сюда? Что-то на влюблённого он мало похож...

Джоан вздохнула.

...Опять навоображала себе невесть что... Ведёт он себя так, словно не чаёт, как от неё избавиться. Только этого не хватало — становиться ему обузой! Почему он привёз её сюда, а не домой? А что с её работой? Уволят! Как пить дать, уволят!.. Надо будет обо всём этом завтра расспросить...

Джоан и не заметила, как уснула.

* * *

Профессору не спалось. Попробуй, усни, когда и часа не прошло, как сорочий хвост отвалился! И директор, без сомнения, обо всём догадался. Какой позор! «Мерлин, за что ты меня так не любишь?» А в придачу, в соседней комнате на его кровати лежит молодая женщина. Желанная и манящая. Любимая. И он обещал себе никаких... хмм... личных отношений...

...«Интересно, было ли у неё что-нибудь под мантией?»

...«До чего неудобный диван!»

...«Нет, уснуть, точно, не удастся!»

— Ацио.

Огромный ветхий фолиант, на который указал профессор, медленно поплыл с верхней полки ему в руки. «Тайны древних волхвов. Зелья, основанные на крови». Небрежно пролистал. Он хорошо помнил содержание, но, на всякий случай, проверить надо. Нет, ничего похожего. Так, может, эта? «Приготовление зелий в чёрной магии». Нет. «Кровавые обряды старины»? Нет. «Эликсиры бессмертия»? Ну, это вообще — полнейшая чушь, если б не пиетет к книгам, давно бы выбросил... Что ещё? «Зелья востока» — нет. «Тёмные кудесники» — нет. «Старинные яды» — тоже ничего! Малфой так и сказал, что в книгах рецепта нет... Но хоть намёки какие-то быть должны? Не сам же он это зелье придумал? Люциус, конечно, не дурак, но на такое он вряд ли способен...

Впрочем, есть ещё запретная секция библиотеки и личное собрание Дамблдора, нужно будет поискать там...

* * *

Новый день порадовал хогвартцев чахоточным осенним солнышком. И малышня и семикурсники — все высыпали на улицу, рассчитывая получить свою долю ласки от давно не показывавшего носа светила. Гостиная Гриффиндора была пуста, как голова после каникул. В желтоватом свете, льющемся из наполовину зашторенного окна, лениво кувыркалась стая пылинки.

Из спальни шестикурсников раздавались громкие крики. Голоса принадлежали двум подросткам, третий, с побледневшим лицом, молча стоял, уставившись в пол.

— Если б Невилл не запнулся за собственную ногу и не перегородил своей тушей дверь, эта слизеринская сволочь никуда бы от нас не сбежала! — Рона переполняла злость.

Полный темноволосый подросток выглядел как побитая собака, он ничего не сказал в своё оправдание: похоже, думал так же.

— Рон, отстань от Невилла, какая теперь разница, кто виноват? — Гарри уже надоело оттаскивать друга от Лонгботтома. — Что ты так психуешь, будто это конец света?

— Ах, значит, психую, да?! Вот как ты заговорил?! Радуюсь, небось, что меня значка старосты лишили?! — Рон обрадовался случаю обратить гнев с безответного Невилла на Гарри.

— Рон! Ты уже достал! Нет! Не радуюсь! Просто пытаюсь достучаться до твоей тупой башки, что во всём виноват Снейп! Снейп, а не Невилл!

— Так, значит, тупой?!

Гарри в ответ издал нечленораздельное рычание, которое можно было истолковать как «Мерлин, за что?!»

— Что здесь происходит? — дверь от резкого толчка распахнулась, и в комнату влетела Гермиона. — Вы с ума посходили? Ваши вопли, наверное, в подземелье слышно!

Рон обиженно засопел.

— Тебе хорошо говорить, ты даже носа из своей спальни не высунула. Отсиделась там! А МакГонагалл обещала сову послать родителям! — парень опять сорвался на крик.

Гермиона холодно посмотрела на него:

— Мне не пять лет, чтобы в ночной сорочке носиться по школе.

Она демонстративно отвернулась от Рона и обратилась к Гарри:

— Послушай, я думала над этим... Тебе не кажется, что профессор Снейп оказался у вас на пути не случайно?

Гарри обрадовался возможности сменить тему:

— Ясно. Его заранее предупредили.

Гермиона нетерпеливо затрясла волосами:

— Нет, я не об этом. Ты не думаешь, что это и был профессор Снейп?

— В смысле? — уставился на подругу Гарри.

— Я имею в виду, что больше никого и не было. Снейп сам проник в нашу гостиную.

— А потом нас же и поймал? — Гарри не знал, что и думать. — Но ведь жулик должен был превратиться в сороку, а со Снейпом всё было в порядке...

Гермиона махнула рукой:

— Он мог сразу же избавиться от перьев. Неужели ты думаешь, что для хогвартского профессора это проблема?

— Ну зачем, зачем ему сюда лезть?! Снейп ведь мог спокойно войти днём, он же преподаватель!

— А вот это и меня ставит в тупик...

Невилл несмело решил поучаствовать в беседе:

— Если во второй раз это был... Снейп — он произнёс последнее слово с придыханием. — Выходит, и в первый раз, когда пропала Гарриная метла, это был тоже он?

— Что?! — глаза у Гарри полезли на лоб. — Ты хочешь сказать, что метлу украл этот грязный ублюдок?! Но зачем?!

Девушка задумчиво покачала головой:

— Действительно, очень странно... Да нет, не мог это быть профессор Снейп, скорей, кто-то из Слизерина... А он знал и нарочно вас поджидал...

Она повернулась к двери, по пути бросив взгляд на Рона. Он стоял у окна спиной к друзьям, всем видом показывая, что для него никто не существует. Первым побуждением Гермионы было подойти и обнять за плечи, но она передумала и решительно вышла из комнаты.

Спустилась в гостиную. Никого. Солнечный день, и все, кто не наказан, на улице. Замечательно. Никто не помешает готовить задание по трансфигурации. У неё много интересных мыслей касательно темы проекта: «Различия при превращении предметов в млекопитающих и рыб». Понадобится пергамент подлиннее. Может, упомянуть и об особенностях трансфигурации в двоякодышащих?

Гермиона достала из сумки чистый свиток, чернильницу и перо. «Сколько всё-таки анахронизмов в мире магов! Чем, спрашивается, плохи обычные шариковые ручки?»

По ступеням шумно прогрохотал Рон. Промчавшись ураганом мимо Гермионы, он вылетел из гостиной, даже не закрыв за собой дверь. Спустя минуту на лестнице показались Гарри и Невилл. Вид у них был невесёлый. Гарри секунду помедлил возле стола Гермионы, но, решив, что она занята, проследовал в коридор. Невиллу тоже, видно, хотелось о чём-то поговорить с гриффиндорской старостой, но Гарри ждал его, не обращая внимания на недовольство Полной Дамы, придерживая дверь. И Невилл нехотя покинул гостиную.

«Как же сложно с этими мальчишками! Чем старше становятся, тем больше походят на детей!» — Гермиона вздохнула и протянула руку к перу. Но того на столе не оказалось, очевидно, смёрч, поднятый Роном, смёл его на пол. Девушка заглянула под стол. «Так и есть. А это что за чёрный лоскуток?» Гермиона вынула из-под ножки стола обрывок ткани. «Похоже, оторвался от чьей-то мантии... Что же в нём странного? У всех студентов стандартные чёрные мантии... А, да! Вот что необычно: качество ткани. Дорогая. Кажется, ни у кого из гриффиндорцев такой нет... Может быть, Малфой? Но он же в Мунго! Тогда... Неужели и правда — Снейп?!»

Глава 16. Альбус Дамблдор.

Иногда я бываю печален,
Я, забытый, покинутый бог,
Созидающий в груди развалин
Старых храмов, грядущий чертог.

Трудно храмы воздвигнуть из пепла,
И бескровные шепчут уста,
Не навек ли сгорела, ослепла
Вековая, Святая Мечта.

И тогда надо мною, неясно,
Где-то там, в высоте голубой,
Чей-то голос порывисто-страстный
Говорит о борьбе мировой.

Н. Гумилёв

Пустая библиотечная зала в темноте выглядела таинственно и мрачно. Её освещало лишь дрожащее пламя свечей, горящих в громоздком канделябре. Книжные стеллажи и стены тонули в полумраке, колеблющемся в жутковатом танце теней. Неровные переходы от чёрного к красному. Тихо, как на дне океана.

— Ну что, Северус? Нашёл что-нибудь? — негромкий голос директора в давящей тишине библиотеки прозвучал глухо и встревоженно.

Профессора Снейпа, несмотря на рост, почти полностью скрывала гора пыльных книг, сваленных на столе.

Не услышав ответа, Альбус Дамблдор подошёл ближе и увидел, что бывший его ученик просто-напросто спит, уронив голову на руки. Чёрные тусклые волосы разметались по плечам и заслонили лицо.

Директор замер и услышал тихое дыхание спящего. Профессор застонал во сне и зашевелился. Старик решил было, что он сейчас проснётся, но мастер зелий только повернул голову на другой бок и снова ровно засопел.

Во сне, когда Северус Снейп не язвил и не бросал убийственно-презрительных взглядов, он выглядел беззащитным, как ребёнок. Длинная прядь, упавшая на лицо, вздрагивала каждый раз в такт дыханию и щекотала профессору нос. Он смешно морщился, но ничего не мог поделать.

Директор осторожно убрал мешавшие волосы, наколдовал себе кресло, сел рядом и оглядел стол. Кучи книг, приготовленный для выписок пергамент, пустой, как отметил Альбус Дамблдор, да несколько исписанных мелким почерком бланков. Запросы в другие библиотеки.

«Похоже, Северус так ничего и не обнаружил. А время идёт. Для кого-то оно уже и вовсе вышло. Пропал ещё один родственник Малфоя, на этот раз — маг. Завтра это будет в газетах, но вряд ли поднимется шум... Мало ли, куда мог деться старый Эшли? Он уже и имя-то своё начал забывать... Кому придёт в голову подумать на Люциуса? Никому. И уж, конечно, не „лучшему другу“ Малфоя, Корнелиусу Фаджу».

Директор снова посмотрел на спящего, и взгляд его затуманился грустью. Снова беспокойно стучится, напоминает о себе прошлое.

Мало кто знает, что уютные кровати с балдахинами, хогвартские ученические кровати кроме своего прямого предназначения выполняют ещё и шпионские функции. Эта традиция досталась Альбусу в наследство ещё от прежних директоров и восходила своей историей к самим Основателям. Традиция была некрасивая, и Дамблдор, как только вступил в должность, первым же делом решил её отменить, но его убедили этого не делать. Подумав, он сам позже признал необходимость такой меры, но гриффиндорское сердце до сих пор восставало.

Суть была в том, что кровати школьников были заколдованы так, что если игры на них заходили слишком далеко, распространяясь за рамки товарищеских отношений, обо всём тут же становилось известно директору и декану факультета. Резон, несомненно, в этом был. Такое

количество юношей и девушек постоянно находились вместе, а природу человеческую никто не отменял. И чем подглядывать учителям, пусть лучше это делает бездушная мебель.

На этом способности чудо-кроватей не заканчивались.

По легенде, автором идеи была Ровена Равенкло. Салазар Слизерин поддержал её лишь отчасти, заявив, что должны регистрироваться лишь факты грехопадения с грязнокровками. Годрик Гриффиндор предпочёл остаться в стороне от дискуссии, сам он, по слухам, не отличался воздержанностью. А последняя из четвёрки, Хельга Хаффлпафф, помявшись, одобрила затею, добавив, что пусть, дескать, кровати помогают деканам не только стоять на страже невинности, но и заботиться о душевном состоянии учеников, сообщая наставникам, если их воспитанники плачут ночами. Ровена, известная своим упрямством и обычно не склонная к сантиментам, так обрадовалась, обретя союзницу, что согласилась на предложение Хельги. И так: двое против одного и ещё один воздержавшийся — было принято это решение.

Хельга Хаффлпафф, всегда страдавшая простудушем и идеализмом, по большому счёту, ничего не добилась своей поправкой. Трёх её коллег интересовала только основная шпионская функция, а «сигнал горя», как мелодраматично назвала его сентиментальная старушка, они просто-напросто успокоили заклинанием заглушки. Сама-то Хельга поначалу летала на каждый звонок, но вскоре даже она поняла, что её появление вызывает у подопечных, особенно у мальчиков, смущение, а, зачастую, и раздражение. В итоге, краснея от стыда за своё малодушие, она последовала примеру коллег-Основателей, и последний «сигнал горя» умолк.

С тех пор прошли века, но никто всерьёз этим сигналом не пользовался, чего не скажешь об «информаторе», как корректно именовала функцию слежения профессора Хогвартса. Пожалуй, Альбус Дамблдор был первым за последние сто лет, вспомнившим о «лишней» возможности. Директор, разумеется, не срывался с места, как легендарная Основательница, когда серебряный колокольчик на его столе начинал звенеть, а зачарованное перо записывало причину, время сигнала и фамилии виновников беспокойства. Но он хотя бы знал, кто из шумной стаи маленьких галчат, находящихся на его попечении, больше других нуждается в поддержке.

...Казалось, Гарри — вот кто ночами должен реветь в подушку. Один, без родителей, не видевший от своих родственников ни любви, ни понимания; почти постоянно находящийся в опасности... Ан нет. Не так он предсказуем, Гарри Поттер... А вот другой мальчик, двадцать с лишним лет назад...

Директор посмотрел на спящего Снейпа.

...Другой черноволосый мальчик, учившийся в Хогвартсе, весь первый год плакал почти каждую ночь... Но вот что странно. С тех пор, как он перешёл на второй курс, такого никогда больше не случалось. Альбус Дамблдор знал это точно, судьба мальчишки беспокоила его уже тогда. Он был бы рад за мальчика. Если б не тот факт, что в то лето Северус потерял мать. И с тех пор больше не плакал...

Директор вздохнул.

...Если б он подарил тому ребёнку хоть немного тепла, если б сумел найти путь к гордому и высокомерному подростку... Может, не было бы сейчас дьявольской метки на руке этого уставшего, запутавшегося мужчины?..

Лоб старика собрался морщинами, глаза затуманились.

...Разве это единственная ошибка? Нет...

...Том. Он потерял того мальчика. Упустил. Как искупить эту вину? И есть ли в мире весы, способные измерить груз ответственности на его плечах?..

Профессор шевельнулся и сонно заморгал. Директор поспешно отвернулся. Притворяться у него всегда получалось плохо. Сознание он легко закрывал от проникновения, а вот надевать бесстрастную маску на лицо, в чём так преуспел Северус, до сих пор не научился.

— Прошу прощения, я, кажется, уснул, — Снейп был явно недоволен, что директор застал его врасплох.

— Ничего страшного, Северус, ты просто устал, — старик мягко положил ему руку на плечо.

Увидев, что мастер зелий собрался было возразить, директор строго добавил:

— И я настаиваю, Северус. Слышишь? Настаиваю. Чтобы ты ночами спал, а не просиживал в библиотеке. Ты ещё не забыл о своих обязанностях преподавателя? Чему ты сможешь научить детей, если тебя всего шатает, и ты засыпаешь на ходу?

Дамблдор намеренно преувеличивал. Снейп, благодаря бессоннице, заработал круги под глазами и премерзкое настроение, но походка его не изменилась, разве что движения стали ещё резче.

Профессор выпрямился во весь рост, стряхнув с плеча руку директора:

— Со мной всё в порядке, я сплю ровно столько, сколько мне необходимо, — он шипел, как разбуженная змея. — А если вам не терпится проявить о ком-нибудь заботу, обратите лучше внимание на Поттера, он будет просто счастлив, да и вам будет привычнее... Считаете, я не справляюсь со своими обязанностями? Тогда прошу: предъявите мне конкретные претензии!

— Ну что ты, Северус! — старик покачал головой. — Ты меня не так понял...

— Не так? — недоверчиво прищурившись, переспросил Снейп. — И что же я понял не так?

Желая уйти от неприятного разговора, директор протянул руку и взял со стола верхний заполненный бланк.

— Луи де Монферан. «Кровавые обряды. Их роль в истории магии»... — Дамблдор задумчиво разглядывал кусочек пергамента. — Я, кажется, когда-то её читал. Боюсь, там нет ничего нужного.

Снейп упрямо сжал губы:

— Если вы не против, я предпочёл бы убедиться сам.

Директор пропустил его замечание мимо ушей.

— Северус, у меня плохие новости. Пропал Эшли Прюитт... Люциус приходится ему внучатым племянником.

Снейп взглянул на Дамблдора. Раздражение ушло, уступив место бесконечной усталости.

— Я делаю всё, что могу, — голос профессора звучал безжизненно.

— Северус, я знаю...

Снейп внимательно посмотрел в глаза директору и промолчал.

* * *

Профессор расставил книги по местам и, положив бланки на стол мадам Пинс, добавил к ним записку с просьбой выполнить заказ как можно скорее.

Потушив свечи, он медленно зашагал в свою комнату, по пути обдумывая сон.

Ему приснился отец. Он сидел за широким обшарпанным столом, заваленным свитками и толстыми потрёпанными фолиантами, и, нервно морщась, быстро писал, ежеминутно макая облезлое воронье перо в чернильницу со сколотым краем. Мальчик из сна, другой, маленький Северус, осторожно приблизился к старику и заглянул через плечо. Перед тем лежала громадная рукописная книга, собранная из жёлтых листов пергамента, исписанных бисерным почерком. Наклонившись, Северус разобрал вверху страницы заголовок: «Эликсир забвения», и ниже: «Ингредиенты и порядок приготовления». Увлёкшись, он не заметил движения отца, почувствовал только, как затылок пронзила резкая боль. Северус ткнул носом в книгу и размазал по пергаменту не успевшие просохнуть чернила. В ярости старик что-то прорычал, схватил мальчика за ухо и, с силой его выкручивая, вытолкал Северуса за дверь.

На этом сон обрывался, но профессор всё продолжал мысленно к нему возвращаться. Что-то важное мелькнуло в этом обычном, по сути, сновидении... Что-то, что может помочь ему в поисках... Но что?

Книга! Отцовская рукопись... Возможно, в ней отыщется что-нибудь полезное?..

Решено. В субботу попросит Дамблдора отпустить его на полдня... в замок. Странно, но почему-то, проведя там столько лет, так и не привык называть это место домом.

* * *

...Господи, скучища-то какая! И сколько ей ещё придётся это терпеть? Даже из комнат выходить запрещено — говорят: «Опасно». В кабинет спускаться одной тоже нельзя. Северус, а вернее, профессор, ибо они вновь вернулись к обращению на «вы», и называли друг друга «мисс Димпл» и «профессор Снейп», объяснил Джоан, что домой в ближайшее время вернуться она не сможет. Потому что... потому что её хотят убить.

Здесь, под защитой надёжной каменной твердыни Хогвартса, а также не менее надёжного и, к сожалению, столь же каменного профессора Снейпа, эта угроза казалась женщине смехотворной.

...Ну право слово, что за триллеры? Кому может понадобиться Джоан Димпл, обычная служащая из Глазго? Какая-то кровь, какие-то таинственные зелья... Неужели можно этому верить всерьёз? Она, конечно, убедилась в реальности магии, на ней испытывали заклинания, Вингардиум Левиоса и Круцио, как разъяснил профессор... «Ну пусть будет Северус! Хоть в мыслях-то я ещё могу его так называть?..»

...Что ещё? Ах да. Перемещалась с помощью портала, спасибо господину Малфою. Летала на метле, и за это тоже ему спасибо... Этот тип, оказывается, её дядя... К этому привыкнуть куда сложнее, чем к самонакрывающемуся столу и самоприбирающейся комнате. Впрочем, профессор же рассказал про домовых эльфов и их особую магию...

...Джоан, конечно, ни в чём не могла упрекнуть Северуса. Он спас её. Дважды. От ненормального «дяди» и от её же собственной неуклюжести... Теперь профессор предоставил ей кров и стол, и свою защиту, и ничего не требует взамен, и даже обучает зельям, нечасто, правда, но у него же так много дел...

...Лучше бы требовал! Невыносимо сознавать, что стольким обязана этому человеку! И Северус это знает! А она ничем не может отплатить, потому что тот не соизволит принять благодарность! Ему ничего не нужно! Будь на её месте любой другой человек, Северус поступил бы так же! Он это сделал вовсе не потому...

Губы задрожали, Джоан схватила с кровати подушку и зашвырнула в стену.

...Да, вовсе не потому, что любит! Теперь это ясно! Джоан Димпл для него — пустое место! Наверное, думает, что выполняет свой долг, или это входит в его представления о порядочности... Неважно! Лучше б он был самым пропащим негодяем, только бы любил!!!

Джоан свалилась на кровать, колотя в бессильной ярости кулаками по ни в чём не повинной перине.

...Ну как он может быть таким холодным?! И это после того, что между ними было?! Пусть лучше бы снова стукнул её каким-нибудь заклинанием, всё лучше, чем это каменное безразличие!!!

...Как, скажите, можно терпеть, когда любимый человек смотрит сквозь тебя, как через стекло, не замечая ни твоих чувств, ни переживаний?! Что с ним произошло? Ведь Северус был совсем другим: нежным, страстным... Даже тогда, вначале, он был язвительным, ироничным, но ему хоть нравилось её дразнить. А сейчас: ледяная вежливость, корректность, предупредительность. И всё.

Джоан устало перевернулась на спину и уставилась на тёмный бархат балдахина. Вспышка прошла, сменившись апатией и безразличием.

«...Какая, в сущности, разница? Что будет, то будет. Не вечно же мне здесь торчать. Скоро наваждение закончится, я окажусь у себя дома...

У-у-у! Как же я могла забыть! Ведь за квартиру не заплачено, меня просто выселят! А вещи? Миссис Стрэйндж не постесняется вышвырнуть их на помойку.

О чём я думаю? Да меня ведь, наверное, уже полиция ищет.

Я не появилась ни на работе, ни у себя... А миссис Стрэйндж питает к полиции прямо таки нездоровый интерес. Почти такой же сильный, как к личной жизни жильцов...»

Раздался негромкий отчётливый стук.

Джоан замерла, недоумевая, кто бы это мог быть. Стучали не в дверь её спальни, а в наружную — выходящую в коридор. Почему-то смеяться над опасностью больше не хотелось. Джоан порядком струхнула и постаралась дышать как можно тише, надеясь, что тот, кто снаружи, не дождавшись, уйдёт.

На какое-то мгновение тишина убедила её, что именно так и произошло. Но настойчивый звук повторился снова, заставив Джоан вздрогнуть. Она на цыпочках приблизилась к входной двери, зажав в руке в качестве орудия самообороны тяжёлое пресс-папье, взятое у профессора со стола.

Видимо, отчаявшись ждать, когда же, наконец, Джоан её откроет, дверь тихо распахнулась сама, и на пороге появился Альбус Дамблдор.

Глава 17. Мастерница виноватых взоров.

Мастерница виноватых взоров,
Маленьких держательница плеч,
Усмирён мужской опасный нором,
Не звучит утопленница-речь.

О. Мандельштам

Пресс-папье вывалилось из ослабевших пальцев Джоан и с грохотом стукнулось об пол. — О, простите... — старик немного смутился. — Я вовсе не хотел вас напугать, — он нагнулся за упавшим предметом и повертел в руках. — Кажется, ещё немного, и я получил бы этим по голове? — маг весело рассмеялся.

Теперь настала очередь смутиться Джоан:

— Извините... Я такая глупая... Похоже, я всерьёз поверила в эти сказки про ритуальные убийства...

Директор посерьёзней:

— Увы, это не сказки. Но здесь, в Хогвартсе, вы можете чувствовать себя в безопасности. По крайней мере, до тех пор, пока прячетесь в комнатах профессора Снейпа... Уж к нему-то точно никто не осмелится заглянуть, — Дамблдор добродушно усмехнулся.

Магла искренне изумилась:

— Почему? Разве профессор такой страшный?

— А разве нет? — ответный вопрос прозвучал шутливо, но глаза старика смотрели серьёзно и пронзительно.

Джоан покраснела. Разговор начал принимать явно нежелательный оборот: обсуждать личную жизнь и свои привязанности она не умела и не любила. А Северус Снейп стал для неё бóльшим, чем просто привязанностью.

— Я очень благодарна профессору Снейпу за всё, что он для меня сделал, но я не могу бесконечно злоупотреблять его и вашим гостеприимством. Уверена, что в Глазго меня уже ищет полиция... — увидев, что старик хочет что-то возразить, быстро добавила. — Да, да, помню — меня хотят убить! Но не могу же я прятаться всю жизнь! У меня там работа, знакомые, друзья... — она замолчала, поняв, что последнее слово — лишнее, да и два других немногого стоят.

Волшебник словно прочёл невысказанные мысли. Он мягко коснулся её плеча и ласково произнёс:

— Ни я, ни Северус — никто вас не неволит. Вы можете хоть сейчас отправиться домой. Но здесь вам безопасней. И нам за вас волноваться не надо... Впрочем, я понимаю, у Северуса нелёгкий характер, — директор хитро посмотрел на Джоан. — Если проблема в нём, я попробую что-нибудь придумать... — он наморщил лоб, припоминая, и радостно улыбнулся. — Ну, конечно! — маг хлопнул себя по лбу. — Вот старый растяпа! У меня же есть собственный дом! — он весело поглядел на девушку. — Боюсь только, вам там будет довольно скучно: кроме домашних эльфов, в нём уже давно никто не живёт... Но если хотите, я прямо сейчас помогу вам с переездом...

Джоан спрятала глаза.

— Спасибо... Вы так добры... — она растерянно мямлила, не зная, как отказаться от ужаснувшего её предложения. Как это: взять и уехать из Хогвартса, прочь от Северуса Снейпа? Да, она сама только что просила об этом. Но не всерьёз же!

Маг пришёл ей на помощь:

— Боюсь, это была плохая идея. Северус может на нас обидеться, и тогда и вы, и я получим смертельного врага на всю жизнь.

Джоан недоверчиво посмотрела на старика:

— Вы шутите?

— Отнюдь. С Северусом вообще шутки плохи. А сам он очень не любит быть объектом шуток.

Джоан призадумалась:

— Вы давно его знаете?

— Почти тридцать лет.

— А он всегда был такой... такой... ну...

— Холодный?

— Да, — она одновременно смутилась оттого, что посмела задать вопрос о мастере зелий, и обрадовалась, что старик помог найти нужное слово.

Альбус Дамблдор задумался и даже, как показалось Джоан, помрачнел:

— Северус с первого дня в школе держался один. Но, кажется, тогда он просто стеснялся подойти и предложить кому-нибудь свою дружбу... А после смерти матери всё переменялось... Он словно озлобился на весь мир, и будто нарочно старался казаться хуже, чем есть...

— ...Я не помешал? — голос возникшего в дверном проёме Снейпа прозвучал, как удар хлыста.

Джоан вздрогнула и залилась краской.

— Северус... — наверное, декан Слизерина был одним из немногих людей, способных заставить директора стусеваться.

Если бы Джоан не зажмурилась, она смогла бы наблюдать смущённый румянец на щеках старого мага. Впрочем, его наблюдал мастер зелий. И наблюдал не без удовольствия.

— Да, директор? — удивительно, как в бархатном голосе могли звучать металлические нотки.

— Северус, мы вовсе не собирались о тебе разговаривать...

— Конечно. Я так и понял.

— Мисс Димпл, — Дамблдор обратился к ней, предпочтя не замечать колкостей Снейпа. — У меня есть для вас небольшой подарок. Думаю, он поможет вам не скучать в Хогвартсе и отвлечёт, хотя бы на время, от мыслей о возвращении в Глазго. Поверьте, мы с Северусом, — мастер зелий громко фыркнул, — волнуемся о вашей безопасности... — Снейп фыркнул снова, но уже не так убедительно.

Старый маг продолжал:

— ...Если же вы всё-таки решите вернуться домой, то возьмите подарок с собой на память, и перед уходом, пожалуйста, предупредите меня, я всё улажу с магловской полицией и с вашей работой...

Снейп перебил его:

— Не стоит беспокоиться. Если мисс Димпл *так* наскучило моё общество, что ей не терпится поскорее вернуться к маглам, я *сам* её провожу. С превеликим удовольствием, — он отвернулся.

Джоан стояла в растерянности, не зная, то ли плакать, то ли смеяться. Всё её внимание было сосредоточено на мастере зелий, поэтому невесомый свёрток, который зачем-то вложил ей в руку Дамблдор, явился для девушки полной неожиданностью. Джоан была так ошарашена внезапным и несвоевременным появлением профессора, что речь директора пропустила мимо ушей.

Опомнившись, она развернула пакет и достала оттуда переливающуюся, как водная гладь, серебристую мантию, сшитую, казалось, из живых льющих струй.

— Спасибо. Очень красиво!

Профессор Снейп хмыкнул, позабавленный её реакцией, и обратился к Дамблдору:

— Это вы *тоже* одолжили у Поттера?

— Нет. Летом навестил на недельку свой старый дом, и решил разобраться в старых вещах. Китти ничего никогда не выкидывает, а вещи имеют странную привычку накапливаться, вне зависимости от моего желания и усилий... Так вот, залез в старый сундук моего брата — узнай он об этом — трансфигурировал бы в клопа, не посмотрел бы, что я — Верховный Чародей Уизенгамота... — старик улыбнулся, — и обнаружил там эту мантию. Подумал, что Аберфорту, где бы он сейчас ни был, она вряд ли пригодится, а мисс Димпл мантия может оказаться полезна.

— Э-э-э... Спасибо... Но, может, не стоит... — Джоан странная история мантии привела в замешательство. — Честное слово, мне вполне хватает одежды, которую дал профессор...

Дамблдор улыбнулся Снейпу:

— Вот уж никогда не подумал бы, Северус, что ты будешь заботиться о деталях женского туалета...

У профессора на щеках выступили красные пятна:

— Я всего лишь отослал в магловский магазин заказ, составленный мисс Димпл. Оплатил и забрал его. И всё, — Снейп сделал ударение на последнем слове.

— Но уже и этого для тебя — много!.. Северус, общение с мисс Димпл явно идёт тебе на пользу, — старик весело рассмеялся.

Профессор побледнел и уже был готов зашипеть на директора, но в эту минуту его рукава деликатно коснулась Джоан.

— Простите...

Глава 17. Мастерница виноватых взоров.

Снейп хотел было рявкнуть на неё, но сдержался.

— Да, мисс?

— Я хотела бы вернуть вам деньги. У меня на счету есть сумма, там хватит заплатить за одежду.

Профессор перебил её:

— И как вы себе это представляете? Может, на метле свозить вас в Глазго и обратно?

— Э-э-э... Ну я могла бы выписать чек...

— Да что вы говорите? — Снейп наконец нашёл повод выплеснуть яд. — А я бы с этим чеком пошёл в магловский банк? — судя по его тону, более омерзительную перспективу трудно было представить. — Нет уж, увольте! — он с усмешкой перевёл взгляд с Джоан на Дамблдора и обратно. — Если уж вам, мисс, так не терпится осчастливить кого-нибудь своей благодарностью, перенесите свой пыл, пожалуйста, с моей скромной персоны на господина директора. Потому что те копейки, которые я потратил на тряпки для вас, — ничто по сравнению со стоимостью мантии-невидимки.

— Мантии-невидимки?!.. — Джоан позабыла закрыть рот; во всяком случае, профессор остался доволен произведённым эффектом.

Дамблдор, всё это время только терпеливо слушавший, с готовностью подтвердил, радуясь искреннему восторгу девушки.

— Но... но этого не может быть!.. Или может? — Джоан, счастливая, как невеста, кинулась к зеркалу примерять обновку.

Дамблдор улыбнулся, заметив, как профессор смотрит на девушку. Мастер зелий почувствовал на себе взгляд директора, и тут же надел обычное скучающе-презрительное выражение.

Джоан сияла, как солнышко. И причиной было даже не то, что, опустив глаза, она не увидела свои ноги — мантия, и правда, оказалась волшебной. Просто Джоан заметила обращённый к себе взгляд Снейпа.

— Мисс Димпл, Северус... — Альбус Дамблдор собрался уходить.

Джоан хотела было обнять старика, но сдержала свой порыв. Директор приветливо улыбнулся и закрыл за собой дверь.

— ...Вас проводить прямо сейчас или дать пять минут на сборы?! — каждое слово прозвучало, как пощёчина.

Джоан опешила: она уже и думать забыла о намерении возвратиться в Глазго.

— Мне долго ждать?! Или вы уже передумали в расчёте на новую подачку от директора?!

— Молчите?! С профессором Дамблдором вы были разговорчивей! — Снейп шипел, как разъяренная змея. — Понравилось вам меня обсуждать?! — его губы дрожали.

Джоан смотрела на него, как замороженная. Сейчас случится непоправимое, или уже случилось, не важно... Она опустила глаза, чтобы не было так страшно, и, не слыша ничего, кроме колотящегося в ушах сердца, приблизилась к этому несносному и невыносимо любимому человеку, привстала на цыпочки и прижалась губами к бледному, резко очерченному рту, оборвав поцелуем новую серию упрёков.

Джоан почувствовала, как напряглось его тело. Снейп отстранился и вышел из комнаты.

Глава 18. Северус Снейп.

Его глаза — подземные озёра,
Покинутые царские чертоги.
Отмечен знаком высшего позора,
Он никогда не говорит о Боге.

Его уста — пурпуровая рана
От лезвия, пропитанного ядом;
Печальные, сомкнувшиеся рано,
Они зовут к непознанным усладам.

И руки — бледный мрамор полнолуний,
В них ужасы неснятого проклятья,
Они ласкали девушек-колдуний
И ведали кровавые распятья.

Ему в веках достался странный жребий —
Служить мечтой убийцы и поэта,
Быть может, как родился он — на небе
Кровавая растаяла комета.

В его душе столетние обиды,
В его душе печали без названья.
На все сады Мадонны и Киприды
Не променяет он воспоминанья.

Он злобен, но не злобой святотатца,
И нежен цвет его атласной кожи.
Он может улыбаться и смеяться,
Но плакать... плакать больше он не может.

Н. Гумилёв

— Пулиш! Двадцать баллов с Хаффлпаффа!

— Но сэр! Я ведь ничего не делал!.. — румяный первоклассник с котёнком на руках, казалось, вот-вот расплачется от несправедливости.

Зверёк жалобно мяукнул и прижался пушистой мордочкой к хозяйскому свитеру.

— С какой стати вы носите с кошкой по замку?!

— Но сэр! Я несу Пусси в больничное крыло... У неё нос горячий! И она ничего не ест!

— В больничном крыле, Пулиш, вам делать нечего. Глупость, к сожалению, не лечится, — в эту минуту декан Слизерина казался перепуганному малышу воплощением мирового Зла. — Кошками, да будет вам, Пулиш, известно, мадам Помфри не занимается.

Котёнок коротко пискнул. Мальчик накрыл его тельце рукой, неосознанно пытаясь защитить крохотное существо от безжалостного чёрного человека.

— Отнесите её к Хагриду, — коротко бросил Снейп, развернулся и быстро зашагал прочь.

Хаффлпаффец растерянно заморгал ресницами вслед развевающейся мантии профессора, затем опомнился и кинулся наутёк, бережно прижимая к груди своего питомца.

* * *

Северус Снейп спустился в холл и устремил взгляд на огромные песочные часы, отмечающие количество баллов у факультетов. У Хаффлпаффа сверкающих камешков в нижней части часов стало на двадцать меньше. Впрочем, этот факультет всё равно был бы на последнем месте. Но так он лишился шансов догнать Слизерин. На втором месте пока Равенкло. Сколько Снейп ни снимает с них баллов на зельеварении, эти зубрилы навёрстывают на других предметах...

На первом месте Гриффиндор. Знали бы они, что им следует благодарить за это слизеринского ублюдка ...

В сегодняшнем матче команду Слизерина разгромили в пух и прах. Ещё бы! Малфой, Крэбб и Гойл до сих пор в Мунго. Их срочно пришлось заменить первыми, кто попался под руку. Удивительно, откуда берутся такие идиоты! Школа ещё год будет обсуждать, как этот недоумок Алекс Крейцер вместо блаждера послал в гриффиндорского нападающего квоффл, который тот прямиком отправил в кольцо слизеринской команды...

Хорошо, хоть догадался заранее понаблюдать за игрой новичков на тренировке. По крайней мере, понял, что на матч приходить не стоит. Провёл это время не то чтобы с пользой... в блаженной темноте и тишине подземелий... с бутылкой огневиски... Там же и заснул — вот они, ночи в библиотеке... Теперь голова раскалывается... Минерва, конечно, сочла неявку на матч проявлением слабости... Её довольная физиономия за обедом, пожалуй, была худшей из зол... И, конечно же, она не преминула описать матч во всех подробностях, комментаторша гоблинова!.. Директор весь день сочувственно улыбался... Джоан...

Джоан видел в последний раз, когда Дамблдор вручил ей мантию-невидимку, и когда... Зачем об этом вспоминать? Чем скорее забыть о том поцелуе, тем лучше. Есть важное дело. И неприятное. Сегодня предстоит отправиться в отцовский замок.

Можно, конечно, создать портал, но пешая прогулка по свежему воздуху его больной голове просто необходима. Необходима как воздух.

...С окраины Хогсмита профессор аппарировал в редкую рощицу, жалкий остаток когда-то могучего леса, века назад подступавшего к замку. Похожие на старых нищенок осины трепетали на сыром октябрьском ветру. Птиц не было...

Взгляд Снейпа скользнул по земле.

Какое безрадостное место... Овраг... Неужели, тот самый?.. Других здесь и нет, всей рощице — сто шагов...

Рука потянулась к горлу, пальцы нащупали под рубашкой цепочку с круглым камнем — напоминание.

...Никогда не любил сюда возвращаться...

Профессор подошёл к воротам и тронул калитку — закрыто — здесь его не ждут. Два тихих, произнесённых одними губами слова — и железная дверь, лязгнув, со скрежетом отворилась.

Дорожка к замку... Как всё запущено и уныло... Никто и не подумал смести листья... Сторожка вконец развалилась... Похоже, отец совсем сдал, раньше он за этим следил...

...И здесь заперто! Неужели старик не получил сову?..

Скрип петель отозвался в гробовой тишине низким стоном. Притворив обитую железом дверь, Снейп очутился в тёмном холле. Подсвечники пусты. Углы, облупленный потолок, люстра с битыми подвесками — всё в паутине. На полу куча грязной вонючей ветоши. Профессор брезгливо поморщился и, обойдя её, направился к высокой двери напротив, где начинался коридор. Хриплый вскрик за спиной заставил его резко обернуться.

Всего лишь часы с кукушкой...

Серая тень метнулась под ногами. Хьюго.

— ...Мастер Северус. Ваша комната ждёт...

Значит, сову всё-таки получили.

— Где отец?

— Сэр Нерон занят.

— Проводи меня к нему.

Эльф послушно засеменил впереди. Следуя за ним по длинным запутанным коридорам, Снейп недовольно оглядывался по сторонам. Пол покрывал толстый слой пыли. Замок выглядел так, словно в нём лет десять не убирались. Раньше Хьюго худо-бедно, но заботился о порядке, хотя бы в тех немногих комнатах, которыми Снейпы пользовались.

— Прошу вас... — эльф распахнул перед профессором дверь.

Тоскливо скрипнули несмазанные петли.

Старик не заметил их появления. Он сидел за столом, скрючившись над свитком пергамента и, подслеповато щурясь, водил пальцем по строчкам. Пальцы и губы старика мелко дрожали.

— Здравствуй, отец, — слова были произнесены громко, учитывая глухоту старика, но без энтузиазма.

Нерон оторвал голову от пергамента и, щурясь, посмотрел на сына.

— А-а... Северус... — его голос проскрипел под стать дверям этого замка.

— Чего тебе здесь вдруг понадобилось? — он сердито смотрел из-под нахмуренных косматых бровей. — Двадцать лет не показывался, а тут явился! Надо ж, какая честь!

— Двадцать один, — спокойно поправил профессор.

— Что?.. Тем более! — прокаркал старик. — Не скучали без тебя и дальше б не соскучились! Что, надеешься, сдохнет папочка?! Денежек моих заждался? Не зря Нерон всю жизнь копил! Наскребётся на старость... Только ты, Северус, на моё золото не рассчитывай! Я его лучше Хьюго оставлю, чем тебе, поганое отродье! — старик остановился, чтобы отдышаться.

Эльф со слезливыми изъявлениями благодарности кинулся к ногам хозяина, но Нерон отшвырнул его, даже не удостоив взглядом, и, брызгая слюной, прошипел:

— А, может, не терпится стать хозяином замка? Что молчишь, Северус?! Нечего возразить?!

— Ну что ты, папа, — насмешливо произнёс профессор. — Просто соскучился, — он криво усмехнулся. — Вспомнил об уюте родного дома и, не медля, поспешил увидеть любимого отца.

Старик с неприязнью уставился на него из-под лохматых серых бровей:

— Увидел?.. Вот и проваливай!

Северус окинул отца долгим взглядом, за которым невозможно было прочесть его чувств, и, не повышая голоса, ответил:

— Так я и сделаю. Надеюсь, ты не лишишь меня напоследок удовольствия отужинать в твоём присутствии?

— Так и быть... На ужин останься... Но после — чтоб ноги твоей в замке не было!

Профессор усмехнулся и вышел. Путь его лежал в библиотеку. Там он выбрал несколько книг, близких теме его поисков, и отправился к себе в комнату.

...Хьюго что, издевался, когда сказал: «Ваша комната ждёт»? Да сюда двадцать лет никто не заходил! Полог на кровати отсырел и покрылся отвратительным чёрным грибком. Белья на постели нет, матрас сгнил. В спальне сыро и холодно, как в могиле. В пору возвращаться на улицу — греться.

Снейп подошёл к окну. Там накрапывал сиротливый серый дождик. Маг зябко поёжился. В подземельях, по крайней мере, сухо...

Чтобы убить время, он отправился бродить по замку.

Нужная книга хранится в кабинете, и добраться до неё возможно, лишь когда отец пойдёт ужинать. В девять: в этом он пунктуален. Хьюго прислуживает за столом, и кабинет будет свободен...

...Комната мамы.

Остановившись на пороге, втянул носом воздух.

...Нет, конечно же, её запах не сохранился...

Сырость и запустение... Пустая кровать без балдахина. Влажный матрас с лопнувшей обивкой, торчащие ржавые пружины...

...Что это? Выцветший лепесток? Голубая тряпочка?

Потянул торчащий из-за матраса кончик.

...Мерлин!

Сердце болезненно сжалось.

...Детская распашонка. Мама хранила её...

Бережно расправил на ладони и задумчиво стоял, не шевелясь, глядя на клочок ткани, словно мысленно разговаривая с ним. Далёкий приглушённый звон ударов напомнил профессору, что уже девять. Долгим взглядом попрощавшись с комнатой, Снейп тихо прикрыл за собой дверь.

* * *

Часы в столовой пробили девять. Кряхтя и морщась, Нерон Снейп прошаркал к своему месту во главе стола. Его стул был единственным — Хьюго ужинал остатками на кухне. Эльф быстро огляделся и щелчком пальцев перенёс из гостиной разошедшийся венский стул для младшего Снейпа. Хозяин фыркнул и выразительно посмотрел на часы. Было уже пять минут десятого, а дорвавшийся до отчего дома наследник всё не появлялся. В персональных скрижалях Нерона Снейпа непунктуальность и необязательность значились вторым местом в списке смертных грехов, сразу следом за нечистокровностью.

Прождав ещё пять минут, Нерон поднялся из-за стола и нервно зашагал по комнате, похрустывая суставами длинных пальцев. Эльф сочувственно следил за хозяином преданными собачьими глазами.

— Нет! Какой негодяй! — Старик задохнулся от возмущения. — Прислал, паршивец, сову, после того как от него двадцать... ДВАДЦАТЬ ОДИН ГОД не было ни слуху ни духу!!!

Нерон стукнул дряхлым кулаком по столу так, что зазвенела посуда.

— За все годы не прислал отцу ни кната!!! Это после того, как я его вырастил, выкормил и дал этому выродку образование!!! НЕБЛАГОДАРНЫЙ!!! А теперь он является в мой замок... Спрашивается, зачем?! Всё же ясно! Хочет лично убедиться, что мне недолго осталось! Денежки мои, замок мой хочет к рукам прибрать!!!

Эльф сочувственно вздыхал.

Голос старика сорвался и перешёл в свистящий шёпот:

— ...И он даже не изволит вовремя явиться к ужину! Всего лишь быть вежливым к старому отцу! Нет! Он даже на это не способен!.. Это всё дурная кровь его матери!.. МакГрегоровское отродье!.. Лучше б я вообще никогда не женился! — он схватился за сердце, тяжело опускаясь на заботливо пододвинутый эльфом стул. — Род итак угаснет... Паршивцу скоро сорок, а он и не думает заключать брак... — Нерон говорил отрывистым хриплым шёпотом, задыхаясь. — ...Работает у Дамблдора... Дамблдор... Когда же этот мерзавец, наконец, сдохнет?!.. Он же меня старше!.. А я?.. Еле ползаю по замку!

Старик резко выпрямился, сделал шаг, покачнулся, эльф тут же с готовностью бросился на помощь, но тот оттолкнул его. Пусть Нерону Снейпу сто сорок лет, но он ещё может справиться сам.

— ...А ведь я возлагал на Северуса такие надежды... — в стариковских глазах заблестели слёзы. — Помню, как радовался, когда его распределили в Слизерин... А как я гордился, когда он присоединился к Тёмному Лорду... Надеялся, Северус впишет имя Снейпов в историю...

Плечи старика судорожно затряслись. Хьюго наблюдал за ним с тревогой и беспокойством, думая о том, что каких-нибудь десять лет назад хозяин себе такого не позволил бы. Эльф юркнул за дверь и через секунду вернулся с тёплым шотландским пледом в чёрно-сине-зелёную клетку, накинул старику на плечи и усадил его. «Пойти, найти мастера Северуса? А то хозяину совсем плохо...»

* * *

...Вот она, пресловутая отцовская рукопись... Интересно подсчитать, сколько раз в детстве получал по шее за попытки в неё заглянуть. Смешно: отец тогда казался почти всемогущим. А, как оказалось, ворота открываются легко... Да и книга тоже... Вот её копия лежит, готовая, рядом. Старик ничего не заметит. Осталось лишь заклинание уменьшения, и отцовский труд, когда-то бывший для мальчишки по имени Северус таким загадочным и вожделенным, окажется у него в кармане. В буквальном смысле.

...Теперь можно и показаться в столовой. Или не стоит? Пусть старик побесится.

Снейп взялся за портключ и перенёсся в хогвартские подземелья.

* * *

Профессор сидел за учительским столом. Ровные ряды пустых парт и тишина. В понедельник с утра начнётся новый урок. Закипят, забулькают котлы, разбрасывая едкие брызги. Заклубится, шипя, бурый вонючий дым над испорченным зельем Лонгботтома...

Грейнджер, самоуверенная, будто с пелёнок знает о предмете больше, чем он смог постичь за тридцать семь лет, будет упорно, плюя на замечания, подсказывать дурню Лонгботтому, куда и когда класть... И даже ни разу не задумается своим хвалёным умом, что оказывает этому неуклюжему медведю медвежью услугу...

А хуже всего, что ни один из студентов не влюблён в зелья так, как был влюблён он, Снейп. Грейнджер всё равно, в чём отличиться: что зелья, что арифмантика — всё едино. Девчонке не ведомо высокое наслаждение мастера: творить, наделять магическую субстанцию нужными свойствами... Высшее искусство состоит в том, чтобы создавать новые, неизвестные ранее зелья. Сварить по готовому рецепту может и первоклашка... Ближе всех к пониманию сути предмета был Драко...

Профессор вздохнул и погрузился в лежащую перед ним толстую книгу.

...Почему он не скопировал себе её раньше? Отец — старый негодяй, но голова на плечах у него есть, несомненно... Столько рецептов... Ядов, правда, больше всего... Какое счастье, что этот мерзавец не пошёл на службу к Лорду, вот кому бы пригодились его идеи!..

...Мда... Похоже, нужного здесь ничего нет. Дальше одни яды... «Яд номер двадцать»...

Снейп склонился над рукописью, вчитываясь в тесно наклепленные строчки. Внезапно побледнев, он отшатнулся от книги, словно то была живая гадюка.

«...Те самые симптомы! Так вот отчего умерла мама!.. И ведь я всегда неосознанно винил в её смерти отца, подозревал даже, что тот ей что-то подсыпал в еду, когда уволок меня из дома...»

«...Яд номер двадцать, представляет собой белые кристаллики, по виду и вкусу напоминающие соль...»

«...Отец оказался в доме раньше нас, успел заскочить на кухню и подмешать в солонку яд...»

«...Для уверенности в летальном исходе требуется употребление вещества ежедневно в малых дозах на протяжении двух недель...»

«...А маму положили в больницу только через месяц! Чёртова тётка! Если бы она действительно волновалась за сестру!..»

«...Противоядие готовится из тех же ингредиентов, только взятых в обратном порядке...»

У профессора потемнело в глазах. Узнай он о противоядии раньше, маму можно было спасти... Но теперь поздно сожалеть.

Зато... не поздно мстить.

Такое не прощают.

Нерон Снейп ответит за всё.

Глава 19. Ночь.

Пусть в душной комнате, где клочья серой ваты
И склянки с кислотой, часы хрипят и бьют —
Гигантские шаги, с которых петли сняты, —
В туманной памяти виденья оживут.

О. Мандельштам

Мир Джоан сузился до двух комнат, все мысли её крутились вокруг одного единственного человека. Будь она решительней, давно бы постаралась прояснить ситуацию, даже рискуя при этом всё испортить. Будь она более способна держать себя в руках, не думала бы об этом постоянно, одну за другой представляя воображаемые ситуации и отвергая их, как нелепые и неосуществимые.

Свои маленькие женские победы, такие, как давешний взгляд Северуса, Джоан откладывала в копилку, поближе к сердцу, чтобы в любой момент можно было достать и порадоваться. Но о возможности такой вспоминала она нечасто. Поводов для веселья было немного, и Джоан, отдававшаяся унынию так же полно, как и радости, всё чаще грустила, предоставленная своему одиночеству.

Будь она больше уверена в себе, её бы не мучили сомнения, только ли занятостью объясняется то, что Северус избегает ночевать у себя. Разговоров и общения профессор тоже избегал, но не так явно. На вопросы отвечал, но сухо. По своей инициативе объяснил, почему Джоан должна задержаться в Хогвартсе на неопределённое время. Уступив просьбе, рассказал про Малфоя и про эликсир, ради которого вместо мисс Димпл был убит какой-то старик. Пару раз, как и обещал, позанимался с Джоан зельями. Особых талантов, судя по всему, у маглы не обнаружил. И, боясь в очередной раз стать причиной его раздражения, больше настаивать на занятиях она не стала, хоть желание чему-нибудь научиться несколько не ослабло, а, наоборот, лишь раззадорилось после первых опытов.

В этот вечер Джоан легла рано, дожидаться прихода профессора не стала — была уверена, что или, как часто бывало, совсем не придёт, или придёт глубокой ночью.

Её разбудили кладбищенская тишина и сочащийся из-под двери неяркий серебряный свет. Джоан обхватила руками колени, сидя в центре огромной кровати, взгляд словно приклеился к узкой полоске серебра. Мысли в сонной голове медленно перетекали, перемешиваясь, как лапша в кастрюле. То хотелось встать и открыть дверь, то всплывали доводы «против». Сама Джоан с вялым безучастием наблюдала за борьбой разных частей своего «я».

Звон разбитого стекла. Джоан вздрогнула. Она уже начала засыпать сидя, но этот звук, вместе с тишиной в клочья разрезал и её апатию, и сон осколками обрушился куда-то прочь, освобождая сознание.

Джоан вспорхнула с постели и на цыпочках подошла к двери. Чуть приоткрыла. Заглянула в щёлку.

Северус стоял к ней спиной.

— Репаро.

Что он хочет исправить? Что разбил — жизнь свою? Иначе откуда столько боли в голосе?

Подойти, заговорить? А обрадуется? Вряд ли. Берёт с полки какую-то книгу, садится... Нет, не буду мешать.

Джоан опустилась на постель, но спугнутый сон не возвращался, видно, Морфей не хотел делить её с Северусом Снейпом. Взгляд то и дело возвращался к мягкому свету, льющемуся из-под двери. Наконец, он потух. Неизвестно почему, Джоан вздохнула свободней.

* * *

Было уже около часу ночи, когда Снейп поднялся по тайной лестнице к себе в комнату. Свечи потушены, значит, хвала Мерлину, Джоан спит.

Он бросил мантию на стул и снял сюртук. Спал он всегда в ночной рубашке до пят — ночами в Хогвартсе прохладно. Она выглядела далеко не роскошно, и сначала, когда Джоан только разместились в соседней комнате, у него мелькнула мысль заменить старую затрапезную на новую, получше. Однако исчезла эта идея ещё скорее, чем появилась. К старой пижаме

профессор давно привык. С какой стати что-то менять? К тому же, он вовсе не собирался щеголять перед Джоан в неглиже.

Профессор упал на диван, но сон не шёл. Хоть он и убеждал себя, что сожалеть — поздно, но горечь, злость и опустошение, по очереди сменяя друг друга, захлёстывали его с новой силой, не давая сосредоточиться даже на мыслях о мести.

— Люмос.

Нащупав озябшими ступнями тапочки, Снейп подошёл к бару и плеснул в стакан огневиски. Кстати, он давно не занимался с Джоан, а она не жалуется, молчит. Складка на лбу профессора сделалась глубже. Время. Его, как всегда, не хватает... Вот и с мамой... Перед внутренним взором ясно возникла голубая младенческая распашонка, реликвия одинокой, заточённой во враждебных стенах женщины. Стакан выскользнул из дрогнувших пальцев и со звоном разбился, разбросав по полу созвездие из острых осколков.

— Репаро, — стеклянные звёздочки соединились в одну прозрачную, переливающуюся звезду, которая, уплотняясь и растягиваясь, где надо, приняла форму стакана.

Профессор осветил шкаф с книгами. Где-то тут была брошюрка о магловских приборах... Поразительно: когда одна часть мозга на чём-то сосредоточена, другая, оказывается, может думать совсем о другом. Например, составлять план мести...

Через пару часов горелка для Джоан была готова. Он справился бы намного быстрее, но сперва потребовалось разобраться с принципом работы магловских устройств.

Готово. Кнопки, колёсико с делениями, регулирующее температуру, — всё, как у маглов, только основа действия — магия. Теперь Джоан сможет заниматься зельями самостоятельно. Надо будет принести для неё прямо сюда, в комнаты, котёл и запас составляющих для простейших зелий, а то она со скуки, и впрямь, в Глазго или ещё куда-нибудь соберётся...

Снейп потушил свет и лёг на диван. Усталость сразу же взяла своё, и профессор провалился в сон.

Сначала ему снилась мать. Она сидела на нагретом солнцем камне и, щурясь от бликов, смотрела на водную рябь. Северус поплыл к берегу. Вода была холодная и какая-то неправдоподобно плотная и тяжёлая, будто ртуть. Он упорно грёб руками и ногами, но берег не приближался ни на йоту. Внезапно вода стала сгущаться сильнее, не желая выпускать его из своих тисков. Движения Северуса замедлились. Вода, вернее, то, во что она превратилась, начала твердеть, наподобие застывающего цемента, сковывая его и не давая пошевелиться. Северус в отчаянии бросил взгляд на мать: она тянула к нему руки, облик её быстро менялся. Женщина на берегу сделалась выше, тоньше, смуглее, светлая длинная коса стала коротким каштановым ёжиком на макушке. Из-под чёрных ресниц испуганно смотрели тёмно-серые глаза. Вдруг в них мелькнуло недоумение, сменившееся ненавистью и презрением. «Убийца! Убийца! Убийца!..»

— Северус.

Голос Джоан выдернул профессора из плена кошмара. Он приподнялся на постели и затряс головой, прогоняя морок.

— Ты стонал во сне. Что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь?

Снейп яростно замотал головой и, осознав, что Джоан снова назвала его на «ты», скривился, как от зубной боли. Почувствовав осторожное прикосновение к волосам, отстранился и резче, чем хотел, произнёс:

— Мисс, почему вы не у себя в спальне?

Недоверчивый взгляд... И всё.

Нет, он ожидал не этой реакции. Джоан должна была обидеться и уйти. А лучше, возненавидеть. Все должны его ненавидеть и презирать, иного он не заслуживает... Ну что она стоит? И смотрит... с жалостью. Нет!

— Мисс, вы что-то здесь забыли?! Неужели непонятно, со мной всё замечательно! А если и почувствую недомогание, то обращусь к здешней медсестре мадам Помфри, а уж никак не к вам!

Джоан потупила глаза, но не ушла. Снейп ядовито прошипел:

— Теперь, когда вы удостоверились, что моей драгоценной жизни ничто не угрожает, может, всё-таки возвратитесь к себе в комнату и дадите мне хоть немного поспать?

— Конечно. Спокойной ночи, Северус, — глядя ему прямо в глаза, Джоан отвечала тихо и внятно. — Если что-нибудь будет нужно, зови. Я рядом.

Она вышла.

Оставшись один, профессор скорчился под одеялом, до боли в суставах сжимая в пальцах подушку. Словно открылась старая рана. С невыносимой болью ощутил он свою оторванность от людей. Никогда ещё одиночество так не тяготило, разве что в школе, на первом курсе.

...Яд, от которого нет противоядия, яд, причиняющий самые жестокие страдания, делящий мучения с восторгом садиста, яд вины — сколько лет можно носить его в себе? Этот яд заполнил душу, кислотой разъел всё, что ещё оставалось светлого, стал его вторым я...

Неудержимо захотелось завывать, но профессор только стиснул зубы.

Он встал и с тоской посмотрел на дверь, за которой только что исчезла Джоан.

...Как хочется вернуть её. Просто для того, чтобы почувствовать, что есть кто-то рядом, что ты не один...

...Нет. Он не позволит себе слабости.

Снейп отшвырнул злосчастную подушку и шагнул к рабочему столу. Всё равно не уснуть.

— Северус...

Он вздрогнул, но не обернулся. Тихий голос за спиной нерешительно замолчал.

— Да? — Снейп. За напряжённой интонацией затаилась надежда.

Мягкие пальцы бережно коснулись его плеча.

— Северус... Пожалуйста... Позволь мне быть с тобою... — шёпот, нет, шелест дрожащих на ветру листьев.

Он резко обернулся. Без развевающейся мантии, в ночной рубашке, это не произвело обычного эффекта. Джоан, сама в пуританской сорочке до пола, купленной профессором в магловском супермаркете, потянулась навстречу. Снейп сделал последнюю слабую попытку остановить Джоан, выставив вперёд ладони, но она поймала их, сложила вместе и прижала к губам.

— Джоан, — профессор больше не мог говорить.

— Северус, я люблю тебя. Неужели ты этого ещё не понял? Думаешь, я торчу здесь, в замке, как принцесса в заколдованной башне, из-за чокнутого Малфоя? Даже если он на самом деле такой страшный, как ты расписываешь, я могла бы купить билет на самолёт и улететь куда-нибудь в Австралию! Но я сижу, как привязанная, в двух комнатах. Попугайчикам в клетке — и то просторнее! И угадай, Северус, угадай, зачем мне всё это нужно?

— Не знаю, — привычное самообладание вновь вернулось к профессору. — И зачем же? — он приподнял бровь.

Джоан тихо рассмеялась.

— Как я люблю, когда ты язвись.

— Правда? — Снейп, казалось, искренне удивился. — Я думал, этого никто не любит. Наверное, у вас, мисс Димпл, не всё в порядке с головой, — при этих словах Джоан счастливо улыбнулась и прижалась щекой к впалой груди профессора. — Кстати, — уголки губ его едва заметно дрогнули, — тебя никто не заставляет неотлучно находиться в комнатах. Зачем, думаешь, Дамблдор подарил тебе мантию-невидимку?

— Откуда мне знать, у меня же с головой не всё в порядке!

— Будь ты моей студенткой, обязательно снял бы с твоего факультета пятьдесят баллов за недогадливость. Лонгботтом, и тот, наверное, уже бы сообразил, что к чему.

— Значит, хогвартским факультетам несказанно повезло, что на них не учусь я, — Джоан подняла голову и заглянула профессору в глаза. — Но ты всё равно можешь снять с меня баллы, если хочешь, — она потёрлась щекой о профессорскую руку, словно кошка. — И не только баллы.

А когда он несмело обнял её, лукаво добавила:

— И, пожалуйста, не упоминай при мне всё время этого Лонгботтома, а не то я начну ревновать.

Глава 20. Подарок Дамблдора.

...Ты всё толкуешь наобум,
От этого ничуть не хуже,
Что делать, самый нежный ум
Весь помещается снаружи.

...И, право, не твоя вина,
Зачем оценки и изнанки?
Ты как нарочно создана
Для комедийной перебранки.

В тебе всё дразнит, всё поёт,
Как итальянская рулада.
И маленький вишнёвый рот
Сухого просит винограда.

Так не старайся быть умней,
В тебе всё прихоть, всё
минута.
И тень от шапочки твоей —
Венецианская баута.

О. Мандельштам

Снейп открыл глаза и потянулся на постели. Остатки сна, лёгкого и приятного, нежно щекотали воображение. Вдруг взгляд его остановился на лежащей рядом Джоан. События прошедшей ночи вихрем пронеслись в голове. Утро, трезвое и суровое, выветрило эмоции, оставив профессору только логику, холодную и властную. Опять проявил слабость, но, кажется, есть ещё шанс исправить ошибку.

— Мобиликорпус.

Спящая Джоан, словно лодка, поплыла по воздуху к себе в комнату, подметая по дороге пол краями одеяла. Профессор руководил выдворением оккупантки сличной территории посредством палочки. Аккуратно опустив её на кровать, он поправил одеяло, задумался на секунду, словно сомневаясь в своих намерениях, нахмурил брови так, будто ему предстояло сделать что-то крайне неприятное, и быстро произнёс:

— Обливиэйт.

В последний момент что-то ударило его по руке, и луч из палочки, описав дугу, врезался в карниз, не задев цели. Джоан, красная от гнева, вскочила с кровати, глаза метали молнии.

— Северус! Как ты мог?! После того, что между нами было!

— Именно поэтому, — голос Снейпа звучал невероятно устало, казалось, он был сам себе противен.

Но Джоан словно не слышала его:

— Ты хотел стереть мне память?! Да какое ты имеешь на это право?!

— С чего вы взяли? Как давно вы начали разбираться в заклинаниях? С такими обширными знаниями пора уже претендовать на кафедру Хогвартса.

— Не язви! И называй меня на ты!

Снейп проигнорировал её просьбу.

— Вот как? Не вы ли давеча говорили, что вам это нравится? Выходит, лгали?

— Я знаю, что значит «обливиэйт»! Я прочла об этом в книге!

— А в этой книге не было написано, как вести себя культурно? В частности, о том, что орать в приличном обществе не принято?

Джоан всхлипнула, у неё в глазах давно уже стояли слёзы, но Снейп, увлекшись перебранкой, заметил это только сейчас.

Его лицо дрогнуло, он протянул было к Джоан руку, но передумал и вышел из комнаты.

* * *

Первая пара опять у Гриффиндора! Кто только составлял это идиотское расписание? Амбридж ему в жёны! В нормальном расписании никакого Гриффиндора не должно быть в помине! Пусть зелья им читает МакГонагалл или Филч, на знаниях красно-золотых кретинов это всё равно никак не отразится.

Снейп был невероятно зол на себя. Разве Джоан в чём-то виновата? Только в том, что любит его, скотину и мерзавца. Мерзавца, несущего всем, кто имел несчастье его любить, боль и страдание. Не поедь он тогда к маме на каникулы, она бы и сейчас была жива... А Флора... он никогда не искупит этот грех. Как ни пафосно это звучит. Пускай Дамблдор, этот добренький рождественский дед, простил его, пускай небеса пусты, и им, дурацким, голубым и идиотски блаженным, всё глубоко безразлично, но жив ещё человек, который никогда не простит Северуса Снейпа, человек, который ненавидит его в сотни раз сильнее, чем Гарри Поттер, Гриффиндор и Мародёры вместе взятые. И этот человек — он сам.

— Уизли, о чём вы там шепчетесь с Грейнджер? Хвалитесь, как лишились звания старосты? А вас, Грейнджер, если будете и дальше разговаривать на уроке, я выгоню из класса. По десять баллов с каждого. Да, Пэнси? Рецепт на доске. Там всё ЯСНО написано.

...Он запутался. Знает, чего от него хочет Джоан, но не знает, чего хочет сам. Любит и, в то же время, постоянно её отталкивает. Может, пытается наказать сам себя? Но при чём тогда Джоан? Зачем заставлять мучиться её?

— Лонгботтом, вы умеете читать? Все компоненты перечислены! Что у вас в руках? Порошок из сушёных омаров? А на доске что написано? Да не на меня смотрите, на доску! Ну? Ко-ма-ров! Комаров, Лонгботтом, а не омаров! Минус пять баллов за неграмотность!

...Нет. Всё дело в нём. Пытается мстить себе, а причиняет зло Джоан. Сейчас он пойдёт к ней и попросит прощения.

— Уизли! Вы уже закончили работу? Нет? Почему тогда вы смотрите не в котёл, а на Грейнджер?

— Поттер! Что за вонь?! Даже Лонгботтому ещё не удавалось приготовить подобной гадости! Ну да ведь вы же, Поттер, во всём стремитесь превзойти остальных! По пять баллов с каждого. Поттер, можете не сдавать работу, я итак вижу, что выше «отвратительно» вы не заслуживаете.

...Когда же, наконец, закончится урок?!

— Пэнси, а лужу кто убирать будет? Грейнджер, вы что-то хотели?

Гермиона, уже минут пять тянувшая руку, наконец получила возможность сказать:

— Вы допустили ошибку. В рецепте действительно должен быть порошок из сушёных комаров, но на доске написано «омаров»!

«Проклятая зубрила! Чёрт бы побрал тебя с твоей внимательностью!» О, если б взглядом можно было испелелить! Снейпу некстати вспомнилась найденная в гриффиндорской гостиной карикатура.

— Мисс Всезнайка, из-за вас ваш факультет потерял сейчас двадцать баллов.

— Но она права! Ошиблись вы, а баллы снимаете с Гермионы?!

Снова Поттер! Профессор уже не шипел, а рычал:

— Если вы немедленно не сядете, факультет тупиц лишится ещё двадцати баллов!!!

Снейпа почти колотило от бешенства, он с ненавистью уставился на Поттера. В глазах мальчишки не было страха, только насмешка, и профессор понял, о чём тот думает — Гарри вспомнил сцену из Омута Памяти — сцену унижения его, Снейпа. Профессор побелел, как бумага, на лбу выступила испарина, ему стоило невероятных усилий сдержаться, чтоб не выхватить палочку и не сотворить с Поттером чего-нибудь ужасного.

— Урок закончен! Вон из класса!

Он закрыл глаза, зная, что когда откроет, в классе, кроме него, не останется ни одной живой души. Прождав для верности ещё несколько секунд под аккомпанемент собственного шумного дыхания, Снейп открыл глаза и побледнел от злости. Он был не один. Напротив стоял директорский любимчик, рядом красная мисс Грейнджер и с ними, разумеется, последний из неразлучной тройцы — Рональд Уизли.

...Какого дьявола им здесь надо?!

— Разве я не сказал: вон из класса?!

Уизли снова дёрнул Поттера за рукав, но безуспешно, тот остался стоять.

— Может, вы объясните вот это, профессор? — в голосе смешались издёвка и испуг, но причиной испуга был не Снейп: Поттер, по-видимому, испугался собственной храбрости.

Узнав чёрный лоскут, которого он не досчитался на подоле мантии в памятную ночь визита в гриффиндорскую гостиную, профессор на миг переменялся в лице, дыхание остановилось, сердце забило гулко и неистово. Нет, этот щенок не заставит его смутиться! Лицо Снейпа превратилось в холодную безучастную маску.

— Поттер, я не интересуюсь обрывками тряпок. Отдайте Грейнджер, может, она сошьёт из неё платье для куклы.

Снейп с удовлетворением наблюдал, как вспыхнуло лицо отличницы.

— Вы прекрасно знаете, о чём я!

— Сэр, — прошипел профессор.

— Сэр, — неохотно добавил Гарри и выпалил накопившиеся вопросы. — Зачем вы полезли в нашу башню?! Это ведь от вашей мантии обрывок! Гермиона нашла его в гостиной!

— Вот как? — бровь слизеринца удивлённо поползла вверх, а губы привычно изогнулись в презрительной усмешке. — Выходит, это мисс Грейнджер я обязан порчей своего имущества? Так где вы это обнаружили, мисс Грейнджер, в гостиной Гриффиндора? А почему бы не сразу в собственной постели? От отличницы я был вправе ожидать фантазии побогаче.

Гермиона смотрела на преподавателя с ужасом и непониманием. Рон открыл рот. Гарри побледнел от возмущения.

— Да как!.. — мальчишка задохнулся от негодования.

— Что «как», Поттер? Утратив объект поклонения в лице незабвенного профессора Локхарта, мисс Грейнджер, по-видимому, решила выбрать своей жертвой меня, улучила подходящий момент и отхватила от моей мантии сувенир на память, наверное, для коллекции, — Снейп откровенно издевался. — Лежать ему теперь в розовой открыточке с ангелочками, между грязным носовым платком Локхарта и старым носком профессора Дамблдора...

Гермиона развернулась и вылетела из класса. Уизли кинулся за ней. Гарри прожёл Снейпа полным ненависти взглядом, губы его побелели.

— Вы — подлец!!! — он швырнул профессору в лицо злосчастный кусочек ткани.

Снейп улыбнулся:

— Ну, разумеется, Поттер, — и добавил, когда Гарри был уже в дверях. — Минус двадцать баллов.

* * *

Джоан Димпл придерживалась жизненной позиции, утверждающей, что лучше сделать и потом пожалеть, чем НЕ сделать и впоследствии жалеть о несделанном. Как только дверь за профессором с треском захлопнулась, Джоан передумала рыдать: стремительно одевшись, закуталась в мантию-невидимку и выскользнула в коридор. Прежде у неё не было возможности осмотреть замок со всеми его чудесами, ну что ж, зато наверстает теперь. Джоан храбро пролетела три коридора, ни на чём не задерживая взгляд, — просто в восторге от ощущения свободы. Затем любопытство пересилило, и она, замирая от удивления, окунулась в неизведанный мир: движущиеся лестницы, чинно совершающие очередное па торжественного менюэта в головокружительно огромном пространстве — нет, целой Вселенной — чудесного замка, живые картины, старинные доспехи, таящие в железном чреве неведомые загадки... Пьянящая, летящая, восхитительная свобода! Тайны, волшебство, готическая, храмовая красота стрельчатых окон и тёмных каменных сводов — Джоан вспомнила Гауди. Мир снов — оживший, вырвавшийся из плена иллюзий, сладкой сказкой обволакивал грубую плоть реальности. Обиды и горести превратились в пыль, в ничто, под напором бурной, всё подчиняющей радости. Джоан охватила невиданная лёгкость. Она чувствовала себя вакханкой, летящей птицей по весеннему лесу на пир дриад, сатиров и фавнов. Казалось, ещё чуть-чуть, и за следующим поворотом каменные стены обовьёт тугая лоза, и пьяные тяжёлые грозди сами упадут в протянутую руку.

Мисс Димпл, как губка, впитывала впечатления. Но вскоре «губка» наполнилась, любопытство ушло, уступив место усталости. В сердце заскреблась неясная тревога. Как она найдёт дорогу обратно? Эта мысль неприятно поразила Джоан, напомнив о собственной непредусмотрительности. И что же делать теперь? Спросить дорогу она не может — ей ясно было сказано, что никто из обитателей замка не должен её видеть. Да и никто до сих пор не попадался — школьники, очевидно, были на занятиях. Джоан огляделась: коридор, в котором она находилась, лентой убегал вдаль, ветвясь вправо и влево многочисленными проходами. Но какой из них привёл её сюда, девушка не помнила — хоть убей! Уже без прежнего восторга Джоан вглядывалась в картины, но люди на них переходили с одного полотна на другое, а лица

их смазывались в одну безликую маску: охра на чёрном фоне. Девушка закрыла глаза. Маска никуда не исчезла, но стала бледнеть, черты сделались резче, глаза потемнели, превратившись в две бездонные шахты. Джоан опомнилась, и план, пускай несовершенный, но нелишённый смысла, тут же созрел в её голове. Придётся бродить по замку до тех пор, пока нужная дверь не отыщется сама, либо пока не встретятся Дамблдор или Снейп. Чёрт! Как выглядит её дверь снаружи, она и не посмотрела! Что ж, тогда остаётся второй вариант — надежда умирает последней.

Джоан брела по бесконечной паутине хогвартских коридоров. Уже час, наверное, прошёл с той минуты, когда она осознала, что заблудилась. «Прогулка» больше не доставляла ни малейшего удовольствия, красоты замка лишь раздражали. Всё внимание было сосредоточено на том, чтобы не столкнуться со снующими туда-сюда школьниками. Как раз сейчас трое подростков: привлекательная девушка и два парня, рыжий и черноволосый в очках, все чем-то невероятно расстроенные, поравнялись с Джоан. Не видя её, подростки бурно обсуждали свои проблемы, при этом рыжий отчаянно жестикулировал и ругался, девушка трясла волосами, а парень в очках — Джоан заметила на его лбу необычный шрам — сжимал кулаки и тоже ругался, ничуть не уступая в этом искусстве рыжему. Не желая стать невольной свидетельницей чужих тайн, Джоан резко отвернулась и не смогла сдержать рвущийся из груди крик: из стены неторопливо выплывало нечто полупрозрачное, очертаниями напоминающее толстого, как бочка, человека. Магла зажала рот ладонью, но было поздно: парень в очках выхватил палочку, быстро произнёс печально знакомое Джоан «ступефай», и она, чувствуя, как деревенеют застывшие мышцы, срубленным деревцем рухнула на каменный пол. Если бы в Хогвартсе стелили ковры, или, если хотя бы Джоан заранее кто-нибудь научил правильно падать, она бы не ударилась головой и смогла бы увидеть, что было дальше, но очнулась она только в знакомой комнате, которую привыкла уже считать домом. Открыв глаза и поморгав ими, чтоб вернуть изображению былую чёткость, магла с облегчением обнаружила, что нависающее над ней расплывчатое чёрное пятно — никто иной, как профессор зельеварения. Тревога на его лице тут же сменилась яростью. Джоан инстинктивно вжалась в спинку кресла. Снейп отступил на шаг.

— Мисс, вы хоть понимаете, что натворили?! — он шипел и брызгал слюной так, что Джоан испуганно сморщилась и прикрыла лицо рукою. — Через час — самое большее, а, вернее, через пять минут, вся школа будет думать, что в замке прячутся Упивающиеся, если не сам Тёмный Лорд!

У Джоан мелькнула мысль спросить, кого Северус имеет в виду, но злость, с которой он выплёвывал слова ей в лицо, убила это желание на корню.

— Я никак не мог ожидать от вас подобной глупости! Это ж надо было: выдать себя, да ещё не при ком-нибудь, а при Поттере!

Джоан с трудом разжала слипшиеся губы:

— Так это он меня... заклинанием?..

Профессор побледнел и, вцепившись пальцами с побелевшими костяшками в подлокотники кресла, навис над перепуганной Джоан. Приведение Монаха, которое недавно нагнало на неё страх, казалось по сравнению с взбешённым профессором херувимчиком с рождественской открытки. Джоан сделала попытку раствориться в кресле, но безуспешно. Снейп сверлил её яростным взглядом.

— Поттер ударил вас заклинанием? — профессор говорил тихо, но от этого не становилось менее страшно: таким голосом объявляют смертные приговоры.

— Д... да... — пролепетала она.

— Подросток. В очках. Со шрамом на лбу? — уточнил Снейп.

— Д... да... — Джоан мечтала провалиться сквозь землю.

— Чёртов Монах! Сказал, будто вы упали в обморок при виде него! — Снейп ударил кулаком по столу, Джоан вздрогнула.

— Что... что вы с ним делаете? — в её голосе звучал неподдельный ужас.

— Ничего. Он УЖЕ умер, — голос мужчины прошелестел неприятно и жутко.

— А мальчик?.. Он же не виноват... Он же меня не видел... — Джоан запуталась в словах. — Ведь уже всё в порядке...

— В порядке?! — Снейп орал. — Да вы хоть понимаете, чем это вам грозит, если это дойдёт до Малфоя?! И, стоит только узнать об этом инциденте кому-нибудь из слизеринцев или болтливых хаффлпаффов, Люциус узнает тут же, непременно!!!

Джоан повесила голову. Она вовсе сожалела о случившемся, но ей совсем не было страшно. Чего тревожиться, когда за тебя это делают другие? Она подумала о том, что гнев профессора рождён страхом за неё. Сознать это было безумно приятно.

— ...Надеюсь, у вас достанет сообразительности понять, что впредь покидать ваше жильё не следует?

Что? А она как раз хотела попросить прощения и сказать, что в следующий раз будет умнее и осторожнее...

— Вашу мантию-невидимку во избежание соблазна я верну профессору Дамблдору.

Ну уж нет! Это подарок!

— Нет, пожалуйста!.. Тем более, он сам мне её подарил, — Джоан лихорадочно оглянулась по сторонам, ища глазами волшебную мантию.

— Подарил, чтобы вы делали глупости? Подарил, чтобы вы шмыгали в ней по замку, подкрадывались к студентам и орали им в ухо в надежде получить в награду заклятие поизощрённее? Поверьте, помимо беготни за дорвавшейся до волшебства маглой мне хватает докучливой обязанности следить за подрастающим негодяем Поттером, который-выжил-только-затем-чтобы-свести-меня-в-могилу!

Джоан выпустила из лёгких воздух, который она набрала, чтоб высказать профессору очередной довод в свою защиту. Ах, вот как? Значит, всего лишь дорвавшаяся до волшебства магла? И долго ещё эта магла намерена терпеть подобное отношение? Неужели у неё полностью отсутствует чувство собственного достоинства?

— Хватит! Я больше не намерена осложнять вам жизнь. Я ухожу.

Искра, мелькнувшая в глазах профессора, говорила: не верю. Почему-то Джоан это больно задело. «Я ухожу», — повторила она про себя. Сказанные мысленно, слова прозвучали гораздо убедительнее.

Джоан подхватила лежащую на полу мантию-невидимку, набросила на плечи и растворилась, оставив профессору пустое кресло и скрип дверных петель.

Глава 21. Прощай, замок!

Я счастье разбил с торжеством святотатца,
И нет ни тоски, ни укора...

Н. Гумилёв

Джоан везло, если только успешное бегство от самой себя можно считать везением. Всего каких-то десять минут блужданий по замку понадобилось ей для того, чтобы найти огромный холл с диковинными песочными часами, где вместо песка сверкали красные, жёлтые, синие и зелёные самоцветы. Хоть она и думала, что сыта чудесами по горло, любопытство взяло верх, и Джоан, невидимая под волшебной мантией, приблизилась к часам. Если они и показывали время, то каждые — своё. Синие камешки определённо лидировали. Джоан обернулась, кожей почувствовав, что в холле не одна. Мужчина средних лет неприятной наружности со злостью тёр шваброй каменный пол. К высоким массивным дверям убежала цепочка грязных следов. Не надо было быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться, что за этими дверями ждёт свобода. Джоан, стараясь ступать бесшумно и не думать о том, что она оставляет в Хогвартсе, прокралась к двери, бросила осторожный взгляд на мужчину со шваброй, дождалась, когда он посмотрит в другую сторону, и выскользнула наружу.

Свежий, чересчур свежий ветер, встретивший Джоан на свободе, моментально остудил её.

«Какого чёрта? Я что, дура? Для чего вдруг понадобилось убежать? Могла бы, на худой конец, заглянуть в календарь — конец октября на дворе, а я, как глупая психанувшая девчонка, выбежала на холод в одной мантии! Что теперь — возвращаться? Просить прощения? За что только? Это ведь не я Северусу — он мне хотел стереть воспоминания! Он на меня кричал, а не я на него! Даже не поверил, что решусь вернуться назад, к прежней жизни! Лучше и правда улететь куда-нибудь в Австралию... Нет, в Хогвартс я не вернусь! Не околею же, в конце концов. Куда идти — примерно понятно: за ворота и пилить, пока не покажется шоссе. Или попытаться отыскать место, где в сентябре ставила палатку, уж оттуда-то дорогу к шоссе хорошо помню...»

«...Вот и ворота.

Прощай, Замок! Прощай, чудо из чудес, несбыточное счастье! Этот мир не для Джоан Димпл. Она оказалась недостойна тебя. Ну и ладно».

Джоан сняла мантию-невидимку. Зачем она нужна в Глазго? Воровать в супермаркетах? За соседями подглядывать? Нет уж, если она что-то и возьмёт из этого замка, то только воспоминания о человеке с глазами, как ночные грёзы...

А Северус, будет ли он вспоминать о глупой, нелепой магге, свалившейся с метлы, цеплявшейся, как последняя дурочка, за дерево, пытавшейся варить волшебные зелья, испугавшейся привидения?..

Или решит, что бегство — последнее звено в цепи доказательств её никчемности?

Так, скорее всего, и будет...

Бесценная мантия повешена на створку ворот. Калитка беззвучно закрылась за спиной. Ну вот, кажется, попрощались. Глупый, нелепый конец. Неужели это всё? Последний раз оглянуться...

Джоан вздрогнула, будто сердце её сжал ледяной кулак. Пути назад не было. На месте замка лежали руины.

Холод и пустота нахлынули внезапно, скрутили, схватили за горло. Надежды, помыслы, мечты — всё обратилось в руины! Нелепо, обидно, бессмысленно!.. Не по чьей-то злой воле, не по прихоти коварной судьбы, а из-за её, Джоан, собственной глупости... Внезапно захотелось умереть. Мысль о смерти была единственной, не причинявшей боли. Дойти до шоссе и броситься под машину...

Джоан стало легче, она плотнее закуталась в зябкую мантию и поспешила прочь.

* * *

Избавившись от гриффиндорцев, Снейп направился было в учительскую, но на полпути вспомнил о своём намерении извиниться перед Джоан. Эта мысль вызвала сопротивление. Он вообще никогда не извинялся, и начинать впервые в тридцать семь лет не казалось

профессору слишком хорошей идеей. Но, возможно, Джоан уже позабыла об утреннем инциденте?.. Она, в отличие от него, не копит обиды...

Путь преградил зловещий призрак Кровавого Барона. Он колыхался в метре над полом, словно колеблемый ветром пиратский стяг. Подумав, что и привидениям не по вкусу сквозняки, Снейп вопросительно приподнял бровь: не просто же так призрак Слизерина останавливает декана своего факультета?

— Профессор Снейп? Я могу с вами поговорить? — голос привидения состоял из неприятной для слуха смеси свиста и хрипа.

— Да, Барон, я вас слушаю, — мастер зелий напрягся — старожил слизеринских подземелий не стал бы снисходить до разговора с кем-либо, пусть даже и с самим деканом, без веских оснований.

— Пересечение коридоров Благочестивой Марты и Дивной Дианы. Поторопитесь, — не дожидаясь реакции Снейпа, призрак просочился сквозь потолок.

В лицо профессору пахнуло холодом — улетаая, привидение задело его волосы подолом своей хламиды. Недоумевая, что же всё-таки могло произойти, но мысленно готовясь к самому худшему, Снейп кинулся, куда указал ему призрак. Длинная мантия хлопала за спиной, словно возмущаясь подобной скоростью.

Вот уже близко, один поворот — и всё. Появиться надо, как всегда, незаметно, палочка наготове.

Картина, открывшаяся взору мастера зелий, не могла не показаться странной: Толстый Монах, наполовину торчащий из стены, с выпученными, как у рыбы глазами, настороженная Грейнджер, тянущая руку в карман, очевидно, за палочкой, Уизли, пытающийся заслонить её от неведомо какой опасности, и, в довершение, вездесущий Поттер, растрёпанный, как дворняга, с зажатой в руке волшебной палочкой, направленной в пустое пространство у стены. В следующую секунду Поттер осторожно двинулся вперёд, протянув руку, словно пытаясь нащупать что-то невидимое. Реакции Снейпа позавидовал бы любой спортсмен — его пальцы тяжело опустились на плечо парня, не дав закончить движение.

— Проблемы, Поттер? — поинтересовался он насмешливо.

Гарри сверкнул глазами. В его лице отразилась борьба: как ни относился он к профессору, невидимый враг мог оказаться кем-то из Упивающихся, а Снейп — член Ордена Феникса... С ненавистью глядя на зельевара, Гарри процедил сквозь зубы:

— Проблемы будут у всей школы, если вы будете мне мешать!

Профессор наградил Поттера самой презрительной из своих гримас и ещё сильнее сжал пальцы на его плече. Гарри рванулся из железной хватки, но безуспешно.

— Профессор Снейп, — Гермiona единственная из троицы сумела сохранить спокойствие.

Она мягко оттолкнула Рона, который встал между ней и зельеваром.

— Мы шли по коридору и услышали крик. Кричала женщина, причём очень близко. На том месте, откуда слышался голос, никого не было. Полагаю, это мог быть кто-то невидимый.

— Спасибо, мисс Грейнджер, я проверю. А теперь, все трое, можете быть свободны, — ледяной тон профессора не допускал возражений.

Он выпустил плечо Гарри и проследил взглядом, пока недовольная троица не скрылась в глубине коридора. Затем, зыркнув на Толстого Монаха, от чего тот чуть не растёкся по полу туманом, профессор протянул руку в ту сторону, куда указала Грейнджер, и куда так рвался Поттер. Так и есть! Оправдывались самые худшие его подозрения: на полу у стены, скрытая под мантией-невидимкой, валялась Джоан, очевидно, в обмороке. Отогнув край капюшона, Снейп узнал знакомое лицо. Мерлин, да что ж такое? Почему с этой маглой столько хлопот? Не меньше, чем с Поттером!..

Заметив, что Монах всё ещё здесь, профессор, быстро прикрыв лицо девушки капюшоном, обернулся к нему.

— Что. Здесь. Произошло? — то ли призрака впечатлили паузы после каждого слова, то ли он случайно позабыл, что уже имел несчастье умереть, и грозный слизеринец ему не страшен, но факт остаётся фактом: Монах из перламутрового стал серым, как грязная паутина, и задрожал мелкой осиновою дрожью.

— Я спросил, — с нажимом повторил Снейп. — Что. Здесь. Произошло?

Привидение торопливо кивнуло прозрачной головой, нервно сглотнуло, хоть глотать привидениям и нечего, и слабым извиняющимся голосом залепетало:

Глава 21. Прощай, замок!

— Я не виноват, монсеньер... профессор... Я иду... лечу... Слышу: «Ааа!»... Я в шоке... думал, кого-то напугал... Слышу стук... никого нет... Может, позвать миледи Помфри?.. Я мигом... Девушка в порядке?

— Девушка? — резко оборвал Снейп. — Запомните, здесь не было никакой девушки, ясно? И вообще, ровным счётом ничего не было. Ни-че-го.

— Да, да, — поспешно закивал Монах, его толстые щёки с готовностью расплылись в широкой улыбке — долго обходиться без неё он не умел. — Я никому... Провалиться мне на месте... Прости, Господи!.. Да чтоб язык мой отвалился, если я, да кому-нибудь...

Пространные заверения призрака были прерваны пристальным недобрым взглядом профессора, впрочем, выражение лица у него в эту минуту было самое вежливое. Монах осёкся на полуслове и бесславно ретировался.

Снейп произнёс:

— Мобиликорпус, — и второй раз за этот день Джоан поплыла над полом, повинуясь движениям палочки.

Очутившись у себя в комнате, он сдёрнул с зависшей в воздухе Джоан мантию-невидимку и взмахом палочки бросил девушку в кресло.

— Энервейт! — то ли это заклинание действует на маглов иначе, то ли у Джоан на него индивидуальная, замедленная реакция, но приходит в себя она не торопилась.

— Энервейт! — на сей раз помогло — Джоан приподняла голову и заморгала.

Ненормальная! Беспечная, неосторожная девчонка! Она хоть понимала, чем рисковала? А если б ей повстречался кто-нибудь из Слизерина? Надо же — упасть в обморок при виде самого безобидного из всех хогвартских привидений!

— ...Мисс, вы хоть понимаете, что натворили?!

О, Мерлин, она ещё и лицо прикрывает! Раньше надо было бояться!

— ...Я никак не мог ожидать от вас подобной глупости! Это ж надо было: выдать себя, да ещё не при ком-нибудь, а при Поттере!

Что это, любопытство в глазах? Нет, она, определённо, ненормальная... Ну что она там хочет сказать, оправдываться будет?

— ...Так это он меня... заклинанием?..

На миг в глазах потемнело. Снова пощёчина от Поттеров! Мальчишка посмел тронуть его женщину!.. Но полно, Поттер ли это? Ведь Джоан не знает мальчишку...

— Подросток. В очках. Со шрамом на лбу? — ну пусть скажет, что это был Уизли!

— Д... да...

— Чёртов Монах! Сказал, будто вы упали в обморок при виде него! — этого сопливого героя даже привидения выгораживают!

Как же: знаменитость, всеобщий любимец!

— Что... что вы с ним сделаете? — вот ненормальная, ну что ей за дело до жирного глупого привидения, и почему она решила, будто я собираюсь что-то с ним делать, нет, что ли, более важных дел?

— Ничего. Он УЖЕ умер.

— А мальчик?.. Он же не виноват... Он же меня не видел... Ведь уже всё в порядке... — не хватало только, чтобы Джоан становилась поттеровским адвокатом! Дура! Подставила себя, а заодно и меня, и весь Орден под удар, а думает о каком-то там Поттере!

— В порядке?! Да вы хоть понимаете, чем это вам грозит, если это дойдёт до Малфоя?! И стоит только узнать об этом инциденте кому-нибудь из слизеринцев или болтливых хаффлпаффов, Люциус узнает тут же, непременно!!!

Повесила голову. Похоже, ей и правда стыдно. Раньше думать надо было.

— ...Надеюсь, у вас достанет сообразительности понять, что впредь покидать ваше жильё не следует? Вашу мантию-невидимку во избежание соблазна я верну профессору Дамблдору.

— Нет, пожалуйста!.. Тем более, он сам мне её подарил, — смотрит умоляюще. О, Мерлин! Да похоже, из всей беседы Джоан только это и задело по-настоящему! Она думает, мы тут в игрушки играем!

— Подарил, чтобы вы делали глупости? Подарил, чтобы вы шмыгали в ней по замку, подкрадывались к студентам и орали им в ухо в надежде получить в награду заклятие поизощрённее? Поверьте, помимо беготни за дорвавшейся до волшебства маглой мне хватает докучливой обязанности следить за подрастающим негодяем Поттером, который-выжил-только-

затем-чтобы-свести-меня-в-могилу! — дойдёт до неё когда-нибудь или нет? Ой, только не надо, ради Бога, демонстрировать мне оскорблённые чувства, и не такого навидался...

— Хватит! Я больше не намерена осложнять вам жизнь. Я ухожу.

Блеф. Никуда ты отсюда не уйдёшь. Хочешь вынудить меня извиниться? Сейчас не самое подходящее время. Если кто-то и должен просить прощения, так это ты, безмозглая, безответственная, безалаберная...

Быстрые пальцы метнулись к брошенной на пол мантии, секунда, и Джоан исчезла. Мог бы успеть схватить её за руку, удержать — это было нетрудно. Но что-то в последний момент остановило. Наверное, то, что сама Джоан именно этого и добивалась.

Жалобно скрипнули дверные петли, слабый тонкий звук, подрагивая, завис в опустевшей комнате. Снейп выругался и бросился вслед.

Глава 22. Беглянка.

Осенний сумрак — ржавое железо —
Скрипит, поёт и разъедает плоть...
Что весь соблазн и все богатства Креза
Пред лезвием твоей тоски, Господь!

О. Мандельштам

Когда она в первый раз очутилась в этом лесу, всё здесь пело гимн красоте. Золото, багрянец, тонкие нежные жилки осенних листьев, еле уловимый грустный аромат ранней осени... Теперь Джоан окружали чёрные кости голых деревьев, словно мощи давно скончавшихся атлантов, подпирающие низкие, графитно-серые небеса. Обезображенные смертью почерневшие листья скорчились на дне грязных луж. Холод и никаких запахов.

Где же это чёртово шоссе?

Туфли давно промокли, ветер пробирал до костей, но Джоан ничего не замечала, кроме чёрной гнетущей пустоты, окутавшей её ледяным покрывалом.

* * *

Снейп вихрем вылетел в коридор, но поздно — негодную маглу было уже не поймать. А через минуту начнётся пара у второкурсников Хаффлпаффа и Равенкло... Чёртова девка! Ну не рванёт же она в самом деле из замка! Наверняка только пугает... Ничего, покружит по коридорам, два часа ей как раз должно хватить, чтоб привести мозги в порядок...

Долго ещё несчастные второкурсники вздрагивали, вспоминая этот урок. И они думали, что Снейп злой? Что он придирается? Ха! Да по сравнению с сегодняшним днём, раньше он был просто ангел!

Наконец-то прозвенел колокол. Не успел самый нетерпеливый равенкловец добежать до двери, как мастер зелий чёрной тенью опередил его. Снейп бросился в свои комнаты. Карта мародёров — вот что ему нужно! Должна же и от поттеровского барахла быть какая-то польза!

О нет... Профессор ещё раз обежал взглядом пергамент, заглянув и в теплицы, и на астрономическую башню, но двух слов, которые он искал, на карте не было: выходит, Джоан уже за воротами... Мерлин! Она что — совсем не соображает?! Идёт война, а магла решила характер демонстрировать!

Выругавшись, Снейп кинулся прочь из замка, к воротам.

Что это? Серебристо-жемчужная струя стекает и никак не стечёт со створки ворот. Профессор остановился, протянул руку к оставленной мантии и закатил глаза: «Знала б она цену этой вещи...» Накинув на плечи директорский подарок, не оценённый по достоинству недалёкой маглой, Снейп направился дальше.

...Заклинание, что помогло Джоан увидеть Хогвартс... Оно должно было прекратить действие, как только магла вышла за ворота, стало быть, антимягловские чары снова действуют, и по дороге на Хогсмид Джоан пойти не могла: магия погонит её прочь...

Профессор свернул в лес.

Кто знает, куда её чёрт понёс...

— Ацио, метла!

Верный «Нимбус» со свистом рассёк воздух, рукоять врезалась в ладонь. Метла подрагивала от нетерпения — так ей хотелось полетать. Снейп провёл рукой по блестящему дереву, коснулся палочкой, наводя чары невидимости, оседлал метлу и взвился в небо.

...Минут через тридцать напряжённых поисков, на исходе которых он готов уже был пожалеть, что не оставил Джоан в замке Малфоев, профессор наконец заметил её. Первым побуждением было заграбастать девчонку в охапку, уволочь в замок и там уже разобраться со всеми её выкрутасами. Но нет, это было бы слишком просто... Где гарантия, что она больше не попытается сбежать? Да и вообще, если Джоан так уж приспичило вернуться к маглам, вправе ли он ей препятствовать? Сам когда-то обещал Дамблдору проводить мисс Димпл до дому, если той наскучит хогвартское гостеприимство...

Бесшумно опустившись шагах в двадцати от Джоан, Снейп заклинанием уменьшил метлу до размеров карандаша и спрятал в карман. Хорошо, что сегодня больше занятий не будет,

времени, кажется, понадобится много... Вот ненормальная! Простынет же! Согревающие чары окутали Джоан теплом, но та, похоже, этого не заметила: вид у девушки был такой, словно она только что похоронила всех близких.

Покружив среди деревьев ещё пару часов — Джоан не следила за направлением и выписывала затейливые спирали и синусоиды — они вышли, наконец, из леса. Серая, идеально ровная и удручающе скучная линия шоссе упиралась в такое же серое скучное небо. Дорога была пуста. Девушка поднялась на насыпь и застыла в ожидании. Профессор вспомнил, как когда-то двенадцатилетним подростком шагал по обочине дороги, как затормозил рядом магловский автомобиль, и странная молодая женщина предложила подвезти...

Вдали показалась весёленькая красная машина. Не сбавляет скорости — нехорошо, придётся поучить вежливости, не торчать же здесь до ночи. Рука метнулась к палочке, и вовремя: Джоан бросилась на дорогу, тишину резанул визг тормозов, Снейп выкрикнул заклинание, девушку отбросило в сторону — всё заняло не больше секунды. Выскочил водитель, но профессор оказался быстрее. Убедившись, что Джоан не пострадала, он отошёл в сторону, позволив перепуганному седому маглу посадить её в машину.

...Как она могла! Из-за такой ерунды! Дура! Дура!! Дура!!! Флора бы никогда... Снейп сплюнул. Отвлёкшись на секунду, он не заметил резкий поворот шоссе, и его метла, преследующая автомобиль, чуть не врезалась в дерево.

Девчонка! Инфантильная, безмозглая, тупая девчонка! А если б она погибла?! Перед глазами плясало красное марево, безумно хотелось исколотить эту наглуую, глупую, безалаберную маглу, врезать как следует, чтобы она поняла, наконец, КАК ему больно!

Движение на трассе стало оживлённее, и, чтобы не потерять красную машину из вида, профессор сократил дистанцию.

...Очередной городишко... Похоже, магл решил довезти Джоан прямиком до Глазго, хочет заглядить вину... Да не вину нужно заглаживать, а двинуть ей хорошенько, чтоб впредь неповадно было! Тоже, придумала: под колёса бросаться!..

Седоволосый оказался настолько любезен, что довёз Джоан до самого дома. Ещё раз поинтересовался напоследок, не лучше ли ей в больницу, получил очередной отказ, с нескрываемым облегчением вздохнул, когда захлопнулась дверь, и торопливо скрылся за поворотом. Слава Богу, двинутая девушка в длинной чёрной хламиде осталась позади.

* * *

«Господи, да когда ж этот болван отстанет? Не нужно мне в больницу, неужели не ясно? А туда, куда действительно надо, ты не довезёшь!» С грохотом захлопнув дверцу машины и забыв поблагодарить своего спасителя, неудавшаяся самоубийца хмуро посмотрела на розовое, свежескрашенное трёхэтажное здание — по форме ну натуральный кубик. И это её дом? Что за чушь... Не-е... Её дом не такой: огромный, каменный, с бесчисленными башнями и башенками, коридорами, лестницами, галереями... Вот только она туда больше никогда не вернётся...

Нога опустилась на ступеньку, рука машинально скользнула в карман. Ключи... Какие, нафиг, ключи?... Даже и не вспомнить теперь, где могла их вытрясти. Наверное, когда мило проводила время с Малфоем-младшим и его интеллигентными друзьями... Или в больнице остались... Впрочем, какая разница? Всё равно идти разбираться к хозяйке: целый месяц не появлялась, долг за квартиру — небось, ждёт не дожждётся...

Позвонив по домофону в квартиру миссис Стрэйндж, Джоан всей душой надеялась, что той не окажется дома. Напрасно. Закон подлости, как всегда, восторжествовал: хозяйка была на месте и, судя по нетерпению в голосе, ни о чём так не мечтала, как о предстоящем разговоре с Джоан.

Смирившись с неизбежным, девушка вошла в подъезд. Дверь за ней закрылась не сразу, а чуть погодя, словно пропуская ещё одного человека, но Джоан было не до того.

* * *

- Мой Лорд!.. Я исправлюсь, умоляю, простите, хозяин!
- Исправишься, правда?
- Да, да! Клянусь!
- Круцио.
- НЕТ!!!

— Нет?

— ДА! Да, да, мой Лорд, ДА! Не убивайте только!!!

— Не убивать? Вот как, Питер? Значит, не убивать? И с каких это пор твоя жизнь начала представлять для меня какую-то ценность?

— Хозяин! Простите! Помните: я о вас заботился, я вам руку свою отдал!..

— Руку? Но ты получил другую взамен. А твоя забота стоит недорого: ты искал, где укрыться от гнева своих прежних дружков, решил, что я стану тебе защитой. Да я тебя насквозь вижу, ничтожество! Уж не думаешь ли ты, жалкая вонючая крыса, что я, Лорд Волдеморт, чем-то тебе обязан?.. Круцио!

— Нет!.. Нет!.. Простите!.. Я, правда, не виноват!

— Ну что ж. Надо быть справедливым. Как я могу, Питер, отказать тебе в оправдательной речи, да ещё и после того, что ты для меня сделал? Говори, не стесняйся, а чтобы ничего не отвлекало, я помогу тебе лучше сосредоточиться на внутренних ощущениях... КРУЦИО!

— НЕ-Е-Е-ЕТ!!!

— И это всё, что ты можешь сказать, Питер?

— Нет, то есть, да, то есть... Простите, хозяин! В тот раз всё было продумано: засада ждала на дороге из Хогсмита, но Поттер так и не появился. Ни он, ни Уизли...

— Стоп! Мне нет дела до Уизли! Мне нужен ПОТТЕР!

— Повели-тель! Это Снейп! Снейп предупредил, больше никому!

— А может, ты? Предавший единожды, легко предаст во второй раз... Снейп в отличие от тебя не знал о готовящейся акции... Круцио!

— Нет, пожалуйста, хозя-а-ин...

— Продолжай.

— Следующий раз, когда мы устроили засаду, Дамблдор вообще не пустил школьников в Хогсмит из-за малфоевского щенка! А в третий раз мы с МакНейром наткнулись на авроров, которые прочёсывали территорию... Вы же сказали: похитить Поттера без лишнего шума, вот мы и решили, что не стоит шуметь...

— Хорошо, Питер. Я тебе верю. Со Снейпом ещё предстоит разобраться, но пока он нужен... Люциус!

— Мой Лорд...

— Ты уверен, что эликсир не подействовал?

— Сложно сказать: Эшли Прюитт был слишком стар...

— Или ты ничего не смыслишь в зельях.

— Мой Лорд...

— Ты разыскал ту маглу? Есть новости?

— Нет, мой Лорд, никаких.

— Её квартира?

— Я лично установил сигнализацию: срабатывала несколько раз, но всё мимо. Заходила квартирная хозяйка, магловские полицейские — вы же велели не привлекать внимания, вот мы их и не тронули... Девчонка так и не появилась.

— Петтигрю.

— Повелитель!..

— Вот тебе шанс реабилитироваться. Девчонка нужна живой. Ясно?

— О! Благодарю, повелитель! Спасибо! Спасибо!..

— Пшёл вон!.. Люциус, где моя Нагайна? Ты её покормил?..

Глава 23. Нехорошая квартира.

Начиная своё поприще, не теряй,
о юноша! драгоценного времени!
Гони любовь хоть в дверь, она
влетит в окно.

К. Прутков

Снейп следовал за Джоан шаг в шаг, палочка наготове. В умении ступать бесшумно он превзошёл сам себя.

Удачно, что сперва Джоан отправилась не к себе, а к квартирной хозяйке: наверняка Люциус приготовил сюрприз... Хотя, ту миссис тоже следует проверить... Не мешало бы знать, за которой из дверей жилище Джоан. Ага, похоже, вот эта — изнутри так и несёт магией... Грубая работа, решили, что не стоит стараться из-за какой-то маглы. Что ж, так даже лучше.

Пройдя мимо подозрительной квартиры на втором этаже, Снейп вслед за Джоан поднялся выше и проскользнул вперёд неё в распахнутую настежь дверь, за которой с неестественно радостной улыбкой ожидала высохшая тётка лет пятидесяти, раскрашенная так, что и последний из могокан ей бы позавидовал.

— Джоан, душечка, я так волновалась! Пряма таки извелась вся! — начала магла приторным скрипучим голосом, пожирая глазами её мантию.

Не слушая, Снейп проверил комнаты и вернулся — всё было чисто: ни следов магии, ни засады. Пришлось подождать, пока Джоан и антикварная красавица покинут прихожую. Тётка скрипела какую-то магловскую чушь про полицию и квитанции, а на лице мисс Димпл было написано: делайте, что хотите, мне уже всё до лампочки. Наконец, тётка решила передислоцироваться с Джоан в гостиную, и профессор получил свободу действий: открыл «алохоморой» дверь, для надёжности запечатал её снаружи и спустился на этаж ниже.

Прежде чем войти, он внимательно изучил наложенные на дверь чары.

Обычная сигнализация, срабатывает на всех без разбору. Мда, Люциус, крайне грубая работа. Неужели не ожидал, что магла появится не одна?.. Теперь варианты. Оптимальный: увезти немедленно Джоан в Хогвартс, стерев у неё воспоминания о магловской квартире, попытке суицида, бегстве из замка и их ссоре. Способ хороший, но не подойдёт. Остаётся второй: добровольно лезть в петлю, то бишь, в малфоевскую засаду... Да уж, выбор самый гриффиндорский, Дамблдор посмеялся бы вволю...

Зайдя в квартиру, Снейп быстро огляделся: никого. Ну ничего, сейчас это скоро исправят... Интересно, сколько их будет? Пять? Десять? Для того чтобы справиться с маглой, хватило бы и одного, а сколько нужно, чтобы справиться с желчным ублюдком, помешанным на зельях? Какая всё-таки удача, что Джоан широким жестом рассталась с директорским подарком: сейчас мантия-невидимка окажется весьма кстати, не хватало только быть узанным «единомышленниками». Надо изменить голос. Впрочем, если он проиграет... Лучше об этом не думать.

Профессор коснулся своего горла палочкой и прошептал:

— *Vocis Mutare.*

Раздалось два негромких хлопка. Снейп резко обернулся и успел сразить Петтигрю «ступефаем» прежде, чем тот успел что-либо сообразить. МакНейр мгновенно среагировал, угадав положение противника по направлению луча:

— Импедимента!

Профессор увернулся, но луч Упивающегося задел вешалку с вещами, и она повалилась на Снейпа, слегка оглушив и лишив преимуществ невидимости, — фигура человека легко угадывалась под кучей тряпок.

— Ступефай! — МакНейр не успел: Снейп шустро выбрался из-под кучи вещей и отпрыгнул в сторону.

— Авада Кедавра! — зелёный луч, вылетевший из палочки МакНейра, ударил в гору тряпок, где ещё секунду назад трепыхался Снейп, и разноцветные клочки, в которые превратилась одежда мисс Димпл, весёлым фейерверком разлетелись по прихожей.

Он что, спятил? Пойманный шпион полезней мёртвого...

Ещё раз мысленно поблагодарив Джоан за расточительность, Снейп, пользуясь своей невидимостью, незаметно обошёл МакНейра сбоку:

— Ступефай!

— Круцио! — МакНейр рухнул как подкошенный, но успевший прийти в себя Петтигрю метнул заклинание наугад и попал в Снейпа. Тот выронил палочку и, корчась в судорогах, упал на неё сверху, пытаясь ухватить непослушной рукой и при этом не закричать от боли.

Петтигрю вскочил на ноги с криком: «Петрификус Тоталус!» — но на этот раз промазал. Продолжая вслепую лупить заклинаниями, он крадучись приближался к месту, где, скрытый мантией, лежал замерший профессор. Снейпу удалось прижать ладонь к волшебной палочке, но сведённые судорогой пальцы не подчинялись. Петтигрю злыми маленькими глазками исследовал каждый миллиметр пространства, готовый в ответ на малейшее шевеление выпустить новое «круцио», он вслушивался в каждый шорох, но Снейп сжал губы так, как другие сжимают кулаки: единственными звуками в маленькой квартирке мисс Димпл были хриплое дыхание окаменевшего МакНейра и осторожные шаги самого Петтигрю. Тот подошёл почти вплотную к профессору, нависая над ним, словно громадная крыса-переросток: злобные глазки шныряют туда-сюда, палочка в жирных пальцах подрагивает от возбуждения и страха. Ну же! Ещё одно усилие! Но вместо того, чтобы сомкнуться на вожделенном куске дерева, профессорские пальцы, ломая ногти, впивались в покрытый ковролином пол, оставляя на нём тёмные пятна моментально впитывающейся крови. Противник настороженно замер, выбирая цель. Снейп сосредоточил всю свою волю в пальцах правой руки: они обязаны повиноваться! Но Петтигрю не собирался ждать, уловив чуть слышное движение кисти профессора, он выкрикнул:

— Петрифи...

Нога профессора описала широкую дугу и ударила Петтигрю в пах. Тот взвизгнул, схватился за больное место и рухнул на колени, словно кающийся раб в театральной постановке.

Снейпу хватило секундной передышки, чтобы установить контроль над болью, загнав её в терпимые рамки. Палочка была уже в руке:

— Экспеллиармус! Петрификус Тоталус!

Теперь, когда оба противника были обезоружены и парализованы, мастер зелий связал их антиаппарационными чарами и собирался было связаться с Дамблдором, чтобы уточнить, что делать с пленными, как услышал звук поворачивающегося ключа. Это не могла быть Джоан: она заперта надёжно. Либо соседи, либо полиция... Потроха гоблина, надо спешить.

— Коллопортус.

С дверью им ещё долго придётся возиться. А что делать с этими? Хмыкнув, профессор трансфигурировал МакНейра в шоколадную лягушку, а Петтигрю в леденец, формой напоминающий крысу. Директор так любит сладости... Если угостить ими Дамблдора, это будет считаться людоедством?

Волшебные палочки Снейп сломал, а обломки сложил в карман, но не в тот, куда отправил их владельцев, а в другой.

Робкое царапанье ключа в замке сменилось бесцеремонным грохотом. Глухие удары в дверь чередовались с напряжённым пытением. Взмах палочкой — и квартира наполовину опустела, лишившись телевизора и содержимого серванта. Ещё взмах — и в распахнутое окно, обдувая небогатые остатки магловского имущества, ворвался сырой и наглый осенний ветер. Ну вот, пускай думают, что здесь похозяйничали воры.

Джоан наверняка расстроится... Она вечно расстраивается из-за всякой ерунды, зато серьёзные вещи её волнуют не больше, чем Поттера секреты зельеделая... Захватить, пожалуй, что-нибудь из барахла, чтоб утешилась... Хмм... А это красиво...

Профессор весьма живо представил, как будет выглядеть Джоан, одетая в эти кружевные лепестки, которые маглы имеют наглость называть нижним бельём. Не суетясь и не обращая внимания на шумные, но тщетные попытки выломать дверь, он методично осмотрел девушкин гардероб, выбрал понравившееся, уменьшив, добавил к своим трофеям, и лишь после этого аппарировал в квартиру миссис Стрэйндж.

* * *

Как ни приятен был разговор с квартиранткой, настало время его закончить и отправить девушку восвояси, но дверь, запертая снаружи «коллопортусом», решительно возражала, кроме того, из квартиры этой самой квартирантки, этажом ниже, которой по логике надлежало быть пустой, неожиданно раздался дикий крик, что и вынудило миссис Стрэйндж обратиться

за помощью в полицию. Ключ от квартиры Джоан домовладелица выбросила полицейским через окно, но он оказался бессильным против магии, и стражи порядка были вынуждены ломать дверь.

* * *

Подойти к Джоан, минуя миссис Стрэйндж, оказалось несложно. Непутёвая беглянка стояла у окна, безучастно глядя на стоящую внизу машину с мигалкой, в то время как энергичная вдовушка, прижавшись к глазку входной двери, давала советы полицейским.

Раз уж он всё равно начал колдовать, ещё немного магии не повредит. Движением палочки запечатав гостиную и шёпотом наведя заглушающие чары, профессор коснулся палочкой собственного горла и произнёс:

— Фините Инкантатем.

Джоан вздрогнула, вынырнув из апатии, и резко обернулась. Снейп распахнул мантию и уже своим природным резким голосом произнёс:

— Мисс Димпл, я не могу нарушить обещание проводить вас до дома, данное директору Дамблдору. Если вы всё ещё не передумали, я к вашим услугам.

Джоан вскрикнула и пошатнулась. Профессор был неумолим.

— Не падайте. Давайте руку. Я отведу вас в вашу квартиру, и на этом наше знакомство будет окончено.

— Н-нет... — Джоан, бледнее утопленницы, ухватилась за протянутую ей руку с грязными потёками крови возле ногтей, как за спасательный круг.

— Что: «нет»? Вы не могли бы изъясняться понятнее?

Джоан издала странный звук, словно жалобно заскулил маленький щенок, и бросилась Снейпу на шею, обливая его слезами.

Очередная язвительная тирада застряла у профессора в горле. То, что он испытывал, иначе как смятением назвать было нельзя. Снейп неловко коснулся волос Джоан и провёл по ним рукой, успокаивая, но результат был обратный — девушка зарыдала ещё пуще. Тогда Снейп прижал её к себе и долго молча ждал, пока она успокоится. Наконец, Джоан затихла, спрятав голову у профессора на груди, всё так же не разжимая объятий. Снейп попытался отстраниться, но в ответ она только молча замотала головой и прижалась ещё крепче.

— Нам надо идти. Сюда могут аппарировать Упивающиеся, а, может, и до министерских дойдёт... Ты же не хочешь, чтобы меня арестовали авроры?

Поняв из всей фразы, что он больше не сердится, снова говорит ей «ты» и подвергается из-за неё неведомой опасности, Джоан послушно отодвинулась от профессора и вытерла слёзы.

— Подожди меня тут, — Снейп завернулся в мантию-невидимку и аппарировал на лестничную клетку.

Сняв запирающее заклятье с двери злополучной квартиры, профессор не стал смотреть, как дюжий молодец в форме с размаху пролетел полприхожей и грохнулся об пол. Вместо этого Снейп вернулся на этаж выше, где его ждала Джоан, снял наложенные на комнату чары и вышел в прихожую, где неумолимая миссис Стрэйндж не прекращала попыток втолковать шотландским полицейским азы их профессии.

— Обливизйт, — женщина недоумённо оглянулась, моргая пустыми глазами.

— Морфеус, — ноги миссис Стрэйндж подкосились, Снейп подхватил её и опустил в кресло.

Спящая домовладелица бодро похрапывала.

— Фините Инкантатем, — заклинание, удерживающее входную дверь, исчезло.

Снейп усадил Джоан впереди себя на невидимую метлу, обернул девушку мантией-невидимкой и вылетел в окно. Джоан была так близко, что по телу пробежал электрический ток. Снейп как можно крепче прижал её к себе и на максимальной скорости направил метлу в Хогвартс. Домой.

Глава 24. Мечь.

Сумрак комнат покинутых душен,
Тишина с каждым мигом печальней,
Их владелец был ими ж задушен
В темноте готической спальни.

Н. Гумилёв

Снейп-холл. Словно огромный неуклюжий динозавр скрючился зачем-то в неудобной позе, да так и не разогнулся... Тянутся к небу позвонки башен... Напрасно — ангелы не заглядывают в эти окна.

Второй раз за неделю после двадцати лет отсутствия — можно сказать, он сюда зачастил. Если б не веская причина, ноги б его здесь не было лет ещё эдак сто. Но причина есть — сегодня сын пришёл отомстить за мать.

Под ботинками хрустит сор, перчатка липнет к перилам... Когда их чистили в последний раз? Ещё во времена его детства, не иначе... Хьюго не встречает, вот и хорошо: никто и не должен знать о визите. Нерона Снейпа ожидает сюрприз.

Пять. Старик пунктуален, как хронометр. В пять Нерон Снейп всегда сидит в кабинете, в двадцать минут шестого поднимается из кресла и направляется в столовую, где Хьюго уже накрыл стол для файф-о-клок. Так было тридцать лет назад, двадцать лет назад, так было ещё вчера, но не сегодня. Сегодня порядок будет нарушен. Убийце не суждено выпить чаю.

Затхлый, сладковатый и душный запах запустения. Мрачные неосвещённые коридоры, сырые и безлюдные: в них можно плутать бесконечно, кружа и спотыкаясь, позабыв о цели, как в закоулках собственной памяти...

Вот и дверь кабинета. Хьюго не помешает: сейчас он, наверное, достаёт из буфета старую отцовскую чашку, надтреснутую, но зато с фамильным гербом... Интересно, она ещё цела? Наверняка — старик же ничего не выбрасывает, вещи он бережёт... в отличие от людей.

Резкий грохот захлопнутой двери, недоумённый взгляд отца, быстрые шаги. Чёткий взмах палочкой, и страницы, ветром обдавая жёлтое лицо старика, с шумом перелистываются, пока не замирают на записи «яд номер двадцать». Нерон подслеповато щурит близорукие глаза, почти касаясь носом пергамента, и у Северуса появляется странное чувство: он словно видит самого себя через много лет.

Старик дочитывает наконец, вздрагивает и, часто моргая, поднимает глаза на Северуса: взгляд настороженный и выжидательный. Профессор направляет палочку, старик хватается за свою, но не успевает: тонкий луч пересекает кабинет и припиливает его к креслу, словно жука к коллекции.

Еле заметный жест в сторону двери: теперь профессору уже никто не сможет помешать. Он делает шаг к столу, за которым сидит отец. Губы старика, сухие и бескровные, мелко дрожат, но в глазах ничего, кроме усталости.

— Так ты только сейчас понял? Тупица... — морщинистое лицо кривит презрительная усмешка.

Дальше сдерживаться невозможно.

— Сволочь! Убийца! Ты отравил мою мать! — палочка в руке дрожит, голос от гнева не слушается, дрожит, брызги слюны летят на чёрный сюртук.

— Замолчи, щенок, и слушай: твоя мать была никчёмной невежественной сучкой... ААА!!! — скрученный судорогой от проклятия, старик падает лицом в книгу, кровь из сломанного носа заливает чёрные строчки.

Сын смотрит как зачарованный: это то, о чём он мечтал с двенадцати лет. Губы машинально повторяют:

— Круцио...

Старик, словно рыба, бьющаяся о лёд, с выпученными глазами хватается ртом воздух, руки конвульсивно дёргаются, сметая всё со стола, на посиневших губах выступает пена.

— Круцио...

Старик с громким стуком ударился головой об стол; этот звук привёл профессора в себя: Северус отвёл палочку.

...Успокоиться, отдышаться... Чёрт дёрнул! Не сдержался: не надо было «круциатусом», Хьюго может заподозрить... Хьюго... Он скоро забеспокоится и аппаривирует сюда... Мерлин, всё делать быстро!..

Склянка с зельем дрогнула в непослушных пальцах. Последняя капля упала старику на язык. Всё. Теперь осталось самое сложное — уничтожить следы магии. А для этого придётся снять с комнаты все охранные заклинания. Кровь на книге можно оставить, пускай думают, что у старика был припадок. Профессор кожей чувствовал, как уходят бесценные секунды, а необходимый ритуал требовал много времени, не меньше четверти часа... Если б он не сошёл с ума от бешенства... Впрочем, на сожаления времени тоже нет...

Спустя пятнадцать минут Снейп, обессилев, рухнул в центр вычерченной на полу пентаграммы. Ритуал был завершён, а Хьюго так и не заявил о себе. Замечательно. Стерев с пола нарисованную фигуру при помощи носового платка, профессор запахнулся в позаимствованную у Джоан мантию-невидимку и тихо вышел из комнаты.

* * *

Метка загорелась как всегда не вовремя: шёл урок у первокурсников Хаффлпаффа и Равенкло. Пришлось дожидаться окончания этой пары и провести ещё две: у четвёртого курса Слизерина и Гриффиндора, а затем и у шестого. К концу терпеть стало уже совсем невыносимо: еле заметное жжение превратилось в настоящий пожар. Профессор старался блокировать нервные окончания, но ничего не помогало, даже снятые с Гриффиндора тридцать баллов. Едва удержавшись от кровавой расправы над Лонгботтомом, Снейп стоически дотерпел до удара колокола и бросился к себе. Там, не обращая внимания на растерянную Джоан, он кинул горсть кружальной муки, прошипел:

— Кабинет директора! — и сунул голову в камин.

Дамблдор, к счастью, был у себя.

— Северус, что произошло? — директор отложил в сторону книгу и шагнул к камину.

— Опять... метка... — процедил Снейп сквозь зубы.

Дамблдор нахмурился и забарабанил по столу пальцами.

— Северус, надо выяснить, для чего Малфою была нужна Джоан, и что стало с Прюиттом...

Снейп ответил кивком. На большее не было сил — его словно черти жарили на сковородке.

— Тогда... Удачи тебе, сынок.

Последнее слово заставило профессора вздрогнуть, словно его хлестнули по лицу. Он выдернул голову из камина и лишь тогда заметил Джоан, которая смотрела на него испуганными круглыми глазами.

— Что-то случилось?.. — от волнения её голос прервался.

Судя по виду, профессор совсем не обрадовался встрече.

— Ничего не случилось, — метка не забывала напоминать о себе, Снейп скривился от боли и, повернувшись спиной к Джоан, достал из тайника маску Упивающегося, служившую порталом к Тёмному Лорду.

Джоан растерянно смотрела на место, где только что стоял Северус. Ей подумалось, как мало она знает о его жизни. В комнате потемнело, стало холодно и страшно неуютно. Джоан опустила в кресло, подобрала ноги и обхватила колени руками. И стала ждать.

* * *

Портал сработал безошибочно, и Снейп оказался внутри уже давно не нового особняка, когда-то принадлежавшего Тому Риддлу-старшему.

Да, эта хибара не сравнится с тем замком, где когда-то принимал посвящение глупый мальчишка-слизеринец... Тот лишь назывался Замком Тёмного Лорда, а на деле принадлежал Эверетту Лонгли. Но старый Лонгли был убит аврорами, Тёмный Лорд неудачно познакомился с младшим Поттером, Упивающиеся озаботились спасением своих шкур, и замок, оставшись без защиты, был с помпой передан законным наследникам Эверетта, уже и не чаявшим ступить под родной кров...

Снейп надел маску. Это был обязательный атрибут: на вызов положено являться в маске. Кажется, она символизирует, что Лордом все Упивающиеся любимы одинаково... Бр-р-р... Ну и бред... Но, если честно, от маски есть несомненная польза: за ней легче прятать эмоции, проще сосредоточиться на блокировании мыслей...

— Северус, почему так долго? Лорд рассержен — он послал тебе вызов ещё несколько часов назад.

Какой у Малфоя помятый вид, даже аристократическая выдержка не спасает... Любимец Лорда в опале?

— И ты, Люциус, не болей.

Блондин скривился.

— Ты знаешь, что Петтигрю и МакНейр в Азкабанае?

— Да, я читаю газеты. Поговорим после...

Снейп поспешил по скрипучей лестнице на второй этаж. У двери клубком свернулась Нагайна. Профессору пришлось остановиться и подождать, пока она, словно сторожевой пёс, обнюхает его ноги. Змея угрожающе зашипела, но Снейп не шелохнулся, всем видом показывая равнодушие.

— Снейп... — голос, доносившийся из кресла, удивительно напоминал Нагайнин.

— Да, мой Повелитель.

— Ты плохо спешил: слишком медленно... — лорд улыбнулся. — Круцио.

Снейп упал на пол. Он и не думал корчить из себя героя — это было бы только во вред, поэтому, не скрываясь, вылетел от боли. К чёрту достоинство: сколько раз наступал на горло собственной гордости — наступит и сейчас...

— Фините Инкантатем.

Снейп поднялся, отряхивая пыль с колен, но движение палочки Волдеморта отбросило его обратно.

— Разве я разрешил тебе встать, Снейп?

— Нет, мой Повелитель, простите, я забылся.

— Следующий раз будешь помнить. Круцио.

Второй раз было невыносимо. Второе «Круцио» всегда тяжелее — из-за того, что первое уносит остатки самоконтроля и физических сил, превращая человека в беспомощную, вопящую от боли белковую массу. Третье «Круцио» от Тёмного Лорда сродни «Аваде» — не каждый сможет его пережить...

— Фините Инкантатем.

Снейп собрал себя в единое целое из кучи истерзанной плоти, каждой клеточкой орущей от нечеловеческой муки, и, пошатываясь, встал на колени перед Лордом.

— Простите, мой Повелитель.

Тот милостиво улыбнулся безгубым ртом.

— Так-то.

Прошипел что-то на Серпентаго, и Нагайна скользнула к креслу.

— Снейп, мне нужно, чтобы ты сварил зелье. Люциус ни на что не годен.

— Мой Лорд, я всегда к вашим услугам.

— Дело в том, что рецепта нет. Люциус утверждает, что нашёл рукопись Доминика Дьявола, но там лишь общие намёки.

Склонив голову в почтительном поклоне и не вставая с колен, Снейп ловил каждое слово.

— Мне нужен Эликсир Крови. И ты мне его сварись.

Снейп бросил на Волдеморта осторожный взгляд — сказать «да» — и на этом аудиенция будет закончена... У Люциуса выведывать бесполезно — отстранённый Лордом от задания, он будет беситься и ревновать... Нет, теперь от Малфоя можно ожидать лишь какой-нибудь изощрённой гадости... Но и попасть под третье «Круцио» радости мало.

— Разве Эликсир не легенда? Существой он на самом деле, каждый волшебник мог бы продлить жизнь за счёт других...

Долгий испытующий взгляд, вглубь, сквозь черепную коробку, которая стала словно прозрачная, обнажив мысли и чувства. Главное, выставить на обозрение Лорда подходящие мысли, а остальные запрячь поглубже... На этот раз обошлось. Уфф... Третье «Круцио», если и будет, то попозже.

— Нет, не легенда: рукопись утверждает, что Доминик смог создать Эликсир... Доминик был уничтожен Салазаром Слизерином, но тот так и не нашёл рукопись.

Пауза. Кажется, сейчас можно вставить вопрос:

— Повелитель, тогда откуда рукопись у Малфоя? Наверняка подделка.

Тяжёлый взгляд красных глаз, невидимые чуткие пальцы шарят под оболочкой мозга.

— Снейп, что тебе известно про Эликсир Крови?

Преданно глядя в утопающие в кроваво-красной радужке зрачки:

— Что он вливает в мага чужие жизни и магическую силу... Но я всегда считал, что это — выдумки...

Безгубый змеиный рот оскалился в усмешке:

— Вот ты и проверишь: выдумки или нет. Получишь от Малфоя рукопись, составишь рецепт, сваришь зелье и проверишь на себе.

«...Надо спросить сейчас, вот подходящий момент, а Лорд сочтёт, что я радуюсь неудаче Люциуса... Хотя, на самом деле, так оно и есть...»

— У Малфоя не получилось?

«...Улыбнулся. Надо же — вот что его радует — склоки между своими слугами!..»

— Малфой потерпел полное фиаско. Одна сбежала, от другого не вышло толку. Ты, надеюсь, справишься лучше... Снейп, у тебя есть родственники?

— Да, мой Повелитель, у меня жив отец.

— Жив? Это ненадолго... Ладно, ладно, не кривись, никто не заставляет тебя убивать его... Но для опытов может понадобиться много людей... Я слышал от Люциуса, у тебя многочисленная родня по матери?

— Я не общаюсь с ними, мой Повелитель.

— А тебя никто и не просит с ними общаться. Понадобится кровь, родственная кровь. А у меня остался всего один-единственный человек с такой кровью, так что ошибки быть не должно.

— Простите, мой Лорд... Родственник? У вас?

— Поттер. Я воспользовался для возрождения его кровью.

«...Мерлин! Опять Поттер! И снова задача по прикрытию его задницы ложится на меня...»

Лорд замолчал. Всё? Аудиенция окончена? Нет, судя по всему, он приготовил ещё что-то...

— Северус, МакНейр с Петтигрю в Азкабане... В квартире сбежавшей от Люциуса маглы была устроена ловушка... Это Дамблдор и его люди, больше никому. Ты должен выяснить об этом всё, что можно. Ясно?

— Да, мой Повелитель.

Волдеморт снова зашипел на Серпентаго, Нагайна выскользнула из комнаты и вернулась, таща Малфоя за край мантии. Аристократ всем своим видом пытался сохранить достоинство, и у него это даже получалось.

— Люциус, — прошипел Волдеморт, — отдай рукопись Снейпу.

Малфой, скрежеща зубами, достал из кармана небольшой кожаный тубус и резко протянул Снейпу. Тому пришлось сделать несколько шагов навстречу. Люциус брезгливо отдернул руку, наградив профессора взглядом из серии «ты ещё за это ответишь», но бесценная рукопись уже перекочевала в карман мантии зельедела. Волдеморт наблюдал за этой сценой, прищурился.

Снейп согнулся в поклоне:

— Мой Лорд.

— Ты свободен, Снейп. Малфой, ты останься.

...Дождавшись, когда чёрная мантия профессора исчезнет за дверью, Волдеморт продолжил:

— Люциус, твой сын выздоровел?

— Да, мой Лорд, спасибо, ваше внимание — такая честь...

Тот, не дослушав, перебил:

— Когда он вернётся в школу?

— Уже завтра, мой Повелитель.

— Хорошо. Я хочу, чтобы он был моими глазами и ушами в Хогвартсе. Наверняка, Дамблдор прячет маглу там... И пусть Драко получше приглядывает за Снейпом.

— Мой Лорд, вы ему не доверяете?

— Я никому не доверяю.

Глава 25. В роли сироты.

Аудитор говорит: «Рай-диди-рай!
Покойник отправился прямо в рай».
К. Прутков

В Большом Зале было необычайно тихо. Снейп окинул взглядом длинные столы факультетов и стремительно направился к своему месту. Студенты шуршали утренней почтой и искоса поглядывали на строгое лицо в обрамлении чёрных траурных косм. Стоило профессору сесть, как к нему тут же наклонилась Минерва МакГонагалл и с самым скорбящим видом предложила кусочек стейка. Он не успел ответить, хоть на языке и вертелась уже подходящая случаю отповедь. Не успел, ибо как раз в этот момент серая сипуха, возомнив себя орлицей, молнией пронеслась перед длинным носом профессора, едва не укоротив его на четверть, и на тарелку Снейпа с размаху шлёпнулась свёрнутая газета. Тишина сгустилась, зал замер, наблюдая. Профессор занавесился длинной чёлкой, но кожей всё равно чувствовал направленные на него несколько сотен пар любопытных глаз. Он медленно развернул газету. Он нарочно начал читать с первой страницы. Затем также неспешно просмотрел вторую. И отложил. По залу прокатился чуть слышный вздох разочарования. Снейп взялся за вилку и принялся неторопливо наполнять тарелку: яичница, копчёная рыба, бекон... Взгляды, сверлившие слизеринского декана, вернулись к своим столам, ожили голоса, зазвенела посуда... Перестав ощущать себя центром всеобщего внимания, профессор снова склонился над газетой. Последняя страница, черед траурных объявлений. «Безутешная вдова, брат, дети и внуки с прискорбием сообщают о кончине всеми любимого Эммерика Шварца, покинувшего нас на сто четвёртом году жизни. Причиной смерти послужило падение с метлы...» Дальше. «Мисс Вайолет Симмонс, проживающая по адресу Крайст Чёрч, Оксфорд, оплакивает своего безвременно почившего любимца лазиля Верховлаза. Похороны состоятся...» Не то. Вот. «Тридцатого октября в возрасте ста десяти лет скоропостижно скончался глава одного из древнейших магических родов Великобритании, Нерон Клавдий Снейп, владелец Снейп-холла. Тело обнаружил домовый эльф. Рыдая, безутешный домовик вызвал целителей больницы святого Мунго и авроров, утверждая, что ещё накануне хозяин чувствовал себя превосходно. Специалисты произвели необходимые исследования и пришли к единому заключению, что смерть носила естественный характер. Главой дома Снейпов после кончины Нерона Клавдия становится его последний представитель, единственный сын покойного, Северус Юлиус Снейп...» Профессор побледнел. Пальцы стиснули крышку стола. Да, он ждал именно этого! У него получилось! Теперь следует изобразить сыновнюю скорбь, но, главное, не переборщить. Труднее всего будет обмануть Дамблдора... А, впрочем, стоит ли притворяться? Все и так считают его гадом и мерзавцем... Никто не поверит картине «Снейп скорбящий»...

— Северус, мне так жаль... — оказывается, Минерва ничего не пропустила. Чёрт бы побрал её гриффиндорскую сердечность... — Сто десять лет — ему бы ещё жить да жить...

Хуже всего то, что её участие не наигранное, в такие минуты сам себе кажешься гаже, чем помёт гиппогрифа...

— Профессор Снейп, примите мои соболезнования... — это заворковала новенькая, учительница ЗОТИ.

Профессор обычно сторонился этой особы. Мадемуазель была глупа, жадна и самовлюблённа, а цель её жизни просматривалась невооружённым глазом — охота на мужчин, к счастью, не на таких, как он...

— ...Потерять отца — о, это так тяжело! Я вас понимаю: когда у меня умерла кошка...

...Лучше б кошка поменялась местами с хозяйкой.

— ...Но вы теперь владелец поместья...

— Ошибаетесь. Всего лишь пустого облезлого замка. Если интересуетесь паутиной, могу предложить несколько тонн.

Как потускнели глазки... Ну вот и пропал весь интерес... Непонятно вообще, что такая как она делает в Хогвартсе?.. Терпения, Мерлин, дай мне много-много терпения... Поток соболезнований только начинается...

— Северус, я могу чем-нибудь помочь? — мадам Помфри, добрая душа... Бывает, что доброта бьёт сильнее, чем «Круцио»...

— Спасибо, ничего не надо.

— ...Северус, ты, конечно, отправишься домой... Давай я проведу за тебя уроки...

...Флитвик. Ещё один самаритянин. Как мерзко ощущать себя на фоне всех этих добрых волшебников... Словно дырка на скатерти... Кстати, неужели он разбирается в зельях? После Флитвика студенты возненавидят меня ещё больше... Впрочем, какая разница. Всё равно необходимо отлучиться.

— Спасибо, Филеас. Всего на один день.

Взгляд на стол Гриффиндора — этого достаточно, чтоб настроение сдохло окончательно. Но хуже всего, что и слизеринцы не очень-то расстроены...

— ...Я предвидела это, я знала! Чёрная судьба... Вас ждут великие несчастья! Горести, беды, казни египетские... Смерть отца — лишь малое из них!.. Ваш гороскоп сулит...

— Я знаю. Он сулит мне мозоль на правой пятке и Азкабан за убийство. И не могу поручиться, что жертвой будете не вы!

Подавилась маслиной. Жалость-то какая... А я и забыл, что в таких случаях делают... Мадам Помфри подоспела, ах, чтоб её!

— Северус...

— Да?

Дамблдор. Отчего у меня вечно такое чувство, будто он видит меня насквозь?

— Хочешь, я дам тебе отпуск на несколько дней?

Между прочим, это было бы очень кстати...

— А мои занятия?

— Мы поделим их с Филеасом... Если тебе нужна помощь с похоронами...

— Спасибо, директор, но я справлюсь сам...

С самым горестным выражением на лицах приближаются мадам Росток и мадам Вектор... Иногда лучшая тактика — отступление.

— Директор, вы не будете возражать, если я прямо сейчас же отправлюсь в Снейп-холл?

— Ну конечно, Северус. Если понадобится помощь, обращай ко мне. Пожалуйста.

Ох уж эти васильковые глаза — скольких обманывали они своей мнимой простотой... Кивка, пожалуй, хватит. Ещё один кивок подоспевшим с утешениями профессоршам и можно идти...

— Я, кажется, немного опоздал?... — кости Мерлина, как можно было забыть! Драко! Можно даже не смотреть — эту вальяжную, тягучую малфоевскую интонацию невозможно спутать ни с чьей... Но обернуться надо, и не только обернуться, но и взглянуть как можно дружелюбнее, ведь Драко по-прежнему — любимый ученик...

— Ничего страшного... Как ты себя чувствуешь?

— Ещё очень плохо...

...Вот ведь гадёныш, а сам цветёт как ландыш.

— Почему ты один?

— Крэбба и Гойла ещё не выписали.

...И как ты, слизняк, справишься без охраны?

— Драко, меня пару дней не будет в Хогвартсе...

— Мои соболезнования, профессор.

— Если почувствуешь недомогание, сразу же иди в больничное крыло.

— Да, профессор.

...И не забудь выпить весь запас гноя бубонтюбера, какой только найдёшь у мадам Помфри. Всё. Теперь можно идти.

* * *

— Хьюго! — серая тень метнулась к ногам и забилась в истерических поклонах.

— Хозяин! Такое горе! Ваш батюшка!

Профессор брезгливо оттолкнул рыдающего эльфа от своих новых брюк, но это не помогло: Хьюго с трубным звуком высморкался в край замусоленного кухонного полотенца, служившего домовику тогой, и с чувством обхватил колени молодого хозяина. Тот поморщился, ухватил эльфа за ухо и оттащил немного в сторону.

— Такой молодой ещё! Не думал, что придётся его пережи-ыть!.. — голос Хьюго звенел на высокой ноте где-то на границе с ультразвуком, и по спине профессора пробежала дрожь.

Глава 25. В роли сироты.

— Хьюго!!! — грозный рык хозяина привёл эльфа в чувство: осекшись, тот захлопнул рот и выпучил на Снейпа мутные блюдецобразные глаза.

— Займись всем необходимым для похорон. Немедленно. Похороны состоятся сегодня же, — Хьюго открыл было рот, чтобы возразить, но тут же захлопнул под не предвещающим ничего хорошего взглядом профессора.

Снейп проследовал в бывший отцовский кабинет: ему надо было составить объявление для газет. Кабинет выглядел так же, каким профессор запомнил его в последний раз, только стол был пуст — не было ни обгаренной кровью рукописи, ни стопок пергамента, ни книг, ни даже письменных принадлежностей. Пришлось снова звать Хьюго. Взгляд скользнул по полу, по тому месту, где ещё вчера была нарисована пентаграмма. Северус вздрогнул: она никуда не пропала — острый луч звезды, словно палец мертвеца, мстительно тянулся к профессору. В эту секунду у двери послышались знакомые семенящие шажки Хьюго, и сердце предательски замерло, а снова забилось уже с переборами: то останавливаясь, а то колотясь у горла, словно язык колокола. Профессор метнул взгляд на дверь, а затем опять на пентаграмму. Сейчас эльф увидит её, и всё раскроется... Он будет повязан как отцеубийца, отправлен в Азкабан, казнён...

Но наваждение пропало так же внезапно, как и появилось: пол был чист, как совесть младенца.

...Бред! Старая сволочь жива, и переживёт ещё Хьюго, а, может, и меня!..

— Сэр Северус, вы меня звали? — подобострастный голос эльфа не сразу вывел профессора из замешательства, и он несколько секунд ошалело смотрел на Хьюго, словно видел того впервые в жизни.

— Да, — к Снейпу вернулось самообладание, — подай мне перо, пергамент, сургуч и чернильницу... И сову...

— Сию минуту, сэр, — Хьюго уже наполовину протиснулся в дверь, но голос хозяина задержал его.

— Где... отец?

Эльф воспринял вопрос как команду «рыдай», и кабинет огласился писклявыми воплями, нытьём и судорожными вздохами. У Снейпа не было ни малейшего желания слушать кошачий концерт Хьюго «на бис», но тот понял это и сам: сжавшись под тяжёлым взглядом хозяина, эльф примолк, спрятав лицо за огрызком полотенца, и лишь изредка издавая нечто среднее между повизгиванием и иканием.

— Сэр Неро-он... ик... хлюп... в гости-иной...

Профессор мотнул головой, приказывая эльфу убираться, тот с громким хлопком исчез, но через пару минут вернулся, одной рукой прижимая к животу клетку со старой взъерошенной совой, а в костлявых пальцах другой держа затребованные хозяином предметы. Хьюго молча ждал, пока Снейп составит письмо, запечатает и привяжет конверт к лапе несчастной пернатой пенсионерки. Та принимала очередной удар судьбы со смиренным достоинством, лишь изредка с кроткой укоризной ухая профессору в правое ухо и роняя на стол блёклые перья. Когда сова с третьей попытки смогла наконец оторвать тело от стола и, натужно хлопая крыльями, исчезла в окне, эльф поднял на хозяина заплаканную мордочку:

— Но сегодня же... ик... канун Дня Всех Святых...

— И что? Боишься, что старый хозяин встанет из могилы? Или, наоборот, на это рассчитываешь?

— Мастер Северус никогда не любил отца! Никогда! — эльф испуганно прижал уши к голове, но голос его, хоть и тонкий, и визгливый, был наполнен страстью и звенел от негодования.

— Хьюго!!!

Снейп зарычал так страшно, что эльф упал на колени и, дрожа, стал отбивать поклоны, словно праведный мусульманин:

— Простите меня, хозяин, простите... Хьюго пойдёт на кухню, позаботится о поминальном обеде...

— Вряд ли кто-то придёт проводить отца в последний путь. Можешь не тратить время, — прошипел профессор сквозь зубы.

Эльф обиженно зыркнул, прикрываясь ушами-лопухами, но, не получив прямого запрета, ускользнул на кухню.

Глава 26. Покойник.

Горячей кровью пьяный, сытый,
Лишь утром он оставит дом,
И будет страшен труп забытый,
Как пёс, раздавленный быком.

Н. Гумилёв

Проводив Хьюго взглядом, мрачным как сама смерть, профессор кинулся в гостиную. «Покойник» лежал на столе, облачённый в саван. Убедившись ещё раз, что эльфа нет поблизости, Снейп запер дверь и склонился над неподвижно лежащим телом. Раздвинул старику челюсти и влил туда заранее запасённую бесцветную жидкость из миниатюрной склянки. Закрыв старику рот и вытер платком с губ капли. Облегчённо вздохнул. Главное, чтобы папаша не очнулся на похоронах. Поскорей бы со всем этим покончить.

* * *

Как ни печально, но факт: прав оказался не Снейп, а Хьюго — нашлись желающие проводить старого скрягу в последнее путешествие. И, к вящей досаде профессора, таких оказалось немало, даже наоборот: чересчур много. Во-первых, горе осиротевшего декана почтили своим присутствием родители слизеринцев. Во-вторых, (а вторая категория практически совпадала с первой) пришли некоторые из соратников профессора в борьбе за правое дело и чистую кровь («чистую» и «кровь» с большой буквы). В-третьих, выразить сочувствие явились некоторые коллеги во главе с Альбусом Дамблдором, ради такого события решившиеся пропустить торжественный обед в Хогвартсе по случаю Хэллоуина. Радовала единственная светлая деталь во всём этом: Сивилла Трелони осталась в замке, очевидно, подчиняясь требованию директора, заботящегося о её безопасности. Казалось бы — хватит, куда ещё? Но жестокой судьбе и этого было мало: словно в насмешку над одиноким и нелюдимым профессором, Мерлин принёс ещё и бесчисленную МакГрегоровскую родню. Одному Хьюго было бы точно не справиться, но прозорливый Дамблдор прихватил с собой из Хогвартса десяток домовых эльфов, которые как раз в эту минуту под ревностным руководством старого Хьюго священнодействовали на замковой кухне.

Снейп не успевал кивать в ответ на нескончаемые соболезнования, уверения в дружбе и воспоминания о том, каким ангелом при жизни был покойный. Череп профессора раскалывался, словно обладателем легендарного шрама был не Гарри Поттер, а он. У Снейпа не было даже возможности отлучиться на пять минут, чтобы принять зелье от головной боли — он постоянно находился рядом с «трупом», то и дело кидая на него быстрые тревожные взгляды. Некоторые уже начали обращать на это внимание.

— Не знал, что ты был так привязан к отцу, Северус, — Малфой произносит слова, словно курит дорогие сигары — растягивая удовольствие. Впрочем, тем, к кому он обращается, об удовольствии приходится позабыть.

— Что же в этом странного? — как ни старался Снейп придать лицу невозмутимое выражение, прозвучало это так, будто он огрызнулся.

— ...Добрый день, мистер Малфой. Мне почему-то казалось, что вы должны быть сейчас в Азкабане...

Взгляд профессора метнулся к говорившему: Альбус Дамблдор безмятежно смотрел на Малфоя васильковыми очами. Тот скривился и отошёл. Снейп хотел перевести дух, но не тут-то было: проталкиваясь напрямик сквозь потревоженную кучку Упивающихся, к нему спешил... о, нет, только не Майкл МакГрегор... Профессор подавил вздох, а железные руки человека-шкафа уже всюю обнимали его.

— Севи! — МакГрегор должен всю оставшуюся жизнь благодарить небо за то, что как раз в эту секунду сжал племянника в медвежьих объятиях, не давая тому и пошевелиться, иначе «авада» или, как минимум, «круцио» за такое обращение были бы ему обеспечены. — Как давно мы тебя не видели! — дядя смахнул на мантию профессора скупую мужскую слезу. — Салли, ты уж извини, не смогла прийти — ждёт тринадцатого. Ты же знаешь, беременным быть на похоронах — плохая примета... На этот раз точно будет мальчик, мы уже и имя придумали:

Родерик. А? Каково? Нет, ты только вслушайся: Ро-де-рик! Правда, звучит?.. Ах, прости — у тебя же горе... Мне старик, правда, никогда не нравился... Ой, что я говорю — он твой отец и всё такое...

— Здравствуй, Северус, ты меня помнишь? Катриона Страут...

Снейп с трудом признал в рано поседевшей, осунувшейся женщине сестру своей матери.

— Мне очень жаль, прими мои соболезнования... Герберт не смог прийти... у него очень много работы... С тех пор, как стал главой департамента...

Профессору было не до неё: МакГрегор, отойдя от племянника, решил пройти прежним маршрутом и направился прямо к группке Упивающихся. Те, похоже, не собирались повторно терпеть его бесцеремонность, Крэбб — так тот уже поигрывал палочкой. Наклёвывался конфликт. Снейп огляделся в поисках Дамблдора, сейчас директор был бы как нельзя кстати, но тот, как назло, куда-то исчез. Скрепя сердце, Снейп уж было решил переступить через свои принципы и выступить в роли миротворца, раз других кандидатур на эту роль не нашлось, но опоздал: МакГрегор с ловкостью слона, орудуящего в посудной лавке, попытался протиснуться между Ноттом и Крэббом и задел последнего плечом. Тот словно только этого и ждал: мелькнула вспышка, и дядю отбросило футов на десять назад, прямо под ноги непонятно как здесь очутившейся Минерве МакГонагалл. Гриффиндорка нахмурила тонкие брови и достала палочку. Толпа напряглась. Но тут Снейп увидел, как взволнованный народ расступается перед директором, словно воды Красного моря перед Моисеем, и расслабился: сейчас Дамблдор наведёт порядок. Но рано радовался: слева послышался слабый вскрик, и профессор едва успел подхватить лишившуюся чувств Нарциссу Малфой. Снейп быстро огляделся, ища, куда бы её усадить, и взгляд его нечаянно скользнул по лежащему в гробу покойнику: у того дёргалось веко. Профессора прошиб холодный пот. Из всех сил надеясь, что внимание собравшихся приковано к тупо моргающему на полу МакГрегору, Снейп, прикрываясь обвисшим телом блондинки, как можно незаметнее направил палочку на отца и прошептал:

— Петрификус Тоталус.

Теперь предстояло решить, что делать с Нарциссой: рискнуть и почистить память, или рискнуть и оставить так. Особенно выбирать ему не пришлось, потому что в эту секунду откуда-то из-за спины грациозно выплыл Малфой и, изогнув дугою бровь, уставился на Снейпа, держащего в объятиях Нарциссу.

— Северус, надеюсь, я не помешал? — казалось, воздух, охлаждённый его словами, готов ледяными градинами осыпаться на пол.

— Люциус, как ты вовремя, — теперь был черёд Снейпа кривиться. — Не возьмёшь у меня свою жену?

— Зачем? У тебя самого неплохо получается.

Вот гад!.. Впрочем, это идея!

— Снейп, стой! Куда ты её понёс?!

— Не петушись, Ромео, всего лишь дам леди восстанавливающего зелья. Кстати, Нарцисса не беременна, нет?

Челюсть отпала? Вот и постой так, тебе идёт.

Унести миссис Малфой в соседнюю пустующую комнату и изменить ей память — дело двух минут, но что-то надо было делать со стариком: заклинание вот-вот могло окончить действие, а явление восставшего из гроба покойника грозило подпортить праздник.

— Энервейт.

— ...Что это было?

— Вы потеряли сознание, наверное, из-за духоты. Это поможет, пейте...

— Благодарю.

По лицу этого не скажешь. Да и откуда зелью на основе желчи броненосца иметь приятный вкус? Ну, быстрее же! Сколько можно давиться?!

— Северус, нельзя ли попросить вина? Это ваше зелье...

Ага, и я буду ещё час ждать здесь, пока ты его выпьешь! Ну уж нет, дорогая: хоть во рту у тебя сейчас гаже, чем под хвостом у скунса, придётся потерпеть!

— Простите, миссис, я забыл предупредить: после этого снадобья полчаса ничего нельзя брать в рот.

Сделала личико, словно умирающая лебедь, но смолчала и выплыла наконец в гостиную, видно, дома от Люциуса и не такое приходится терпеть. Быстро к гробу. Папаша ещё, как

сказали бы гриффиндорцы, в отключке, но это ненадолго. Нужно влить капли, но КАК это сделать незаметно?

От размышлений профессора отвлёк шумный МакГрегор: тот отшатнулся, пропуская мадам Росток, и налетел на МакГонагалл. Вот медведь!.. А ведь это мысль!

Снейп беззвучно пробормотал что-то себе под нос.

МакГрегор поскользнулся на ровном месте и въехал локтём в живот Гойлу. Тот покачнулся, но удержал равновесие, секунды две потормозил и, размахнувшись как следует, врезал шотландцу по носу. Все взгляды устремились к потасовке, раздался ропот, крики, вздохи. Профессор воспользовался моментом и, пока все смотрели на дерущихся, влил отцу нужное зелье. Этого хватит часов на пять.

Драка прервалась так же внезапно, как и началась. Ещё звенел в воздухе громopodobный рёв шотландца, ещё не смолкли взволнованные голоса пожилых дам, взывающие к уважению памяти покойного и требующие тишины и порядка, но самих дерущихся нигде не было. Нет — и хорошо. Если бы профессор мог себе позволить, он бы вздохнул с облегчением — дядя уже успел порядком намозолить глаза.

Похороны шли своим чередом. Больше за день никаких происшествий не было, если не считать, что МакГрегор так и не появился. Священник-сквиб провёл поминальный обряд, и Нерона Снейпа похоронили на семейном кладбище неподалёку от замка.

* * *

Дверь за последним из гостей давно закрылась — всё-таки аппарировать прямо из дома — моветон — а Снейп всё ещё сидел один в пустой тёмной зале. Общество на поминках подобралось не самое гармоничное: высокомерные слизеринцы и простоватые шотландские родичи. Хогвартские преподаватели на обед не остались, торопились в школу. Дамблдор, как обычно, спросил, не надо ли чего, и получил обычный ответ: ничего не надо.

Родственники кучковались вместе, бросая неодобрительные взгляды на драчунов-Упиванцев и самого Снейпа, но ели-пили много и со знанием дела. Слизеринцы вели себя по-разному: Люциус, скучая, ковырялся в тарелке и презрительно щурил серый глаз на поблёскивающее в бокале дешёвое вино из запасов Нерона, Нарцисса, наоборот, ела и пила за троих, пытаясь избавиться от стойкого привкуса броненосцевой желчи. Гойл с приятелями, в основном, только пили. Про покойника, казалось, все забыли, хотя и были произнесены приличествующие случаю тосты. Напряжение висело в воздухе, плотное и ощутимое, мешающее, словно облепившая лицо целлофановая плёнка. Оно требовало выплеска, избавления, разрядки — но ничего так и не произошло: гости один за другим попрощались и мирно разошлись. Хьюго, всё ещё всхлипывая, убрал со стола посуду — эльф был единственным существом, которого расстроила кончина Нерона Снейпа. Это наводило наследника на грустные мысли — профессор примерял ситуацию на себя. Вывод напрашивался однозначный: его похороны будут выглядеть так же, разве что Хьюго будет смотреть веселее. Джоан? Да, она, наверное, поплачет...

Свечи догорели, комната погрузилась во тьму, часы начали бить полночь. Северус вздрогнул: пора выкапывать старика, иначе он задохнется в гробу: зелье уже должно было прекратить действие. Профессор представил, что чувствует человек, очнувшийся в заколоченном гробу, но это не вызвало у него жалости, даже наоборот, заставило замедлить шаг.

Над кладбищем висела полная луна. Её яркий свет создавал впечатление иллюзорности происходящего. Северусу казалось, будто он сам — часть магловской театральной постановки, а мрачный фамильный погост — всего лишь фанерная декорация к предстоящему фарсу.

В воздухе пахло дымом, ветер доносил голоса: в соседней деревне отмечали Хэллоуин.

Палочка нехотя повернулась к свежему мраморному надгробию.

— Terra Hiantis!

Рыхлые комья земли полетели во все стороны, словно старалась целая бригада землекопов. Через минуту показался гроб.

— Вингардиум Левиоса, — гроб вздрогнул, мягко оторвался от дна ямы и неторопливо поплыл по воздуху.

Вдруг тишину разрезал истошный крик. Снейп обернулся, и вовремя: позади него, до предела расширив и без того огромные глаза, стоя Хьюго. Эльф щёлкнул пальцами, но профессор успел выкрикнуть:

— Протего, — и проклятие домовика, потеряв силу, пронеслось тугой волной ледяного ветра, швырнув в профессора ворохом гнилых листьев, но не причинив вреда.

— Серпенторио! — прошипел Снейп.

Огромная сверкающая змея, как стальная пружина, собралась для броска. Всего лишь щелчок пальцев — и змея взвилась в воздух, разлетаясь в полёте фонтаном разноцветных искр.

— Импедимента! — эльф отскочил в сторону легко, словно балерина. В глазах-блюдцах полыхало пламя, рука с длинными узловатыми пальцами устремлена на профессора. Палочка выбросила яркий красный луч, но эльф снова увернулся, в его глазах больше не было мути, в них ясно читался приговор.

Внезапно Хьюго подпрыгнул: из гроба раздался глухой сдавленный стон и, следом за ним, тихое царапанье. Эльф на секунду позабыл о недостойном младшем Снейпе — надо было спасти старшего. Он щёлкнул пальцами, крышка гроба, с треском выдирая гвозди, рванулась в сторону и вверх. Северус выкрикнул:

— Ступефай! — но тяжёлая крышка толкнула его под руку, луч изменил направление и угодил не в эльфа, а в старый развесистый дуб, накрывавший кладбище густой сетью ветвей. Со страшным треском отломилась огромная ветка и, рухнув, похоронила эльфа под своей тяжестью. Северус отбросил её прочь, но помочь было уже невозможно: острый сук глубоко вошёл Хьюго в живот, кровь толчками хлестала из рваной раны, глаза домовика подёрнулись мутной белёсой пеленой, он прохрипел что-то неразборчиво, дёрнулся, выгибаясь дугой, и затих.

Из открытого гроба послышался стон, за край уцепилась дрожащая старческая рука. Луна, словно прожектор, высвечивала малейшие детали: каждую морщину на дряблой коже, каждую выступающую вздутую синюю вену.

Профессор не сводил взгляда с руки, но видел не её, а бледного черноволосого мальчика, играющего в прятки с домовым эльфом.

Старик застонал, но Северус не шелохнулся.

Память продолжала рисовать картины: Хьюго, утешающий зарёванного мальчишку лет пяти со ссадиной на коленке, он же, несущий на подносе дымящиеся, ароматные сдобные булочки, он же, нелепо высунувшийся по пояс из окна первого этажа, энергично махающий вслед Северусу-первокласснику...

Старик застонал на этот раз громче, жилы на руке напряглись, и над краем гроба показались голова и трясущиеся плечи. Нерон хрипло вскрикнул: его взгляд наткнулся на Хьюго.

Профессор направил палочку на тело эльфа, оно стало менять очертания, принимая постепенно облик Нерона Снейпа.

— Мобиликорпус, — старик был грубо вышвырнут из гроба, и его место занял трансфигурированный труп домовика.

— Подпиши, — Северус протянул сидящему на земле отцу свиток пергамента и перо.

— Что это? — в голосе старика не было и следа былой самоуверенности, губы дрожали, по подбородку стекала струйка слюны.

— Договор, — голос профессора был сух и звучал отстранённо, словно он наблюдал за происходящим из кресла партера, — теперь ты Мэттью Керк, подданный Новой Зеландии, и никто никогда не узнает, кем ты был до этого.

Нерон торопливо закивал, слюна, скопившись на кончике подбородка, закапала на саван, Северус отодвинулся.

Отец приготовился было писать, но вдруг резко поднял глаза на сына:

— А что будет, если я нарушу договор?

Северус склонился и прошептал ему на ухо. Старик побледнел, перо в пальцах дрогнуло, роняя кляксы, но он всё же поставил подпись. Пергамент плавно, повинувшись палочке профессора, перекечевал в карман его мантии. Отец, уже пришедший в себя, оглянулся в поисках своей палочки. По традиции, волшебников хоронят вместе с ними, потому Нерон метнулся к гробу, но не успел: профессор произнёс:

— Ацио, палочка, — поймал на лету и с хрустом переломил. — Тебе она больше не понадобится.

— Куплю новую! — огрызнулся старик.

— Не купишь, — Северус хищно улыбнулся: месть сладка. — Я проведу тебя через Torpent Magus Vires. Ты станешь маглом, простым маглом, самым жалким и ничтожным из тех, кого ты всю жизнь так презирал и ненавидел.

Нерон побледнел, как вата, и выпучил на сына глаза:

— Не верю!.. Ты не можешь!.. Лучше убей!

Северус улыбнулся. Чёрные угли, казалось, потухшие, сверкнули торжеством.

— Не дождёшься. Мне не нужна твоя смерть. Я хочу мести. Ты проживёшь ещё долго и каждую секунду будешь проклинать тот день и час, когда покусился на жизнь моей матери. Ты уже проклят. И не пытайся бежать: бесполезно.

Старик слабо пискнул и осел на землю. Профессор взмахнул палочкой, и на земле вспыхнула зелёным холодным пламенем огненная пентаграмма, в центре её клубился молочно-белый вихрь. Белые змеи, вырвавшиеся из палочки Северуса опутали старика, словно мумию — полосы ткани. На секунду Нерон застыл неподвижно, только широко распахнутые с красной сеткой сосудов глаза говорили о смертельном ужасе, который он испытывал. Но белый вихрь изогнулся, расширился и вобрал его в себя, закружив в бешеной метели...

* * *

Спустя четыре часа, когда уже светало, Снейп тяжело рухнул на кровать рядом с мирно посапывающей Джоан. Ночь забрала у него все силы, все, до единой капли. Сладкое чувство мести портило горечь вины за нелепую смерть Хьюго, но мысль о том, что старый бесполезный сквиб Мэттью Керк летит сейчас рейсом Лондон-Веллингтон, вызывала на лице подобие кривой улыбки.

Глава 27. Что было после.

Унесли погребальные свечи,
Отшумели прощальные тризны...
Н. Гумилёв

Ветка, тяжёлая разлапистая ветка с острыми торчащими сучьями. Ну что же ей не надоест! Сколько можно отрываться и падать, падать, падать... Треск, этот треск — он всё время стоит в ушах. Ветка отделяется от дерева-отца и медленно, словно плывёт против течения, опускается вниз. Её очертания причудливо меняются. Вот она превращается в тяжёлый горбатый костыль. Вот стройнеет и заостряется, мелькает набалдашник трости. Хьюго приподнимает руку. Трость застывает в чёрном подрагивающем воздухе. Треск перерастает в грохот, громкий, отчаянный, словно играет сумасшедший оркестр и никак не может решиться на последний аккорд. Звук становится всё громче, наливался медью, вспаривает сонный кладбищенский воздух ударами колокола. Ритм, рваный, агонизирующий, дёргается, словно пульс умирающего. Эльф протягивает руку к трости. И без того длинная, рука вытягивается, как жевательная резинка в пальцах играющего ребёнка, сероватая, натянутая как струна, готовая в любой миг оборваться, повиснув рваными липкими клочьями. Гремит удар гонга, разлетаются в стороны ненужные больше кулисы облаков, и луна, одинокий софит, протягивает к земле светящийся конус. У эльфа лицо Малфоя. Серые пальцы смыкаются на рукояти. Трость, сверкнув сталью, с мягким булькающим звуком входит Люциусу в живот. Оркестр играет туш. Бутафорская, неправдоподобно алая кровь струями ударяет вверх. Луна приближается, развалиясь на полнеба, подставляя сияющее лицо кровавому душу. Наливается соком, насыщаясь, розовея. Малфой выдёргивает трость и легко поднимается на ноги. На белых губах играет презрительная усмешка. По лицу пляшут лунные тени. Лоб тёмный. По подбородку стекает безобразная струйка слюны. Мутные, вязкие капли собираются в тягучую тонкую сосульку, свисающую на самом крае, омерзительную, бледную, блестящую в лунном свете, как осколок стекла.

— Северус! Северус, что с тобой?!

Стекло хрустит, обломившись, звякает о крышку гроба. Крышка, как одеяло. Натянуть поглубже. Теперь хорошо. Тихо. Никто не потревожит.

— Проснись, Северус!!

Тук. Тук. Мерные глухие удары. Это вбиваются гвозди. Тук. Тук.

— Северус! Север! Северус!!!

Крышка летит в сторону. Внутрь, в тёмное чрево гроба, брызжет слепящий искрящийся свет. Не лунный, солнечный.

Но гроб пуст.

— Северус!

— ...Джоан? — профессор с трудом разлепил глаза, приподнялся на локте и убрал со лба липкие пряди. — Почему ты кричишь? Я проспал занятия?

— Северус! Северус... — захлёбываясь от плача, Джоан стиснула его в объятиях. — Что это было? Ты кричал во сне и метался. Я пыталась разбудить, но ты вдруг замер... похолодел... Я испугалась, что ты умер...

— Не дождёшься... — профессор положил голову Джоан себе на колени и провёл рукою по волосам. Прикосновение к их тёплому гладкому шёлку успокаивало, словно он гладил кошку. — Сколько сейчас времени?

Не выпуская Снейпа, Джоан подняла взгляд на настенные часы. Робкого утреннего света, пробивавшегося сквозь щель между шторами, уже хватало, чтобы разглядеть стрелки и цифры.

— Полседьмого.

— Свари мне кофе. Я не пойду на завтрак.

* * *

Из-за того, что Снейп пропустил завтрак, почту он получил только в обед, после трёх пар, лишивших факультеты Росток, МакГонагалл и Флитвика изрядного количества баллов. Сова принесла две газеты и письмо. Письмо от Люциуса Малфоя.

«Северус, любезный друг. Позволь ещё раз выразить скорбь из-за кончины твоего уважаемого батюшки. А также разреши поблагодарить тебя за помощь, которую ты оказал Нарциссе, и за то, что ты невероятно облегчил мне ношу, великодушно взяв на себя мою работу. Ты даже не догадываешься, как я обрадовался возможности отплатить тебе за доброту ответной услугой. Родственник, в услугах которого ты так сильно нуждаешься, дожидается в твоём замке.

Можешь не благодарить.

Люциус Малфой».

Профессор перечёл письмо ещё раз, смял и бросил в огонь. Так вот куда, оказывается, пропал МакГрегор... Надо обсудить с Дамблдором... Хотя, что тут обсуждать? Нечего! Любой ценой нужно оттягивать приготовление эликсира. А когда все сроки выйдут, придётся или отказаться, или... пожертвовать МакГрегором. Второй вариант невозможен, значит... Лучше не думать об этом.

* * *

Привычная уютная обстановка: плавные изгибы стен, сонные портреты, нежное тиканье, солнечные зайчики на хрупких серебряных приборах и книги, книги, книги... Огненная птица чистит клювом пёрышки, а величайший волшебник современности сидит в мягком плюшевом кресле с хихикающей чашкой в длиннопалой руке и виновато улыбается худому взволнованному человеку в чёрной мантии до пят, похожему на сложенный зонт.

— Северус, мне не хочется этого делать, но я не вижу иного выхода. Дети обязаны пройти курс. Идёт война — и Защита необходима, как никогда. Мисс Сьюлидж объявила о своём решении внезапно...

— Напыщенная сучка.

— Что, Северус? Я не расслышал.

— Продолжайте, директор.

— ...Я пытался, конечно, ей объяснить, что замужество — не повод бросать работу, приводил в пример Минерву и Поппи. Просил остаться хотя бы до экзаменов: посреди года сложно найти нового преподавателя... Но уговоры не помогли. Придётся поделить уроки Защиты между вами и... Гарри.

— Нет!!!

— Вы отказываетесь вести?

— Поттер! Он не окончил школу! Он ещё даже несовершеннолетний! Это невозможно!!!

— Северус, повторяю, вы отказываетесь? Тогда мне придётся просить кого-нибудь другого. Я не могу отдать Гарри все часы, ему ещё и учиться надо.

— Я могу взять на себя ВСЕ занятия! Поттер не может вести предмет! У него нет квалификации!

— Это не так. Гарри будет прекрасным учителем ЗОТС. Вспомни, как он в прошлом году обучал ребят. А ты не потянешь сразу и Защиту, и Зелья. Всё. Не спорь больше. Я уже принял решение. Гарри будет вести у ребят с первого по третий курс, ты — у старших.

Дверь за профессором зельеварения оглушительно хлопнула, по стене побежала трещина. Альбус Дамблдор опустил нервно хихикнувшую чашку на стол. Стальной блеск в глазах пропал так же внезапно, как и появился. Голубой, словно лепестки васильков взгляд стал мягким, усталым и кротким. Директор вынул из ящика стола магловскую газету и в который раз пробежал по строчкам.

Самоубийца в аэропорту

Сегодня в столичном аэропорту сотни человек стали свидетелями того, как пожилой мужчина решил свести счёты с жизнью. Семидесятилетний Мэттью Керк, прилетевший в нашу страну из Лондона, бросился под колёса автобуса, и лишь быстрота реакции водителя с двадцатилетним стажем Брайдана МакФерсона спасла ему жизнь. Сейчас пострадавший находится в больнице, состояние стабильное, жизнь его вне опасности...

Дамблдор покачал седой головой: говорить Северусу или нет? Нет, не стоит. Мальчику и без того сейчас тяжело...

В памяти всплыл день, а точнее ночь, когда он очутился у кабинета зельеварения.

Какое-то неясное предчувствие подняло его тогда с постели и отправило бродить по замку. Дамблдор не отгонял беспокойство, лишь пытался понять, чем оно вызвано. Разумеется, первым делом подумал о Гарри: поднялся ко входу в Гриффиндорскую башню, постоял, прислушиваясь, — всё было тихо. Но волнение не исчезло. Сунув за щеку леденец, директор без цели бродил по спящему замку, пока ноги сами не вывели его к приоткрытой двери класса зельеварения. Узкая полоса света, пробивающаяся из щели, словно меч, рассекала темноту пополам. Дамблдор пошатнулся и прислонился к стене: такой поток отчаяния лился из кабинета. Владение легилементами на высшем уровне позволяет чувствовать чужие эмоции и без применения заклинания, а, если эмоции слишком сильны и человек не блокируется, то видны и образы. Директор хотел уйти, но не смог — страшные и горькие картины одна за другой вспыхивали в мозгу: хрупкий черноволосый мальчик, скрученный судорогой круциатуса; бледная измождённая женщина на больничной койке; она же в узком чёрном гробу; рукописная страница, озаглавленная «яд номер двадцать»; ухмыляющееся лицо старика...

...Когда директор прочёл в газете объявление о смерти Нерона Снейпа, он испугался. Не верил и не хотел верить, что Северус оказался способным на такое, но страх не покидал до тех пор, пока за завтраком не заглянул Снейпу в глаза. Слава Мерлину, клейма отцеубийцы в них не было. Дамблдор немного успокоился, но на смену прежнему пришло новое беспокойство: что за игру затеял Северус? Опасно. Очень опасно. Но ведь этот мальчишка скорее умрёт, чем попросит помощи...

За завтраком Дамблдор нарочно, единственный, не выразил Снейпу соболезнования, в надежде, что тот поймёт намёк и доверится ему. Бесплезно. Впрочем, кто бы сомневался.

На похоронах директор старался не сводить со своего декана глаз: было что-то неправильное в том, как Северус постоянно косился на «покойника». Дамблдора озарила догадка: тот может с минуты на минуту «ожить», а Снейп не знает, как этому помешать. К гробу подошёл Малфой и стал что-то говорить Северусу, тот побледнел. Директор был вынужден вмешаться, тем более что Люциус слишком пристально разглядывал лицо «покойного».

Чтобы не привлекать внимание и следить за событиями, он решил держаться за спиной у Северуса, в тёмном углу гостиной. Опасения оказались ненапрасны: Нерон, за которым Альбус внимательно наблюдал, чуть заметно шевельнулся — дёрнулось веко. К несчастью, это заметила и Нарцисса. Падающую без чувств аристократку успел подхватить Снейп, сам же Дамблдор незаметно направил палочку на старика в гробу и прошептал: «Петрификус Тоталус». Северус, хвала Мерлину, не растерялся. Когда они с Нарциссой вернулись из соседней комнаты, где профессор якобы приводил её в чувство, миссис Малфой уже ничего не помнила. Затем Снейп устроил небольшое представление с участием одного из родственников, и директор заметил, как Северус, воспользовавшись суматохой, влил Нерону в рот какие-то капли.

Вернувшись в Хогвартс, Дамблдор долго думал над тем, что же Северус сделал с отцом. Разгадка пришла неожиданно. Через день после похорон из камина в его кабинете вылетела магловская газета, а затем показалась голова с длинными седыми косами, уложенными в замысловатую причёску. Гвендолен Каннингем, девчонка из его первого выпуска, лет двадцать назад, спасая семью от Волдеморта, переселившаяся в Новую Зеландию. От приветствий Гвендолен сразу перешла к делу.

— Посмотри, я подчеркнула нужную статью. Альбус, мне кажется, здесь что-то нечисто, — румяное с сетью морщин лицо приняло озабоченное выражение. — Я видела этого типа в Англии и, готова поручиться, звали его как-то иначе, но точно не Керк. Он из наших, я уверена. Разберись с этим, ладно?

Дамблдор задумчиво кивнул Гвендолен, не отрывая взгляда от фотографии в газете. Нерон Снейп в магловском больничном интерьере. Северус, мальчишка! Слишком много в нём от подростка для тридцати семи лет: порывистый, обидчивый, резкий. Ну как он мог не подумать об изменении внешности? Что же делать? Надо вытаскивать парня из петли...

Если Гвендолен узнала в Мэттью Керке Нерона, это могут сделать и другие, и тогда Северусу грозит Азкабан. А если он ещё и лишил отца магии, а, скорее всего, так и было, то по закону ему полагается поцелуй дементора... Седовласая миссис Каннингем нетерпеливым покашливанием напомнила директору о своём присутствии:

— Ладно, Альбус, я, пожалуй, попрощаюсь. Думаешь, легко в мои годы крючиться в камине? Директор постарался улыбнуться, но улыбка получилась невесёлой:

— Не говори об этом Керке больше никому, — он аккуратно сложил газету и спрятал в ящик стола. — Пожалуйста, Гвендолен, это очень важно.

Глава 28. Домашний эльф семейства Малфоев.

Мне снилось: мы умерли оба...

Н. Гумилёв

Всё пошло не так с самого начала. Стоило Джоан найти себе удобный уголок, из которого было видно весь класс и, разумеется, мастера зелий, а сама она, скрытая мантией-невидимкой, не мешалась бы под ногами, как тут же за дверью послышались торопливые шаркающие шаги, и запыхавшийся женский голос громко спросил: «Это здесь?!» В ответ другой голос, тихий и невнятный, коротко утвердительно буркнул, дверь распахнулась, и в класс ввалилась чрезвычайно взволнованная женщина годов под пятьдесят, судя по объёмам, на последнем месяце беременности. Джоан заметила, как в дверном проёме мелькнула и скрылась чья-то мантия: не иначе как студент, приведший даму на сносях, поспешил скрыться от гнева профессора.

Женщина, не смущаясь всеобщего внимания, проследовала к побледневшему от возмущения Снейпу.

— Какого... Что вы себе позволяете?!

Незнакомка перебила профессорское шипение отчаянным воплем, напугавшим Джоан:

— Северус! Где Майк?!

Джоан заметила, как побелели костяшки стиснутых в кулаки пальцев, но голос профессора прозвучал подчёркнуто спокойно:

— Мэм, будьте добры, покиньте класс, вы мешаете вести урок.

На женщину его слова подействовали как бензин на пламя:

— Да как ты можешь!.. Да куда я не уйду!.. Признавайся, куда дел моего мужа?!..

Внезапно она разрыдалась.

Класс испуганно переглядывался, шушукаясь, некоторые улыбались. Снейп стоял совершенно растерянный, видно было, что он не знаток по части женских истерик. Джоан пожалела бы его, но в эту минуту её симпатии были на стороне незнакомки, уж больно несчастной та выглядела.

Профессор сжал губы, метнул на студентов пресекающий шепотки красноречивый взгляд, молча прошёл через весь класс и встал у раскрытой двери, недвусмысленно показывая даме, что выпроваживает её. Та обиженно ойкнула, схватилась за живот и, всхлипывая, неуклюже переваливаясь с боку на бок, засеменила к выходу. Джоан стало невыносимо жалко незнакомку, и она невидимой тенью метнулась вслед за ней, едва успев выскочить: захлопнутая Снейпом дверь больно толкнула в спину.

Очутившись в коридоре, незнакомка прислонилась к стене, охая, вздыхая и размазывая по щекам слёзы. Время от времени она хваталась за живот, чем очень пугала Джоан. Решив, что ещё минута бездействия, и несчастная потеряет ребёнка, мисс Димпл юркнула за угол, стащила мантию-невидимку и, вернувшись к беременной, подставила ей плечо:

— Успокойтесь, не надо плакать. Пойдёмте, я отведу вас в больничное крыло.

Женщина восприняла заботу как должное и моментально успокоилась. Правда, она продолжала время от времени всхлипать и хвататься за живот, но это не мешало ей оживлённо пересказывать Джоан свою историю, из которой та узнала, что перед ней — тётушка Северуса Снейпа, Салли МакГрегор, и что она ищет своего мужа, Майкла МакГрегора, не вернувшегося домой после похорон отца Северуса, Нерона. От всех этих новостей у Джоан голова пошла кругом, и она не заметила в боковом коридоре белобрысого бледного парня с острыми чертами лица.

* * *

Люциус Малфой широкими шагами мерил парадную залу своего дворца. Нет, ему совсем, совсем не нравилось последнее задание Лорда. Если что-то пойдёт не так, не помогут ни деньги, ни связи — от Азкабана уже не отвертишься. Но и послушаться невозможно. Малфой нервно защёлкал суставами длинных пальцев. Должен быть выход, непременно должен.

— Анке!

Тотчас перед хозяином возникло дрожащее ушастое существо.

— Мой прекрасный Лорд...

— Принеси что-нибудь выпить, — Люциус поморщился и приложил руку к глазам, словно они у него болели.

— Сию секунду, мой прекрасный Лорд...

Мелькнула сероватая шёрстка и, действительно, уже через секунду перед Малфоем стоял поднос.

— Анке, — хозяин оценивающе оглядел домашнего эльфа. Её серые уши затрепетали от восторга. — Хочешь мне помочь?

— О да! Анке поможет! Анке готова умереть за хозяина!

Малфой довольно усмехнулся, откинув небрежным жестом крыло светлых волос.

— Хорошо. Я скажу, что нужно делать.

* * *

Анке дрожала от счастья и ужаса: надо же, ей выпала такая честь! Может, ей и вправду суждено умереть за прекрасного Лорда с нежными и золотистыми, словно лепестки нарцисса, волосами. И тогда Лорд Люциус, может быть, даже вспомнит об Анке, вспомнит, какой она была хороший эльф, как много для него сделала, как любила своего господина...

Она не ошибётся, нет: Анке послушный, верный эльф. Хозяин не пожалеет, что доверил ей такую важную работу! Анке на сто раз повторила про себя, где нужно искать Гарри Поттера, где — грязную маглу, а где — проклятого предателя. Сам молодой хозяин Драко объяснил Анке расположение комнат, а Анке не дурочка, Анке — умный эльф, всё запомнила. Ах, как жалко хозяина: ведь предатель с немытыми волосами называл себя его другом. Как он посмел обмануть её прекрасного Лорда? Он должен умереть!

Вот и класс, где ведёт занятие Гарри Поттер. Быстрей, нужно торопиться: какой-то местный домовик заметил Анке и признал в ней чужака, сейчас он забудет тревогу. Анке успеет, не подведёт господина: никто не заметил, как она прошмыгнула в класс. А вот и этот наглый мальчишка, Гарри Поттер! Сколько зла причинил он молодому хозяину! Теперь за всё придётся расквитаться! Какой глупый урок: кидаются подушками. Гадкий Поттер тоже тянется к подушке, хочет, наверное, показать, как надо кидать. Мерзкий, ненавистный мальчишка. Ты даже этого не успеешь сделать, глупый щенок, Анке превратит подушку в портал, и Гарри Поттер окажется в руках господина.

* * *

Анке молодец, Анке ловко увернулась от предателя Добби, тот её не догнал — Анке сумела его обмануть. Анке нельзя, чтобы её поймали — она ещё не выполнила задание до конца. Вот, здесь живёт предатель, гадкий, мерзкий, противный предатель. Он предал прекрасного господина. Он не побрезговал маглой, опозорил свой род. Предатель будет наказан, и проклятая магла тоже. Молодой хозяин проследил за гадкой маглой и узнал пароль, спасибо молодому прекрасному хозяину, Анке легко попасть в комнату. Гадкая магла читает книжку. Анке превратит книжку в портал, пусть магла вернётся в замок хозяина, тот сварит волшебное зелье из её крови и продлит свою жизнь. Прекрасный золотоволосый хозяин!

Какой шум! Все переполошились из-за пропажи Гарри Поттера, все ищут Анке! Но Анке ещё нельзя уходить, нужно поймать предателя. А предатель сейчас, наверное, ищет Гарри Поттера! Анке придумала! Анке устроит громкий шум, пусть предатель услышит, кинется сюда, а умная Анке превратит дверную ручку в портал. Анке уронит шкаф. Так. И ещё этот. И взорвёт котёл. Хорошо. Кажется, Анке слышит шаги.

* * *

Джоан вертела в руках книгу, не в силах сосредоточиться на чтении. Она уже в пятый раз начинала читать абзац, отвлекалась, теряла нить повествования и упрямо возвращалась к началу. Её терзало беспокойство. Ах, как нехорошо получилось: без спросу пролезла в класс посмотреть, как Северус ведёт уроки, потом эта беременная...

Как обо всём рассказать Северусу? Убьёт же...

Чуть слышно скрипнула дверь, Джоан удивлённо приподняла голову. Мелькнули серые пушистые уши, неведомая сила дёрнула за пупок, резво крутанула и, не считаясь с законами физики, потащила куда-то прочь.

* * *

День начался отвратительно. Не успели оболтусы-четверокурсники развести огонь под котлами, как в класс, точно укушенная бешеной собакой, нечленораздельно и истерично вопя, ворвалась толстуха МакГрегор. Слава Мерлину, удалось от этой дуры избавиться, но происшествия не закончились.

На обеде почему-то не было Драко. Одноклассники только мялись и пожимали плечами.

После обеда пропал Поттер. Он вёл Защиту у первокурсников и исчез прямо на уроке.

Перепуганные малявки несли какой-то бред про подушку и домашнего эльфа. Их мямленье выводило профессора из себя, и подоспевший директор спровадил его, чтобы тот отыскал подозрительного домовика.

Снейп нёсся на кухню, намереваясь устроить хогвартским эльфам чудовищный разнос, но, пробегая по коридору мимо своих комнат, услышал дикий грохот. Выхватив палочку, профессор кинулся на шум. Вещи были разбросаны, шкафы опрокинуты, пол усеян книгами, над взорванным котлом, в котором Джоан училась готовить «глоток мира», — удушливый фиолетовый дым. Самой Джоан в комнате не было. Профессор сглотнул, резко развернулся и бросился в коридор. На бегу он задел рукой дверную ручку. Тут же сработал портал.

Глава 29. Лорд Волдеморт и Северус Снейп.

Бывает зверь жесток, но даже в нём есть жалость.
Нет жалости во мне, а, значит, я не зверь.

В. Шекспир. Ричард III

Профессора швырнуло о дощатый пол. Снейп выставил вперёд палочку и быстро огляделся: это место было ему знакомо — он был на втором этаже магловского коттеджа — временного обиталища Тёмного Лорда. Кроме сидевшего в кресле Волдеморта, в комнате находилось ещё трое Упивающихся.

— Вот теперь все в сборе, — Лорд изобразил подобие улыбки. — Что же ты, Северус, без маски? Так торопился, что не успел надеть? Нехорошо, надо соблюдать этикет. Круцио.

Снейп метнулся в сторону, не позволив проклятью задеть себя.

— Повелитель, позвольте мне разобраться с предателем, — почти пропела Белла низким грудным голосом и, дождавшись благосклонного кивка Тёмного Лорда, прошептала:

— Круцио!

На сей раз Снейп не смог увернуться. Не отводя палочку, Беллатрикс пристально наблюдала за побледневшим, корчащимся на полу перебежчиком, пока спокойный голос Лорда не остановил её:

— Довольно, Белла. Если будешь продолжать в том же духе, он последует по стопам Лонгботтомов. Кто знает, вдруг от Снейпа ещё будет толк?

Лестрейндж опустила палочку, и Снейп, воспользовавшись передышкой, вскочил на ноги и выкрикнул:

— Ступефай!

Не успевшая опомниться Беллатрикс застыла на месте, со злобой и недоумением глядя на зельевара. Раздался чей-то возмущённый крик. Снейп метнулся в сторону, зная, что сейчас в него полетят сразу несколько лучей. Краем глаза он уже успел заметить, что ни Джоан, ни Поттера в комнате нет.

— *Lapidibus!* — каменный дождь обрушился на головы, комната разом наполнилась грохотом и пылью.

Сверху летели и крохотные песчинки, и средние камушки, и куски размером с увесистый фолиант. Волдеморт, прочертив вокруг себя палочкой защитную сферу, с интересом наблюдал, предпочитая не вмешиваться до поры. Оглушённая заклятьем Беллатрикс даже не шелохнулась, когда крупный осколок ударил ей по лбу. Оплошавший Упивающийся выкрикнул было:

— Фините Инкантатем! — но летящий булыжник выбил из его руки палочку.

Голос показался профессору смутно знакомым, но думать об этом он не мог, надо было срочно найти Джоан и Поттера. Лавируя между падающими булыжниками, Снейп устремился к дверям, но опоздал: рванувшийся вперёд Малфой, ловко увернувшись от камней, обездвигил его Ступефаем. Волдеморт взмахом палочки прекратил камнепад, освободил Беллу, и в комнате воцарилась тишина. Слышно было лишь неровное дыхание зельевара и хриплое — Лестрейндж. На полуистлевший ковёр медленно оседали пылинки. Уткнувшись лицом в усеянный камнями пол, парализованный Снейп лихорадочно просчитывал варианты. Беллатрикс плотоядно улыбалась, Малфой грациозно смахивал с бархатной мантии последствия камнепада, осевшие на ней в виде песка и мелких камушков, третий Упивающийся, лицо которого было скрыто маской, отошёл в тень, направив палочку на неподвижного профессора, а Волдеморт, сидя в кресле, молча вертел в пальцах волшебную палочку Снейпа.

— Северус, даже не ожидал от тебя... — Тёмный Лорд поморщился. — Знал, что кто-то из вас предатель, но подозревал Люциуса.

Малфой вздрогнул и возмущённо повёл плечами.

— Выходит, всё это время, — голос Лорда понизился до угрожающего шёпота, — ты меня предавал... — Волдеморт поднялся из кресла и, подойдя к лежащему Снейпу, перевернул его ботинком. — Обычная смерть будет слишком милосердной наградой, — безгубый рот Лорда растянулся в улыбке. — Чем тебя купил Дамблдор? Что предложил этот старый придурок такого, чего не смог я? Власть, золото? — он презрительно рассмеялся. — Отвечай, Северус!

Глава 29. Лорд Волдеморт и Северус Снейп.

— Трус! — внезапно завопила Белла, тыча в профессора пальцем. — Он испугался! Испугался Азкабана! Я отстрадала за Лорда! Столько лет! Я!.. Кинуть эту мразь дементорам!!!

— Успокойся, Белла, — Волдеморт, прищурившись, посмотрел на Снейпа. — Северус, что тебе понравится больше: если я отдам тебя дементорам или разъяренной Белле?

— Дементорам, мой Лорд.

— Вот видишь, Белла, не ценит Снейп женский темперамент. Придётся, и в правду, отдать его в твоё распоряжение. Чтобы оценил, — Волдеморт носком ботинка откинул со лба зельевара закрывавшую глаза прядь, попутно оставив над бровью длинную ссадину. — Ну так как, Северус, рад? Я оставлю тебя наедине с красивой женщиной. Ты должен быть мне благодарен, — лицо Тёмного Лорда осталось неподвижным, на губах Малфоя заиграла довольная улыбка, а из угла, где стоял Упивающийся в маске, донеслось хихиканье, оборвавшееся, стоило Беллатрикс обернуться.

Мысли в профессорской голове обгоняли одна другую.

«...Тянуть время. Больше ничего не остаётся. Дамблдор бросится разыскивать Поттера...»

«...А если помощь не придёт — что тогда?»

«...Эликсир крови?»

«...У Поттера и так ни малейшего шанса выжить...»

«...Его треклятый отец спас мне жизнь... Но я вернул долг, когда мальчишка учился на первом курсе...»

В памяти всплыл недавний разговор с директором.

«...Что вы, Северус, это недопустимо. Нельзя жертвовать мальчиком». — «Вы же хотите избавиться от Волдеморта, так?! Это верный способ, я всё просчитал...» — «Неважно. Мы найдём другой. Северус, я вам запрещаю даже думать!..»

«...И всё-таки: если помощь не придёт?»

— Поттер жив? Он нужен живой, иначе ничего не выйдет.

— Снейп, ты бредишь? — Люциус Малфой закатил глаза.

— Тебя так беспокоит этот мальчишка? — Волдеморт посмотрел на профессора так, будто разглядывал на редкость противное насекомое. — Да, пока ещё живой, — он сделал ударение на «пока». — Но ты же, разумеется, понимаешь, что это ненадолго? — усмехнувшись, Лорд махнул рукой. — Белла, приведи пленников. Северус, кажется, соскучился, а мы же не хотим обижать старого товарища, — Волдеморт снова улыбнулся.

Беллатрикс исчезла за дверью и через пару минут вернулась с Гарри и Джоан, таща их за собой заклинанием, словно мешки с ветошью, задевая по дороге за мебель и углы. Оба были связаны, но в сознании. Снейп с усилием приподнял голову и встретился с испуганными глазами Джоан. Та, увидев его, вскрикнула, и профессор торопливо отвернулся.

— Итак, Северус, вот он — Поттер — перед тобой. Я сделал даже больше, чем ты просил: помимо последних минут юного героя-волшебника, ты сможешь наблюдать ещё и кончину неизвестной маглы. С последним тебе невероятно повезло: я намеревался избавиться от этого отребья сразу же, как Люциус её приволок, но, на твоё счастье, прислушался к просьбе Беллы — в тюрьме её единственным развлечением служило изобретение новых пыток, и она попросила отдать девчонку ей. Ты же понимаешь, что я не мог отказать моей верной Беллатрикс в такой малости?

Плечи зельевара едва заметно вздрогнули. Заклинание больше не держало, и он, пошатываясь, поднялся на ноги и сделал шаг к креслу, в которое опустился Тёмный Лорд. Нацелив палочку Снейпу в голову, Волдеморт с интересом наблюдал за ним. Хоть профессор и был безоружен, Малфой и Беллатрикс Лестрейндж тоже схватились за палочки. Джоан смотрела на Снейпа с испугом и надеждой, даже в глазах Поттера мелькнуло понимание и сочувствие, тут же сменившееся презрением и глухим отчаянием, когда Мастер зелий опустился на колени перед Волдемортом и коснулся губами кончика его ботинка.

— Мой Лорд...

Белла сделала шаг к униженно бормотавшему Снейпу и пнула его по лицу:

— Ты больше не имеешь права называть так Господина, — она ударила снова. Хрустнуло что-то в носу, и волна тёплой крови залила лицо. — Предатель!

Профессор попытался заслониться, но Беллатрикс, словно разъяренная фурия, продолжала лупить ногами по спине и плечам, выкрикивая как заведённая:

— Предатель! Предатель!..

Черты лица Волдеморта утратили неподвижность — он жадно наблюдал за происходящим, уголок рта нервно подёргивался. Малфой отвёл глаза от бывшего приятеля, губы его брезгливо изогнулись. Третий Упивающийся подался вперёд.

— Предатель! Предатель! Предатель! — колдунья тяжело и хрипло дышала, Снейп не сопротивлялся ударам, лишь прикрывал руками голову.

Белла нагнулась, обмакнула палец в лужицу крови и провела у него на лице линию ото лба к кончику носа.

— Забавно, не правда ли? — хрипло прошептала она, любовно оглядев свою работу, и медленно слизнула красную дорожку.

На лице Малфоя брезгливость смешалась с любопытством.

— У каждого человека свой, неповторимый вкус. Снейп, ты мне не нравишься: чересчур солёный, — Беллатрикс усмехнулась, взмахнула палочкой и прошептала:

— Nil spirare.

Губы и ноздри профессора заросли ровным слоем кожи. Удушье придало забрызганному кровью лицу фиолетовый оттенок. Белла присела рядом, запустила пальцы профессору в волосы и, приблизив его лицо к себе, заглянула в глаза.

— Что: воздуха глотнуть захотелось? — хрипло рассмеявшись, она потрепала слипшиеся грязные пряди и обернулась к Волдеморту. — Мой Лорд, позволить ему?

Дождавшись кивка своего господина, Беллатрикс наколдовала нож, проткнула кончиком кожу, стянувшую ноздри Снейпа, и намеревалась прорезать линию рта, но Волдемо́рт остановил её:

— Оставь так. Пускай помолчит.

Профессор шумно, с жадностью втягивал воздух. Застывшая Джоан смотрела на него с болью и ужасом. Гарри тошнило. Даже Упивающийся в маске больше не хихикал.

— Хватит, — чуть слышно произнёс Волдемо́рт. Напряжённо-прямая спина Малфоя слегка расслабилась; из тёмного угла, где стоял Упивающийся, раздался разочарованный вздох. Раскрасневшаяся и вспотевшая Беллатрикс быстрым движением откинула с лица растрепавшиеся волосы, поклонилась и отступила назад; грудь её часто вздымалась.

Снейп рукавом отёр кровь с лица.

Послышался короткий выдох — это Джоан вспомнила, что нужно дышать.

Поттер, сжав губы, смотрел на Беллатрикс.

Лорд с удовлетворением оглядел компанию и издал короткий смешок.

— Северус, у тебя совершенно отсутствует вкус, как ты мог предпочесть дементоров Белле? Уверяю тебя, ни один из них не обладает таким горячим темпераментом. Максимум, на что способны эти жалкие существа — один-единственный поцелуй.

Волдемо́рт замолчал, ожидая реакции, и она незамедлительно последовала: Белла издала нечто, похожее на довольное мурлыканье, Люциус натянуто улыбнулся, а третий Упивающийся захихикал. Профессор, наконец, узнал этот голос — он принадлежал Драко Малфойу, его бывшему любимцу.

— Так ты о чём-то хотел меня попросить, Северус? — приподняв бровь, поинтересовался Волдемо́рт. — Не о снисхождении, надеюсь? Или ты валяешься у меня в ногах в надежде, что это поможет твоей магле? Неужели ты такой кретин, чтобы на это рассчитывать? Или я был о твоём уме незаслуженно высокого мнения? — Тёмный Лорд взмахнул палочкой и кожа, срастившая губы зельевара, исчезла.

— Мой Лорд! Я вас не предавал, клянусь! — хрипя и давясь собственной кровью, Снейп уцепился обеими руками за край хозяйской мантии. Драко вытянул шею, словно боялся пропустить хоть слово.

— Проклятую маглу мне приказал спрятать Дамблдор! Поверьте, у меня не было выбора! Мой Лорд, умоляю, прочтите мои мысли, и вы убедитесь, что я не предатель! — Снейп снова отёр рукавом сочащуюся из разбитого носа кровь.

Гарри плюнул. Джоан беззвучно плакала.

Малфой нервно крутил в руке палочку, Беллатрикс смотрела на Снейпа с ненавистью и недоверием.

— Какой же ты дурак, если надеешься меня обмануть. Я вижу все мысли этой глупой девчонки. Ты её любишь, — Волдемо́рт поморщился. — Фу, Северус, как низко ты пал... В школе — грязнокровка, теперь — магла. Я сразу должен был тебя раскусить... — он направил на Снейпа палочку. — Авада...

— Нет, мой Лорд! Это неправда! Я не люблю её! — заметив, что Лорд опустил палочку, Снейп продолжил уже не так быстро. — Я просто воспользовался девчонкой, чтобы компенсировать моральный ущерб от необходимости прятать её у себя. А что она себе при этом возомнила — уже её проблемы, — профессор приложил к сломанному носу край мантии, пытаясь остановить кровь.

Джоан отвернулась, плечи девушки мелко вздрагивали. Гарри ничем не мог ей помочь, да и сейчас ему было не до неё: перед ним раскрылась вся глубина предательства слизеринского ублюдка: Дамблдор, Орден Феникса, даже Моуди — все были обмануты этим скользким гадом. Выходит, Снейп лишь сделал вид, что порвал с грязным прошлым, чтобы втереться в доверие к директору — для того, чтобы Волдеморт первым узнавал о планах Ордена! Гад! Предатель! Сволочь! Сжатые кулаки дрожали, ногти впивались в кожу. Мерзкий ублюдок! О, если б можно было добраться до палочки! Вот кто безусловно достоин смерти — Снейп! Гарри постарался сконцентрировать всю свою ненависть и отчаяние на длинноносой твари в чёрной мантии, всей душой желая, чтобы тот свалился в предсмертной корче, чтоб его разорвало на куски, чтобы прогнившая кровь зельевара расплескалась по комнате... Пусть будет, как в тот раз, когда волшебная сила вырвалась из-под контроля, наказав злобную тётку Мардж! Но Снейпу мало просто взлететь под потолок! Предатель, предатель, предатель! Пусть он сдохнет, как последняя крыса, пусть ему будет больно, очень больно, пусть смерть его будет так же безобразна, как и его предательство!!! Ненависть жгла Гарри изнутри, казалось, если эта боль не найдёт выхода, она убьёт его. Но чудо не происходило. Снейп, как ни в чём не бывало, по-прежнему на коленях пресмыкался перед Волдемортом, заглядывая тому в глаза. Слизеринец! Такой же, как оба Малфоя! Чёртов Слизерин — рассадник убийц и обманщиков! И оба Лестрейнджа оттуда, и Гойл, и Крэбб... Надо запретить, уничтожить этот факультет! А самой подлой змеей оказался декан Слизерина! От ярости и сознания собственного бессилия у Гарри на глазах выступили слёзы.

Это тотчас заметил Драко Малфой: подойдя к Гарри, он глумливо рассмеялся:

— Поттер-то наш испугался! Что, герой, сопли распустил? Ай-ай-ай!

— Не плачь, поттерёныш, скоро ты встретишься с мамочкой и папочкой, они тебя утешат! — подхватила Беллатрикс.

Лорд прервал их раздражённым жестом, его внимание было сосредоточено на Снейпе.

— Легилемс! — профессора отбросило назад, голова запрокинулась. Волдеморт поднялся на ноги и, не отводя от Снейпа палочки, впился в него колючим взглядом. Несколько долгих минут прошло в полной тишине, слышно было только, как зельевар изредка судорожно сглатывает

Затем Тёмный Лорд опустил палочку. Профессор чёрной кляксой стёк на пол. Волдеморт задумчиво глядел на Снейпа, постукивая палочкой по ручке кресла. Драко на всякий случай подошёл поближе к отцу.

— Мой Лорд, — шелестя подолом мантии по полу, профессор неуклюже подполз на коленях к Волдеморту, — я нашёл истинный рецепт эликсира крови. Я могу его приготовить.

В красных глазах блеснул триумф, тут же сменившийся подозрением:

— Не вздумай меня отравить, Снейп! Ты первый попробуешь своё варево, — Волдеморт обошёл его кругом, шипя. — Кроме того, ни один яд не принесёт мне вреда... А в доказательство преданности ты сам убьёшь Поттера, — он задрал профессору подбородок и пристально посмотрел в глаза.

— Да, хозяин, — прозвучал спокойный ответ.

Джоан в ужасе вскрикнула, Гарри же промолчал, с ледяной ненавистью глядя на своего учителя.

Волдеморт направил на Снейпа палочку, и кровотечение прекратилось.

— Вытри лицо, Сопливиус, а то в котёл накапаешь, — Упивающиеся дружно рассмеялись хозяйской шутке.

— Приступай! — Лорд махнул рукой, и на середину комнаты с грохотом приземлился огромный чугунный котёл и множество баночек, бутылочек и мешочков с ингредиентами.

Профессор придирчиво оглядел кучу и, недоумённо подняв бровь, фыркнул:

— Господин приказывает сварить мне из Поттера суп? — Гарри дёрнулся в невидимых путях.

Зельевар невозмутимо продолжал:

— Котёл серебряный строго определённого размера, платиновый черпак; ножи: железный, обсидиановый и золотой; ступка и пестик из кости мамонта, малахитовая доска для нарезки, алмазная тёрка, рог единорога, молочный зуб детёныша китайского дракона, моча

новорожденного клубкопуха, желудок гремучей змеи, левое заднее копыто кентавра и ещё добрая сотня составляющих. Где прикажете всё это взять?

Волдеморт нахмурился, пальцы, сжимавшие палочку, побелели. Беллатрикс успела уже проговорить первый слог заклинания боли, когда Лорд жестом остановил её.

— Снейп, надеешься выиграть время? Или думаешь, что я отпущу тебя прогуляться по магазинчикам?

Нагайна, до этого спокойно наблюдавшая за происходящим, угрожающе зашипела.

— Мне необходимы ингредиенты, — голос зельевара был бесстрастен, он словно не замечал ни угрозы в голосе Волдеморта, ни ледяной ярости в глазах Гарри, ни смеси жалости и отвращения во взгляде Джоан,.

— Я могу взять это в моём замке, — предупреждая гнев Лорда, предложил Снейп. — Всё необходимое есть в Снейп-холле.

Если удастся улучшить момент и освободить МакГрегора, чтобы тот предупредил Дамблдора... или хотя бы оставить какой-то понятный директору знак...

— Легилеменс!

Профессор отвёл взгляд, лицо его напряглось, на лбу выступили капельки пота.

— Нет, Снейп! Ты будешь смотреть мне в глаза, ясно? Империио! Легилеменс!

Сопротивляться двум заклинаниям одновременно было всё равно, что пытаться сдвинуть с места гору. Всё его существо жадно стремилось окунуться в глубину красных глаз, довериться застывшему в кресле человеку свои и чужие тайны... Рассказать, и станет легче... Пусть думают и борются другие... Например, знаменитый Поттер... Нет уж! Никакого Поттера. Снейп посмотрел в глаза Волдеморту и представил на их месте щит. Щит получился плохонький, словно сколоченный из кривых серых досок пьяным плотником, но всё же помог: Волдеморт кивнул и отвёл палочку. Невидимая струна, протянувшаяся между их сознаниями, лопнула, и Снейпа рывком отбросило назад.

Джоан отвернулась и напряжённо уставилась в стенку на противоположной стороне комнаты. Она больше не плакала.

— Повелитель, — поднявшись с пола, повторил зельевар, — мне нужны ингредиенты.

— Люциус, Драко, отправитесь с ним. Воспользуются порталом. Ступайте.

Малфой изящно наклонил голову и, ухватив Снейпа за рукав, коснулся палочкой взятой с полки книги:

— Портус.

Люциус подал знак сыну, и все трое одновременно коснулись портала.

Глава 30. Рождение и гибель.

Двуликий Янус, твоё лицо —
к жизни одно и к смерти одно —
мир превращает почти в кольцо,
даже если пойти на дно.
А если поплыть под прямым углом,
то, в Швецию словно, упрёшься в страсть.
А если кружить меж Добром и Злом,
Левиафан разевает пасть.
И я, как витязь, который горд
коня сохранить, а живот сложить,
честно поплыл и держал Норд-Норд.
Куда — предстоит вам самим решить.
И. Бродский

— Северус, быстрее! Быстрее, ты слышишь! — Малфой, прислонившись к столу, нетерпеливо барабанил пальцами по крышке, его наследник, стоя посреди лаборатории покойного Нерона, мял в руках лайковые перчатки.

Снейп как раз закончил расставлять пузырьки в огромном сейфе с препаратами в виде надписи «дом Риддла».

— Слышу, Люциус. Зря ты меня сбил, — взгляд профессора уцепился за баночку с названием «оборотное зелье»; повинувшись импульсу, Снейп упрятал её в карман. — Пергамента с рецептом у меня с собой нет — всё приходится искать по памяти. Теперь из-за твоей несдержанности придётся проверять сначала.

— Гоблиново семя! Снейп, ты что же, думаешь, безнаказанно будешь надо мной издеваться, да?! Если через пять минут не закончишь, Беллины шуточки покажутся тебе младенческим сюсюканьем!

Профессор медленно обернулся и тяжело посмотрел на Малфоя:

— Если не нравится, делай сам, — зельевар демонстративно уселся на стул, закинув ногу на ногу.

Перчатка, которую вертел в руках Драко Малфой, с чуть слышным шлепком упала на пол, подняв облачко пыли. Парень растерянно перевёл глаза с профессора на оброненную перчатку, а затем на отца.

— Он ведь должен слушаться... На него не действует Империио... — Драко отбросил вторую перчатку и направил на декана палочку.

Люциус презрительно изогнул бровь:

— Сопротивляться Империио может научиться каждый. Будь любезен, сынок, закрой рот... Северус, — в серых глазах блеснула искорка, — я вижу все твои мысли как на ладони, без всякой, к гоблину, легилемении. Думаешь выиграть время, надеешься на помощь Дамблдора? Рассчитываешь, что маглу твою, пока ты здесь, никто не тронет? Ошибаешься. Да, я хотел бы, чтобы ты приготовил мне из её крови эликсир. Но будем рассуждать трезво: вряд ли Лорд это допустит. Скорей, он убьёт тебя сразу же, как только ты закончишь работу. Хотя, возможно, и даст пожить ещё чуть-чуть: ведь у Поттера есть родичи, маглы, и Лорд может заинтересоваться ими в качестве сырья...

— Тёмный Лорд, выходит, родственник маглам? — Драко выпучил глаза.

Снейп зло расхохотался. Малфой отвесил сыну звонкую пощёчину:

— Молчать, щенок!

Драко пристыжено отступил назад, потирая горящую щеку. Малфой яростно сверкнул глазами на сына и резко обернулся к зельевару:

— Возможно, Белла сейчас от скуки выкалывает твоей девке глаза, забивает под ногти иглы или вырезает на коже узоры...

— Люциус, ты не понимаешь по-английски?! Повторяю: мне нет никакого дела до магловской потаскушки! Пусть Белла хоть фарш из неё готовит, ясно?!

Малфой смерил его взглядом:

— Не знаю, как тебе удалось провести Лорда, но меня, Северус, ты не обманешь. Я хорошо помню, как на тебя подействовало убийство школьной подружки-грязнокровки. Возможно, ты научился прятать мысли даже от Лорда. Он не в силах допустить, что кто-то в чём-то его превзошёл, и поверил тебе... Но элементарная логика говорит, что ты врешь. И пока я скрываю это от Лорда, ты у меня в руках, ясно?

Снейп метнулся к Малфою. От неожиданности тот немного отступил, но тут же выхватил палочку. словно не замечая угрозы, профессор с перекошенным от ярости лицом надвигался на Люциуса. Драко, забыв, что декан безоружен, отошёл за шкаф.

— Северус, я могу сохранить твою тайну, при условии, что ты поможешь мне!

Профессор вцепился блондину в ворот мантии, не замечая, что в грудь ему упёрлась палочка Малфоя.

— Северус! — Люциус чуть не сорвал голос, — Если ты приготовишь эликсир для меня, я постараюсь сохранить жизнь и тебе, и твоей девчонке!

Снейп опустил руки. Малфой заговорил спокойнее:

— Ты согласен?

Помолчав, тот обернулся к Драко и, задержав на парнишке взгляд, спросил с усмешкой:

— А если не Джоан, кто же будет «донором»?

Младший Малфой побледнел как снег.

Люциус некоторое время смотрел на сына, затем обернулся к профессору:

— Это моя забота. Итак, договорились?

— Да.

— Я рад. Но запомни, Северус, я ничего не гарантирую, я лишь обещаю постараться, — он поморщился и смахнул с воротника невидимые пылинки. — И быстрее. Собирай свои вещички быс-тре-е. Помни про девчонку, — из раздражённого голос его вновь стал привычно-скучающим. — Драко, подвинь ту банку на место, всё должно выглядеть так, словно здесь никого не было.

Только младший Малфой послушно шагнул к полкам, в руке Люциуса взметнулась палочка:

— Обливизйт, — Драко удивлённо обернулся, моргая пустыми глазами, а ленивый голос старшего Малфоя неторопливо продолжил. — Северус, нас ждут.

Наконец, сборы кончились. Профессору так и не удалось добраться до МакГрегора. Единственная надежда зельевара заключалась в том, что Дамблдор вздумает искать его в родовом замке, обратит внимание на полуоткрытый сейф и догадается туда заглянуть. А также правильно истолкует порядок расстановки пузырьков. После чего не упустит шанс снова показать миру, кто величайший волшебник современности.

Нагруженный компонентами, котлом и прочей утварью, зельевар уже тянул руку к малфоевскому portalу, когда вдруг понял, что его ухищрения напрасны: директору и в голову не придёт его искать — подумает, что строптивый декан решил организовать собственные поиски Поттера. И уж тем более Дамблдор не додумается заглянуть в родовое гнездо Снейпов...

— Целый час! Малфой, я уж думала, вы втроём надумали сбежать! — особняк Риддлов встретил их негодующим возгласом Беллатрикс. Профессор отыскал глазами пленников. Оба — и Поттер, и Джоан — были живы.

Люциус метнул на Беллу холодный взгляд и поклонился Волдеморту:

— Поверьте, мой Лорд, ни единой секунды не было потеряно даром.

Волдеморт нетерпеливо посмотрел на Снейпа:

— Можешь приступать к работе. На всякий случай запомни: если мне что-то не понравится, Круцио получите все вместе: и ты, и пленники.

...Зелье уже три часа как бурлило в котле, распространяя по комнате довольно приятный запах лимона и таёжной хвои.

Рецепт непростой и требует абсолютной сосредоточенности. Можно, конечно, «напутать» и сварить не то, но раз судьбы и его, и Джоан, и мальчишки всё равно предрешены, глупо отказываться от представившейся возможности. Стопроцентной уверенности нет, так как подобного эксперимента никто не проводил, но и расчёты, и интуиция опытного зельевара говорят, что кровь одного человека не может быть использована для возрождения другого дважды. Волдеморт должен или погибнуть, или развоплотиться, как тогда, пятнадцать лет назад.

Профессор старался не думать о том, что по приказу Лорда ему самому предстоит перерезать мальчишке горло: все силы отнимали приготовление эликсира и блокировка сознания.

Наконец, над котлом поднялся розоватый дымок, означавший, что зелье почти готово.

Надежды профессора на помощь Дамблдора не оправдались: ни директор, ни члены Ордена Феникса в особняке Риддлов так и не появились.

Ещё пять минут помешать и снять с огня. Осталось добавить главный ингредиент. Заскучавшая от долгого ожидания Беллатрикс заметно оживилась.

Снейп подошёл к Гарри. Тот, не моргая, смотрел на него. Профессор старался придать лицу безразличное выражение, но чувствовал, что у него ничего не выходит.

— Мерзавец! — выкрикнул парень.

Профессор не отвёл взгляд. Тогда Гарри плюнул. Снейп молча отвернулся и вытер лицо платком. Глаза его случайно встретились со взглядом Джоан, профессор побледнел, выронил платок и, резко обернувшись к Гарри, схватил парня подмышки и, не дав тому опомниться, выволок на середину комнаты.

Мальчишка отчаянно бился, пытаясь избавиться от пут, орал, плевался, ругался и исхитрился даже прокусить Снейпу палец, когда профессор устраивал его голову на полу.

— Предатель! Чтоб ты сдох! — выкрикнул Гарри очередное проклятие. Профессор на миг опустил веки — в памяти возник он сам в шестнадцать лет, бессильно проклинаящий гриффиндорцев задыхаясь от лезущей изо рта мыльной пены... Но тогда его никто не убивал...

— Сволочь! Ублюдок! Убийца!..

Снейп старался не смотреть на Гарри.

— Мой Лорд, нужно, чтобы вы переломили палочку Поттера и дали мне.

Получив из рук Волдеморта обломки, профессор, прежде чем бросить их в котёл, незаметно нащупал торчащий из разлома кончик пера, выдернул несколько ворсинок и зажал добычу между указательным и средним пальцами. Помешав зелье, он вернулся к лежащему на полу Поттеру, быстрым движением вынул из кармана небольшую баночку, уронил туда кусочек пера и поднёс мальчишке ко рту:

— Пей.

— Что это? — нахмурился Волдеморт.

— Чтобы кровь дольше не свёртывалась, — ответил профессор первое, что пришло в голову.

Гарри дёрнулся, но Снейп прижал его голову к своей груди, одновременно зажимая парню нос. Гарри открыл рот, хватая воздух, и профессор, воспользовавшись этим, влил зелье. Дождавшись, пока мальчишка проглотит, профессор аккуратно опустил его на пол и быстро взглянул на Джоан. В её глазах пылала ненависть.

* * *

Квадратная каменная чаша чуть подрагивала в левой руке. Северус никогда не убивал... Флора не в счёт... Никогда не убивал осознанно. Профессор заставил себя смотреть не на Гарри, а на сумрачно поблёскивающий клинок. Медлить нельзя. Мелькнуло лезвие, словно действуя независимо от воли хозяина, и алая мальчишеская кровь рекой хлынула в прислонённую к ране глубокую чашу. Вылить на пол. Волдеморт дёрнулся — идиот! — так надо. Ещё раз до верха — и снова вылить. Белла металась, не зная, что предпринять, палочка её указывала то на Джоан, то на Снейпа, но Лорд жестом остановил Лестрейндж. Теперь чаша наполнялась медленно, не бурными торопливыми толчками, как вначале, когда уходила сила и жажда жизни, а слабыми и редкими, уносящими надежду и саму жизнь. Именно эта, последняя кровь нужна для эликсира. Осталось соединить её с содержимым котла... Снейп бросил на Поттера быстрый внимательный взгляд. Серое лицо, побелевший шрам, закатившиеся глаза... Черты начинают меняться: нос заостряется, словно клюв, кожа покрывается кроваво-алыми перьями. Слава Мерлину, пока никто этого не заметил: Снейп стоял на коленях перед лежащим на полу мальчишкой, поддерживая одной рукой его голову, а другой прижимал к ране каменную чашу, и длинные профессорские волосы заслонили лицо Гарри от остальных.

Последняя капля, помедлив, упала на край чаши. Быстрым движением расстегнув на шее мантию, Снейп набросил её на Поттера. Беллатрикс подозрительно зыркнула, но внимание ведьмы было отвлечено золотым, необычайно ярким свечением, поднявшимся над котлом, когда профессор выплеснул в зелье содержимое чаши. Эликсир крови был готов.

— Пробуй! — под пристальным взглядом Волдеморта Снейп послушно сделал несколько глотков.

Тёмный Лорд подошёл к котлу и осторожно зачерпнул стакан светящейся лавы.

— Он не горячий, — торопливо вставил зельевар.

Волдеморт опасно поднёс стакан к губам.

Все, кроме беззвучно плачущей Джоан, с замиранием сердца следили, как пустеет стакан Лорда. Допив, тот окинул собравшихся взглядом триумфатора, схватился за сердце и пошатнулся.

— Мой Лорд! — Беллатрикс подхватила хозяина за плечи.

Все палочки устремились к Снейпу, но в ту же секунду запылала мантия, под которой лежало тело Гарри. Это спасло профессора. Малфой отбросил горящую ткань, и из кучки пепла вынул крохотного беспомощного птенца.

— Феникс! Поттер превратился в феникса! — выкрикнула Беллатрикс.

Волдеморт вздрогнул, открыл глаза и оттолкнул Лестрейндж.

Снейп уставился на него с нескрываемым ужасом. Хозяин с не меньшим ужасом разглядывал свои руки.

— Мой Лорд, всё в порядке? Как вы себя чувствуете? — в ответ на вопросы Малфоя и Беллы Тёмный Лорд лишь снова вздрогнул и дрожащей рукой коснулся лба.

Узнав этот жест, профессор покачнулся.

— Снейп хотел вас отравить? Скажите слово, я убью предателя!

Слова Беллатрикс словно помогли Волдеморту прийти в себя. Он внимательно оглядел Снейпа и потянулся к поясу, нащупывая палочку. Профессор побледнел, с вызовом глядя в красные глаза.

— Я сам, — прошептал Волдеморт и шагнул к Снейпу.

Тот остался стоять на месте. Тёмный Лорд подошёл почти вплотную.

— Снейп!

Профессор невольно опустил глаза. С такой ненавистью ещё никто не произносил его фамилию.

— Снейп!

Плечи зельевара поникли, и он отступил.

— Круцио! Легилемс!

У Снейпа уже не было сил защищаться. Заклинание боли бросило его на доски, ломая, как щепку. У Волдеморта Круцио не было таким сильным. «Что ж, — прежде чем смениться фейерверком боли, мелькнула у профессора последняя внятная мысль, — я это заслужил». Второе проклятье не встретило сопротивления.

Малфои и Белла недоумённо следили за происходящим: было непонятно, зачем хозяину третий раз за сутки понадобилось рыться в памяти зельевара, тем более так долго. Можно было подумать, что Лорду вздумалось пролистать все воспоминания Снейпа от младенчества до сегодняшнего дня.

Наконец, Волдеморт отвёл палочку и, тяжело дыша, опустился в кресло. Зельевар остался лежать распластанным на полу. О том, что он жив, догадаться можно было лишь по хриплому дыханию.

Хозяин обвёл Упивающихся слегка растерянным взглядом, словно видел их впервые в жизни.

— Мой Лорд, простите за дерзость, эликсир подействовал?

— Да. Малфой, дай сюда феникса!

Люциус положил птенца в ладонь хозяина.

— Мой Лорд, это Поттер. Наверное, мальчишка анимаг.

— Мой Лорд, дайте гадёныша мне, уж я-то не позволю ему снова воскреснуть.

Снейп поднял голову, пытаясь встретиться взглядом с красноглазым существом. Если в нём соединились способности обоих волшебников, он должен суметь прочесть нужную мысль. Ну же, Поттер! Выстави отсюда Упивающихся, пока они не догадались, и надо бежать! Поттер, Поттер, ты слышишь?! Гоблинский щенок! Или ты навсегда решил остаться Волдемортом?!

Красноглазое существо медленно повернуло к профессору голову, и тот понял, что ошибся. Эликсир подействовал, как того и хотел Волдеморт, Гарри мёртв, а вместе с ним, авансом, мёртв и весь магический мир. Не говоря уже о некрасивом профессоре и красивой магле. Снейп задержал взгляд на Джоан и не сразу понял смысл слов Волдеморта:

— Уйдите. Я хочу остаться один, с пленниками.

Упивающиеся прощались и аппарировали, а в сердце профессора загоралась надежда. Когда же Белла последняя покинула особняк на окраине магловской деревушки, Джоан с изумлением увидела, как красноглазое существо нагнулось над черноволосым измученным человеком, протянуло ему палочку и прошептало:

— Простите меня, профессор Снейп.

Эпилог

Упивающихся ловили по всей Британии ещё полгода, но всех, разумеется, не поймали. Оставшихся объявили вне закона. Беллатрикс была убита в стычке с аврорами, Малфои всей семьёй успели удрать из страны. Снейп пытался разузнать насчёт их имущества, так как Джоан была Малфоям ближайшей родственницей, но и поместье, и лондонский особняк оказались переоформлены на подставных лиц.

Фадж, как ни цеплялся за должность, вынужден был под нажимом общественности уйти в отставку. Новым министром стала мадам Боунс.

Дамблдор на пару дней оставил Хогвартс. Погобив в семье своей бывшей ученицы, он вернулся из Веллингтона весёлый и довольный.

Салли МакГрегор благополучно родила очередную девочку.

Седьмой курс Гарри и Рона, как всегда, не обошёлся без приключений, но то были приключения, которые оставляют лишь приятные воспоминания.

Снейп, которому директор предложил должность преподавателя Защиты в безраздельное пользование, подумав, отказался и посоветовал Дамблдору оставить всё как есть.

Гарри так и остался в облике Волдеморта, никакая магия не смогла вернуть ему прежнее тело, но Снейп, смягчивший своё отношение к парню, сумел зельями поменять тому цвет глаз с красного на зелёный.

Птенец оказался самым настоящим фениксом. Душа Волдеморта, слава Мерлину, в него не вселилась. Даже Дамблдор на этот раз был уверен, что с Томом Риддлом покончено навсегда. Директор и зельевар, много раз обсуждавшие, почему превращение пошло не по плану Снейпа, пришли к выводу, что в готовящееся зелье попала кровь профессора из прокушенного Поттером пальца. Она-то и изменила свойства эликсира. Молодой феникс, кстати, оказался юной леди, чему невероятно обрадовался Фоукс. Через год, когда малышка Флеминг подрастёт, в Хогвартсе появятся птенцы. А пока и седые преподаватели, и одиннадцатилетняя малышня одинаково задирают головы и задерживают дыхание, вслушиваясь в чарующие звуки, когда под сводами готического замка, словно две крылатых зари, рисуют фигуры изысканного танца два огненно-золотых феникса.

Постскриптум

Я рассказываю тебе,
Овладев рукою твоей,
О чудесной, как сон, судьбе,
О твоей судьбе и моей.

Н. Гумилёв

Надо принять обычное выражение лица, иначе он сразу догадается. Лучше выпить воды и успокоиться. Интересно, он обрадуется? Не может не обрадоваться! Скорей, к нему! Ой, я вся красная от счастья. Нет, точно, сперва надо успокоиться, или заставит выпить какую-нибудь горькую бурду.

— Северус!

Сидит в глубоком кресле. В своём любимом, тёмно-зелёном, мягком, с высокой спинкой. Нога на ногу, руки сложены на груди, скучающий взгляд. Эти чёрные пряди на бледном лбу... Я никогда, наверное, не смогу любоваться ими без волнения...

— Ммм?..

Медленно повернул голову. Как же везёт его ученикам. Каждый день им выпадает это счастье — видеть его. И как, о господи! повезло мне! Его осанке, его властным движениям позавидовал бы король. Хотя, разве могут современные монархи, жалкие владельцы обветшавших титулов и поизносившихся генов, сравниться с ним? Нет, конечно!

— Джоан, ты намеревалась мне что-нибудь сказать или просто развлекаешься тем, что вслух разучиваешь моё имя?

Какой у него голос! Боже, что я такого хорошего совершила, за что ты наградил меня подобным счастьем? Разве могла я мечтать об этом — быть женою самого красивого, самого умного, самого доброго...

— Джоан, тебя похлопать по спине или ты справишься сама?

Когда он говорит, я смотрю на его губы. Мне нравится их изгиб. Я вспоминаю древнее оружие — лук. И каждое слово его, как стрела: точное, меткое, острое. Мне не страшно быть мишенью. Я люблю его.

— Джоан, если ты не прекратишь меня разглядывать, я не знаю, что с тобой сделаю, но ты об этом пожалеешь.

Ах, да! Я же хотела...

— Северус, милый!

Скривился. Но я-то знаю, что ему нравится, когда я его так называю.

— У меня для тебя сюрприз!!!

Нет, я ни капельки не умею держать себя в руках! Чувствую, как самая идиотская, несчастливейшая улыбка растягивает мне щеки так, что ещё немного, и они заползут за уши.

— Ммм?..

Когда он делает так, как сейчас, я точно знаю — он притворяется, на самом деле ему любопытно, но он ни за что не признается в этом.

— Я хочу, чтобы сперва ты попробовал угадать! Ну, пожалуйста!

Бросил насмешливый взгляд. А я и рада. Бросил — я поймала. Не пропадать же зря такой красоте!

— Джоан, попробуй придумать что-нибудь поумнее. Мне казалось, ты выросла из того возраста, когда ещё интересно играть в загадки. На свой счёт я уверен точно.

Каждый разговор превращается в словесную игру. Я знаю, мне никогда не станет с ним скучно.

— Ну, Северус, любовь моя, неужели тебе трудно попытаться? Или боишься проиграть?

Нахмурился, чтоб я не заметила ненароком, как он чуть не улыбнулся.

— После того, как Уизли покинули Хогвартс, единственное, чего я боюсь — нашествия их потомков.

— А больше ты ничего не боишься, уверен? Подумай хорошенько!

О! Вот он и улыбнулся! Пусть улыбка лишь на миг озарила любимое лицо, но ведь чем самоцвет реже, тем он дороже.

— Ещё? Ещё боюсь, что через несколько лет Хогвартс наводнят маленькие негодяи Поттеры. Хотя, с такой внешностью... Думаю, *этого* я могу не опасаться.

Я не могу не смеяться его шуткам. Может, я пристрастна, но за всю жизнь я не встречала человека умнее и остроумнее. Наверное, я смеюсь слишком часто и много, и за это он считает меня чересчур легкомысленной, но чутьё — а оно редко меня подводит — чутьё подсказывает мне, что именно это он во мне и любит.

— Так ты будешь угадывать? Иначе я ничего не скажу!

Его рука замерла на полпути к чашке. Пожалуй, лучше я отодвину сервировочный столик подальше. Такие точные, отточенные движения, как у него, ещё поискать, но кто знает... Не хочу, чтоб он вылил на себя горячий чай.

— Кажется, если я не приму участия в этой глупой детской затее, спокойно насладиться чаем любезная супруга мне не позволит? Хочешь, чтобы я пожалел, что женился на тебе?

Снова сложил руки на груди. Как ему идёт эта поза.

— Ну же, Северус! Пожалуйста! Ну чего тебе стоит?

Испытующе смотрит на меня, а я вся сияю, как начищенная монетка... Господи, побледнел! С чего это он?.. Ну вот, опять принял прежний вид, так-то лучше!

— Уж не хочешь ли ты сказать... Джоан, твой сюрприз в том... У нас будет ребёнок?

Нет, Северус, волнение ты от меня не скроешь, как ни старайся! Я тебя знаю как облупленного, пожалуй, лучше, чем саму себя! А люблю — так уж точно, больше.

— Не угадал.

А вот за это разочарование я люблю тебя ещё сильнее. Если только возможно *любить сильнее*.

— Так тебе интересно узнать про сюрприз? Нет? А я всё равно скажу! Северус, у нас с тобой будет два ребёнка! Два! Понимаешь? Двойняшки!!!

Оглавление

Глава 1. По дороге из Хогсмита.	3
Глава 2. Ночной костер.	7
Глава 3. Гриффиндорская троица.	11
Глава 4. Белый конверт.	16
Глава 5. Утренняя газета.	20
Глава 6. Месть слизеринца.	23
Глава 7. Люциус Малfoy.	29
Глава 8. Джоан Димпл.	34
Глава 9. Пленница.	37
Глава 10. Полеты.	41
Глава 11. В Хогвартсе.	43
Глава 12. Новые заботы.	47
Глава 13. Сомнения.	51
Глава 14. Сорока-воровка.	54
Глава 15. Сюрпризы.	58
Глава 16. Альбус Дамблдор.	62
Глава 17. Мастерница виноватых взоров.	66
Глава 18. Северус Снейп.	69
Глава 19. Ночь.	74
Глава 20. Подарок Дамблдора.	77
Глава 21. Прощай, замок!	82
Глава 22. Беглянка.	86
Глава 23. Нехорошая квартира.	89
Глава 24. Месть.	92
Глава 25. В роли сироты.	96
Глава 26. Покойник.	99
Глава 27. Что было после.	104
Глава 28. Домашний эльф семейства Малфоев.	108
Глава 29. Лорд Волдеморт и Северус Снейп.	111
Глава 30. Рождение и гибель.	116
Эпилог.	120